

Габриэлла Попор

Из истории древнерусской литературы

Кишинэу, 2022

Одобрено и рекомендовано к печати
на заседании Сената КГПУ им. И. Крянгэ,
протокол №10 от 26.05.2022

Автор:

Габриэлла Топор, доктор филологии, конференциар кафедры «Язык и общение», КГПУ им. И. Крянгэ

Рецензенты:

Ирина ЦВИК, доктор педагогики, КГПУ им. И. Крянгэ;

Любовь ПРОКОПИЙ, доктор филологии, конференциар, ТГУ.

Курс лекций написан в соответствии с основными положениями программы курса «История древнерусской литературы». В его основу положен курс лекций, читаемый на Факультете Филологии и Истории КГПУ им. И. Крянгэ.

Настоящее, второе, издание истории древнерусской литературы предназначено в качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей вузов. В нём рассматривается процесс становления и развития, а также тематическое и художественное своеобразие литературы Древней Руси XI – XVII вв.

Данное издание дополнено новой библиографией.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA

Топор, Габриэлла.

Из истории древнерусской литературы / Габриэлла Топор. – Кишинэу : СЕР UPS, 2022. – 150р. :tab.
Referințe bibliogr. în text. – 100 ex.

ISBN 978-9975-46-626-4.

821.161.1.09

T 584

**Centrul Editorial-Poligrafic al Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă” din
Chișinău, str. Ion Creangă, nr. 1, MD-2069**

СОДЕРЖАНИЕ

Особенности древнерусской литературы и её жанров. Периодизация древнерусской литературы	6
Возникновение древнерусской литературы. Переводная литература XI-XIII вв. и её роль в становлении древнерусской литературы	18
«Повесть временных лет» – литературный Памятник xi – xii вв.	43
«Слово о полку Игореве» – величайший памятник славянской письменности	53
Жанр дидактической прозы в древнерусской литературе	59
Эволюция агиографической литературы	69
Повести Куликовского цикла	81
Новые явления и тенденции в древнерусской литературе II-ой половины XVII века	90
Появление и развитие русской поэзии	115
Начало русского театра и драматургии	124
Приложение.....	128
«Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде»: опыт сравнительно-типологического анализа	128
«Повесть о Петре и Февронии» в контексте средневековой литературы	136
Словарь	141
Синхронистическая таблица.....	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнерусская литература – первая дисциплина историко-литературного цикла, поэтому ее изучение предполагает не только получение студентами определенного объема знаний по предмету, но и формирование личности филолога, развитие интереса к научному поиску, культуры литературоведческого труда. Курс истории древнерусской литературы направлен на выработку у студентов вдумчивого отношения к произведению искусства слова, воспитание гражданственности и патриотизма, формирование высокой нравственности и развитие эстетического чувства. Также курс имеет целью развитие практических навыков анализа художественных текстов. Исходя из этого, цель учебного курса заключается в формировании у студентов представления о специфике древнерусской литературы в целом и о наиболее её существенных достижениях. Этому поможет настоящее пособие, которое предназначено для студентов филологических факультетов.

Настоящее учебное пособие написано в соответствии с основными положениями программы курса «История древнерусской литературы». В его основу положен курс лекций, читаемый на Факультете Филологии и Истории КГПУ им. И. Крянгэ.

Цель данного пособия – помочь студентам всесторонне и глубоко изучить и осмыслить проблематику и поэтику произведений древнерусской литературы, а именно раскрыть идейно-художественное своеобразие произведений данного периода, что должно способствовать более активному усвоению материала. Поэтому основное внимание в пособии обращено на процесс становления и развития древнерусской литературы, начиная с XI и заканчивая XVII столетием. В нём предпринята попытка раскрыть тематическое многообразие и художественную специфику древнерусской литературы, характер её жанров и ведущих стилей.

Пособие последовательно раскрывает историю древнерусской литературы. Его построение определено хронологическим принципом. Литературный диапазон достаточно широк: от рассмотрения произведений древнерусской литературы XI в. до XVII в. Однако подача материала представлена разносторонне: анализ отдельного произведения (напр., *«Повесть временных лет»* – литературный памятник XI – XII веков; *«Слово о полку Игореве»* – величайший памятник славянской письменности), или изучение отдельного жанра (напр. *Эволюция жанра агиографической литературы*; *Жанр дидактической прозы в древнерусской литературе*), или рассмотрение отдельной темы (напр., *Повести Куликовского цикла*) или определённого периода (напр. *Новые явления и тенденции в древнерусской литературе XVII века*). Предваряет изложение материала библиография по теме. А завершает пособие синхронистическая таблица, которая поможет систематизировать исторические и филологические знания читателей.

Материал данного пособия поможет студенту научиться осознанно воспринимать лекционный материал, углублять его на семинарских занятиях и в процессе самостоятельной работы с исследовательской литературой; формировать индивидуальное отношение к текстам; рассматривать произведения русской в единстве формы и содержания, творчески применять полученные знания в научной и профессиональной деятельности.

В пособии особое внимание уделяется темам, которые посвящены анализу произведений, вошедших в школьную программу. Такой подход поможет студентам в будущей педагогической деятельности.

Особенности древнерусской литературы и её жанров. Периодизация древнерусской литературы

План:

1. Особенности древнерусской литературы.
2. Своеобразие жанровой системы древнерусской литературы.
3. Периодизация древнерусской литературы.

Литература:

1. Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М.: Высшая школа, 2009.
2. Розов Н.Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. – Л., 1971.
3. Сапунов Б.В. Книга в России в XI – XIII в. – Л., 1978.

Интернет-ресурсы:

4. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI – XII века. – 543 с.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4863>
 - **Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона** (Подготовка текста и комментарии А.М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко)
5. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 6: XIV – середина XV века. – 583 с.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4880>
 - **Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе** (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева)
 - **Сказание о Вавилоне** (Подготовка текста, перевод и комментарии Н.Ф. Дробленковой)
6. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4883>
 - **«Хождение за три моря» Афанасия Никитина** (Подготовка текста М.Д. Каган-Тарковской и Я.С. Лурье, перевод Л.С. Семенова, комментарии Я.С. Лурье и Л.С. Семенова)
 - **Сказание о Дракуле** (Подготовка текста и комментарии Я.С. Лурье, перевод О.В. Творогова)
 - **Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле** (Подготовка текста и комментарии Я.С. Лурье, перевод В.В. Колесова)
7. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. – 566 с.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4887>:
 - **Сказание о князьях владимирских** (Подготовка текста и комментарии Р.П. Дмитриевой, перевод Л.А. Дмитриева)
 - **Послания старца Филофея** (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова)
 - **Повесть о царице Динаре** (Подготовка текста, перевод и комментарии Н.С. Демковой)
8. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI век. – 618 с.:

<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4889>

- **Из «Измарагда»** (*Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова*)
9. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 15: XVII век. – 530 с.: <http://www.odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4852>
- **Житие Юлиании Лазаревской** (*Подготовка текста и комментарии Т.Р. Руди*)

1. Особенности древнерусской литературы.

Русская литература существует не с XVIII в.: ей более тысячи лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Её начало восходит ко II-ой половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть «древней русской литературой».

Вопрос о хронологических границах древнерусской литературы окончательно не решён наукой. Представления об её объёме до сих пор остаются неполными. Много произведений погибло в огне бесчисленных пожаров, во время опустошительных набегов степных кочевников, нашествия монголо-татарских полчищ, польско-шведских интервентов. Да и в более позднее время, в 1737 г., остатки библиотеки московских царей были уничтожены пожаром, вспыхнувшим в Большом Кремлёвском дворце. В 1777 г. от огня погибла Киевская библиотека. Во время Отечественной войны 1812 г. в Москве сгорели рукописные собрания Мусина-Пушкина, Бутурлина, Баузе, Демидова, Московского общества любителей русской словесности. Поэтому *временные границы древнерусской литературы условны – XI – XVII вв.*

Русская литература XI – XVII вв. развивалась в своеобразных условиях и обладает рядом отличительных особенностей.

Одной из её характерных особенностей является *рукописный характер бытования и распространения памятников древнерусской литературы*. При этом то или иное произведение существовало не в виде отдельной, самостоятельной рукописи, а входило в состав различных сборников, которые преследовали определённые практические цели. «Всё, что служит не ради пользы, а ради прикрасы, подлежит обвинению в суетности». Эти слова Василия Великого во многом определяли отношение феодального общества к произведениям письменности. Значение той или иной рукописной книги оценивалась с точки зрения её практического назначения.

Книгопечатание, появившееся в Москве в середине XVI в., очень слабо изменило характер и способы распространения литературных произведений. В основном и в XVII в. литературные произведения продолжали, как и раньше, распространяться путём переписки. При переписывании писцы вносили свои поправки, изменения, сокращения или, наоборот, развивали и расширяли текст. В результате памятники древнерусской литературы по большей части не имели устойчивого текста. Новые редакции и новые виды произведений появлялись в ответ на новые требования, выдвигавшиеся жизнью, или возникали под влиянием изменений литературных вкусов.

Другой особенностью является *анонимный характер произведений древнерусской литературы*. Действительно, в средневековом обществе

отсутствовало понятие «авторское право». К сожалению, индивидуальные особенности личности писателя ещё не получили такого яркого проявления, как в литературе нового времени. Это было следствием религиозно-христианского отношения феодального общества к человеку, и, в частности, к труду писателя, художника, зодчего. Известны имена лишь отдельных авторов, «списателей» книг, которые скромно ставили своё имя либо в конце рукописи, либо на её полях (что гораздо реже), либо в заглавии произведения. В большинстве же случаев автор предпочитал оставаться неизвестным, а порой и скрываться за авторитетным именем того или иного «отца церкви» – Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.

Отсутствие великих имён в древнерусской литературе кажется приговором. Но строгий приговор, вынесенный ей только на этом основании, был бы несправедлив. Мы предвзято исходим из своих представлений о развитии литературы – представлений, воспитанных веками свободы человеческой личности, веками, когда расцвело индивидуальное, личностное искусство – искусство отдельных гениев. Однако не следует забывать, что древнерусская литература ближе к устному народному творчеству, чем к индивидуализированному творчеству писателей нового времени. Вызывает восхищение изумительное шитьё народных мастериц, но искусство их – искусство великой традиции, и невозможно назвать среди них ни реформаторов, подобных Джотто, ни гениев индивидуального творчества, подобных Леонардо да Винчи.

То же и в древнерусской живописи. Правда, известны имена Андрея Рублёва, Феофана Грека, Деонисия и его сыновей. Но и их искусство, прежде всего, искусство традиции, и лишь во вторую очередь – искусство индивидуальной творческой инициативы.

Конечно, имён замечательных писателей в Древней Руси также немало: Иларион, Нестор, Симон и Поликарп, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский, Епифаний Премудрый, Ермолай Еразм, Аввакум и пр. Тем не менее, древнерусская литература, как уже было отмечено, не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством надындивидуальным. Это было искусство, создававшееся путём накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей – в основном безымянной – письменности.

Ещё одна характерная особенность – *исторический характер памятников древнерусской литературы*. Историзм носит специфически средневековый характер. Ход и развитие исторических событий объясняется с религиозной точки зрения. Героями произведений являются исторические личности, правители государства, стоящие наверху иерархической лестницы феодального общества.

Как отмечал академик Д.С. Лихачёв, древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история и эта тема – смысл человеческого бытия и жизни.

Не то чтобы все произведения были посвящены мировой истории (хотя этих произведений и очень много): дело не в этом! Просто каждое произведение в какой-то мере находит свою хронологическую веху в истории мира. Все произведения могут быть поставлены в один ряд друг за другом в порядке совершающихся событий: легко установить, к какому историческому отрезку времени они отнесены авторами. Литература рассказывает или, по крайней мере, стремится рассказать не

о придуманном, а о реальном. Поэтому реальное – мировая история. И как следствие – древнерусская литература почти не допускала вымысла и строго придерживалась факта. Даже многочисленные рассказы о «чудесах» – явлениях, кажущихся средневековому человеку сверхъестественными, не столько вымысел древнерусского писателя, сколько точные записи рассказов либо очевидцев, либо самих лиц, с которыми произошло «чудо». Таким образом, вымысел существовал, но маскировался под правду.

Древнерусская литература вплоть до XVII в. не знает условных персонажей. Имена действующих лиц – исторические: Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Стефан Пермский и др. Разумеется, исторически значительными лицами будут, со средневековой точки зрения, не всегда те, которых признаём исторически значительными мы – с точки зрения людей нового времени. Конечно, среди выдающихся князей и правителей, известных полководцев и религиозных деятелей, есть и лица безвестного происхождения: святые отшельники, основатели скитов, подвижники. Они также значительны с точки зрения средневекового историка (а древнерусский писатель по большей части именно историк), т. к. и этим лицам приписывается влияние на ход мировой истории: их молитвами, их нравственным воздействием на людей.

Следует отметить и тот факт, что, говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в её мировых масштабах. Либо произведение начинается с упоминания о главных мировых событиях (сотворении мира, всемирном потопе, вавилонском столпотворении, воплощении Христа), либо оно непосредственно включается в мировую историю: в какой-нибудь из больших сводов по всемирной истории. Даже рассказывая немудрую историю о безвестном молодце, пьянице и азартном игроке в кости, человеке, дошедшем до последних ступеней падения, автор «Повести о Горе-Злочаштии» начинает её с событий истории мира, буквально от Адама.

И последняя, четвёртая, особенность, – *связь произведений древнерусской литературы с памятниками церковной и деловой письменностью, с одной стороны, и устным народным творчеством, с другой.*

Древнерусская литература – это литература эпохи феодализма. Она формировалась и развивалась, прежде всего, как литература правящего класса – класса светских и церковных феодалов, заинтересованных в идеологическом упрочении своего политического и экономического господства. Ведущей идеологией средневековья была религия, которая стремилась подчинить себе все сферы умственной деятельности человека: философию, науку, литературу и искусство.

Церковная догма сковывала свободу творчества средневекового писателя. Он не имел право допускать «самомышления», т. е. самостоятельной мысли, полёта творческой фантазии, а должен был неукоснительно следовать «образцам», закреплённым церковным канонам, установившейся традицией.

Процесс развития древнерусской литературы – это процесс медленного, постепенного выделения художественной литературы в самостоятельную область общественного сознания из общего потока древнерусской письменности. Процесс постепенного освобождения древнерусской литературы от церковных догм – процесс её «обмирщения», беллетризации.

Древнерусская литература в своём становлении и развитии, как и литературы других народов, опиралась на богатейшие традиции и художественный опыт устного народного творчества. Вместе с фольклором в литературу проникали социальные мотивы, художественные вкусы простого народа. В произведениях древнерусской литературы находили отражение любовь народа к родной земле и его ненависть к иноземным захватчикам, его вера в силу добра и справедливости.

Древнерусская литература не проходила и мимо острых социальных противоречий феодального общества, бесправия «убогих» и всемогущества богатых. В ней нашли отражение взрывы народного гнева, выливавшегося в многочисленные восстания – «смуты», а также проявлявшегося в религиозных ересьях.

Таким образом, развитие древнерусской литературы шло по пути постепенной демократизации, как в области содержания, так и в области формы, постепенного освобождения от религиозной идеологии и опеки церкви.

2. Своеобразие жанровой системы древнерусской литературы.

Особенностями средневекового мирозерцания и миропонимания было обусловлено разграничение жанровых систем в древнерусской литературе на:

- 1) литературу церковную (религиозную);
- 2) литературу мирскую (светскую).

«Духовные» произведения письменности всячески поддерживались и распространялись, т. к. содержали, по мнению церковников, непреходящие ценности религиозной догматики, философии и этики, а «мирские» произведения, за исключением официальных юридических и исторических документов, объявлялись «суетными». Благодаря этому древнерусская литература представляется читателю в большей степени церковной, чем она была на самом деле.

Как известно, основными хранителями и переписчиками книг в Древней Руси, как правило, были монахи, менее всего заинтересованные в хранении и переписке книг мирского содержания. И это во многом объясняет, почему подавляющее большинство дошедших до нас произведений древнерусской письменности носит церковный характер. Так, например, из 708 пергаменных рукописей, сохранившихся от XI – XIV вв., только 20 – нецерковного содержания.

Жанровая система церковной литературы сформировалась в Византии и стала известна на Руси после принятия христианства. Здесь ещё не было жанров в современном литературоведческом понимании, а существовали каноны, закреплённые постановлениями вселенских соборов и преданием – традицией и уставом. Церковная литература была связана с ритуалом христианского культа, монастырского обихода. Её значимость, авторитетность строилась на определённом иерархическом принципе. *Верхнюю ступень занимали книги Священного писания. Вслед за ними шли церковная гимнография и «слова», связанные с толкованием «писания» и разъяснениями смысла праздников. «Слова» обычно объединялись в сборники – «Торжественники», «Триоди цветные» и «Триоди постные». Следующая ступень была отведена патристике – сочинениям наиболее авторитетных богословов. Затем следовали жития – идеализированные рассказы о жизни и подвигах святых. Они также объединялись в сборники: «Прологи» – сборники кратких житий, предназначенных для церковных служб (проложные жития) и*

«Четы – Минеи» – сборники житий подробных, предназначавшихся для индивидуального чтения и чтения за монастырскими трапезами (минейные жития). За ними шли патерики (Отечники) – рассказы по преимуществу из жизни монахов.

Из перечисленных жанров особую роль в становлении древнерусской литературы сыграли жития. Опираясь на византийские образцы, древнерусские книжники создали целый ряд выдающихся произведений агиографической оригинальной литературы, отразившей существенные стороны жизни и быта Древней Руси. Но в отличие от византийской агиографии древнерусская литература создаёт оригинальный жанр *княжеского жития*, ставившего своей целью укрепить политический авторитет княжеской власти, окружить ореолом святости. Отличительной особенностью этого жанра является историзм, тесная связь с летописными, воинскими повестями, т.е. жанрами светской литературы.

Так же, как и княжеское житие, на стыке церковных и мирских жанров находятся *«хожения» – путешествия, описания паломничества к «святым местам».*

Система жанров светской литературы более подвижна. Она вырабатывается путём широкого взаимодействия произведений литературных с произведениями устного народного творчества, деловой письменности, а также религиозной литературы.

Господствующее положение среди жанров светской литературы занимает историческая повесть, посвящённая выдающимся событиям, связанным с борьбой против внешних врагов Руси, а также злом княжеских усобиц. К повести примыкает историческое сказание и предание. Эти жанры обычно входят в состав летописей.

Особое место среди мирских жанров занимают «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и «Моление» Даниила Заточника. Именно эти произведения свидетельствуют о высоком уровне литературного развития, достигнутом Древней Русью в XI – I-ой половине XIII вв. Очень сложно найти им жанровые аналоги в мировой литературе.

Естественно, что жанровая система эволюционировала. При кратком обзоре она предстаёт следующим образом. На самом начальном этапе истории древнерусской литературы зарождается жанр, которого не знала византийского литература, – летописание. Связано это с тем, что развивающееся национальное самосознание потребовало исторического самоопределения русского народа, надо было найти место русскому народу в грандиозной картине всемирной истории. Летопись «Повесть временных лет», одно из самых значительных произведений русской литературы, определяет место славян и, в частности, русского народа среди народов мира, рисует происхождение славянской письменности, образование раннефеодального русского государства и т. д.

Богословско-политическая речь первого митрополита из русских, Илариона, – его знаменитое *«Слово о Законе и Благодати»** – говорит о церковной самостоятельности русских. Появляются первые жития русских святых. И эти жития, как и «Слово» Илариона, имеют уже жанровое отличие от традиционной формы житий. Князь Вл. Мономах обращается к своим сыновьям и ко всем русским князьям с «Поучением», вполне точные жанровые аналогии которому, как уже было

отмечено, не найдены ещё в мировой литературе. Он пишет письмо своему врагу Олегу Святославичу, и это письмо также выпадает из жанровой системы, воспринятой Русью.

Отклики на события и волнения русской жизни увеличиваются в числе, и все они в той или иной мере выходят за устойчивые границы тех жанров, которые были перенесены из Болгарии и Византии. Необычен жанр «Слова о полку Игореве» (в нём соединены жанровые признаки ораторского произведения и фольклорных слов и плачей), «Моления» Даниила Заточника (произведения, испытавшего влияние скоморошьяго балагурства), «Слова о погибели Русской земли» (произведения, близкого к народным плачам, но имеющее необычное для фольклора политическое содержание).

Число произведений, возникших под влиянием острых потребностей русской действительности и не укладывающихся в традиционные жанры, растёт. Появляются исторические повести о тех или иных событиях. Жанр этих исторических повестей также не был воспринят из переводной литературы. Особенно много исторических повестей возникает в период татаро-монгольского ига. «Повести о Калкской битве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Китежская легенда», рассказы о нашествии на Москву Тамерлана и Тохтамыша, различные повествования о Донской битве («Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Слово о житии ... Дм.Донского», «Сказание о Мамаевом побоище» и пр.) – всё это новые в жанровом отношении произведения, имевшие огромное значение в росте русского национального самосознания, в политическом развитии русского народа.

В XV в. появляется ещё один новый жанр – политическая легенда (в частности, «Сказание о Вавилоне»^{*}). Этот жанр особенно сильно развивается на рубеже XV – XVI вв. («Сказание о князьях владимирских»^{*}) и в начале XVI в. (в теории псковского старца Филофея «Москва – Третий Рим» – «Послания старца Филофея»^{*}). В XVI в. на основе житийного жанра появляется важное историко-литературное значение историко-бытовая повесть («Повесть о Петре и Февронии»); «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе»^{*}, «Сказание о Дракуле воеводе»^{*} (конец XV в.) – это также новое в жанровом отношении произведения.

Укрепление централизованного Русского государства протекает в обстановке напряжённой и острой политической борьбы между родовитым боярством, которое постепенно устраняется от участия в управлении страной, и служилым дворянством, которое становится опорой единой державной власти московского царя. Эта борьба находит яркое отражение в публицистике. Поэтому XVI в. характеризуется именно расцветом публицистики. В «словах», посланиях, памфлетах идеологи различных групп отстаивают свои интересы, обличают своих противников.

Бурные события начала XVII в. порождают огромную и чрезвычайно разнообразную литературу, вводят в неё новые жанры. Здесь и произведения, предназначенные для распространения в качестве политической агитации («Новая повесть о преславном Российском царстве»), и произведения, описывающие события с узколичной точки зрения, в которых авторы не столько повествуют о событиях, сколько оправдываются в своей прошлой деятельности или выставляют свои бывшие (иногда мнимые) заслуги («Сказание Авраамия Палицына», «Повесть Ивана Хворостинина»).

Автобиографический момент по-разному закрепляется в XVII в.: здесь и житие матери, составление сыном («Повесть об Улиании Осоргиной»), и «Азбука», составленная от лица «голого и небогатого человека» и «Послание доверительное недругу» и собственно автобиографии – Аввакума и Епифания, написанные одновременно в одной земляной тюрьме в Пустозерске и представляющие собой своеобразный диптих. Одновременно XVII в. развивается целый обширный раздел литературы, а именно литературы демократической, в которой значительное место принадлежит сатире в её самых разнообразных жанрах (пародии, сатирико-бытовые повести и пр.). Появляются произведения, в которых имитируются произведения деловой письменности: дипломатической переписки (вымышленная переписка Ивана Грозного с турецким султаном), дипломатических отчётов (вымышленные статейные списки посольств Сугорского и Ищеина), пародия на богослужение, на челобитные («Калязинская челобитная»), на росписи приданого и т. п.

Сравнительно поздно появляется систематическое стихотворство – только в середине XVII в. До того стихи встречались спорадически, т. к. потребности в любовной лирике удовлетворялись фольклором. Поздно появляется и регулярный театр (при царе Алексее Михайловиче в 1672 г.). Место его занимали скоморошья представления.

Таким образом, историческая действительность, всё новые потребности общества вызывали необходимость в новых жанрах и новых видах литературы. Количество жанров возрастает необычайно, и многие из них находятся ещё как бы в неустойчивом положении. XVIII в. предстояло сократить и стабилизировать это разнообразие.

3. Периодизация древнерусской литературы.

Литература Древней Руси – свидетельство жизни. Вот почему сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы. Литературные изменения в основном совпадают с историческими. Вот почему, по установившейся традиции, в развитии древнерусской литературы выделяют три основных этапа, связанных с периодом развития русского государства:

I этап – литература древнерусского государства XI – I-ой половины XIII вв. (литература Киевской Руси);

II этап – литература периода феодальной раздробленности и борьбы за объединение Северо-Восточной Руси (II-ая половина XIII – I-ая половина XV вв.);

III этап – литература периода создания и развития централизованного Русского государства (XVI – XVII вв.).

Однако при периодизации литературного процесса необходимо учитывать:

- круг оригинальных и переводных памятников, появившихся в тот или иной период;
- своеобразие идей, тем, образов, отразившихся в литературе;
- ведущие принципы отображения действительности, особенности жанров, стилей, определивших специфику литературного развития того или иного периода.

С учётом этого можно выделить в истории развития древнерусской литературы следующие периоды:

I период – конец X – I-ая половина XI вв. – начальный период.

Преобладающее место в литературе этого периода занимали, по-видимому, книги религиозно-нравственного содержания: Евангелия, Апостол, Служебные Минеи, Синаксари. В этот период был осуществлён перевод греческих хроник («Хроники Георгия Амартола» и «Хроники Иоанна Малалы»), на основе которых был составлен «Хронограф по великому изложению». Тогда же возникли записи устных сказаний о распространении христианства на Руси. Художественной вершиной данного периода и началом нового явилось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

II период – середина XI – I-ая треть XII вв. – литература Киевской Руси.

Это период расцвета оригинальной древнерусской литературы, представленный жанрами дидактического «слова» (Феодосий Печерский, Лука Жидята), жанровыми разновидностями оригинальных житий («Сказание» и «Чтение» о Борисе и Глебе, «Житие Феодосия Печерского», «Память и похвала князю Владимиру»), историческими сказаниями, повестями, преданиями, составившими основу летописи, которая в начале XII в. получает название «Повести временных лет». Тогда же появляется первое «хождение» – путешествие игумена Даниила, и такое самобытное произведение, как «Поучение» Владимира Мономаха.

Переводная литература в этот период широко представлена философско-дидактическими и нравственно-дидактическими сборниками, историческими хрониками, апокрифическими произведениями.

Центральной темой оригинальной литературы становится тема Русской земли, идея её величия, целостности, суверенности.

В этот период развиваются различные стили: эпический, документально-исторический, дидактический, эмоционально-экспрессивный, агиографический, которые подчас присутствуют в одном и том же произведении.

III период падает на II-ую треть XII – I-ую половину XIII вв. – литература периода феодальной раздробленности.

Это период, когда «лоскутная империя Рюриковичей» распалась на ряд самостоятельных феодальных полугосударств. Развитие литературы приобретает областной характер. На основе литературы Киевской Руси создаются местные литературные школы: Владимиро-Суздальская, Новгородская, Киево-Черниговская, Галицко-Волынская, Полоцко-Смоленская, Турово-Пинская. В этих областях развивается местное летописание, агиография, жанры путешествий, исторических повестей, торжественных «слов» (сочинения Кирилла Туровского, Климента Смолятича, Серапиона Владимирского). Вершиной литературы этого периода стало «Слово о полку Игореве», прочно связанное с уходящими традициями героического дружинного эпоса и исполненное страстного публицистического призыва к единству действий русских князей перед лицом внешней опасности. Оригинальными яркими произведениями являются «Слово» Даниила Заточника и «Слово о погибели Русской земли».

Состав переводной литературы пополняется творениями Ефрема и Исаака Сириных, Иоанна Дамаскина. Формируется четый сборник «Торжественник» и «Измарагд»*. В результате культурных связей с южными славянами появляются эсхатологическая повесть «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» и утопическое «Сказание об Индии богатой».

IV период – II-ая половина XIII – XV вв. – литература периода борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями и начала формирования централизованного Русского государства.

Осознание необходимости борьбы с иноземными поработителями привело к сплочению народных сил, и эта борьба идёт рука об руку с политическим объединением Руси вокруг единого центра, которым становится Москва. Важной вехой в политической и культурной жизни Руси явилась победа, одержанная русским народом на поле Куликовом в сентябре 1380 г. над полчищами Мамай. Она показала, что у Руси есть силы для решительной борьбы с поработителями, и эти силы способна сплотить и объединить централизованная власть великого князя московского.

Развитие литературы в этот период протекает в таких ведущих культурных центрах, как возвышающаяся Москва, Новгород, Псков, Тверь. Главными темами становятся тема борьбы с иноземными поработителями – монголо-татарами и тема укрепления Русского государства, прославления воинских и нравственных подвигов русских людей, их деяний. Литература и изобразительное искусство раскрывают нравственный идеал личности, способной преодолеть «рознь века сего» – главное зло, препятствующее сплочению всех сил для борьбы с завоевателями.

Епифаний Премудрый возрождает и поднимает на новую ступень художественного совершенства эмоционально-экспрессивный стиль, разрабатывавшийся литературой Киевской Руси. Дальнейшее развитие получает стиль исторического повествования. Он испытывает воздействие демократических посадских слоёв населения, с одной стороны, и церковных кругов – с другой. В историческое повествование шире начинают проникать занимательность, художественный вымысел. Появляются вымышленные сказания, принимаемые за исторические («Повесть о Вавилоне граде», «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле»*, «Повесть об Иверской царице Динаре»*, «Повесть о Басарге»*). В этих сказаниях усиливаются публицистические, политические тенденции, подчёркивающие значение Руси и её центра Москвы – политической и культурной преемницы правящих мировых держав.

В XV в. достигает своего расцвета новгородская литература, ярко отразившая острую борьбу классов внутри феодальной городской республики. Новгородское летописание и агиография с её демократическими тенденциями сыграли важную роль в развитии древнерусской литературы.

Развитие стиля «идеализирующего биографизма» намечается в литературе Твери. С демократической городской культурой связано «Хождение за три моря» Афанасия Никитина*.

В литературе данного периода возрастает интерес к психологическим состояниям человеческой души, динамике чувств и эмоций.

V период охватывает конец XV – XVI вв. – литература периода централизованного Русского государства.

В развитии литературы данный период отмечен процессом слияния местных областных литератур в единую общерусскую литературу, которая давала идеологическое обоснование централизованной власти государя. Острой внутривластной борьбой за укрепление единой государственной власти великого князя, а затем государя вся Русь обусловлен небывалый доселе расцвет

публицистики. Именно полемическая публицистическая литература рождает более свободные, живые литературные формы, связанные с деловой письменностью, повседневным бытовым укладом.

В литературе этого времени отчётливо прослеживаются две тенденции: одна – соблюдение строгих правил и канонов письменности церковного обряда, бытового уклада; другая – нарушение этих правил, разрушение традиционных канонов. Последняя начинает проявляться не только в публицистике, но и в агиографии, и в историческом повествовании, подготавливая торжество новых начал.

VI период развития древнерусской литературы падает на XVII в. Характер литературного развития позволяет выделить в этом периоде два этапа:

I-ый этап – начало XVII в. до 60-х гг.;

II-ой этап – 60-е годы – конец XVII – I-ая половина XVIII в.

XVII век – это особый переходный период развития нашей литературы, когда начинается всё убыстряющийся процесс дифференциации художественной литературы – литературы формирующейся русской нации. Этот процесс связан с «обмирщением» культуры, с высвобождением её от церковной идеологии и морали, с её демократизацией. Он обусловлен усилением роли торгово-ремесленного населения городов – посада в общественной, политической и культурной жизни страны. В обществе появляется новый, более массовый демократический читатель. Отвечая на его запросы, литература расширяет сферу охвата действительности, изменяет ранее сложившуюся жанровую систему. В первую очередь изменениям подвергаются традиционные жанры: жанры исторические и агиографические. Они становятся демократичнее и по форме и по содержанию. Историзм постепенно вытесняется художественным вымыслом, изображением частной жизни человека, окружающего его быта, личных взаимоотношений. Житие превращается не только в бытовое жизнеописание («Житие Юлиании Лазаревской»*), но и страстную исповедь горячего мятежного сердца («Житие протопопа Аввакума»).

Более того, традиционные жанровые формы церковной и деловой письменности становятся объектами литературной пародии: церковная служба пародируется в службе кабаку, житие святого в житии пьяницы, челобитная и судное дело в «Калязинской челобитной» и «Повести о Ерше Ершовиче».

Процесс становления личностного начала, пробуждения сознания личности получает своё отражение в новом жанре бытовой повести, в которой появляется новый герой – или купеческий сын, или захудалый, безродный дворянин («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве»). В них можно уже усмотреть начало зарождения бытового и плутовского романов

Широкой волной в литературу устремляется фольклор. Жанры народной сатирической бытовой сказки, эпоса, песенной лирики органично включаются в литературное произведение.

Процесс демократизации литературы, развитие её демократического направления встречает ответную реакцию со стороны правящих (господствующих) сословий. Именно в придворных кругах в качестве противовеса демократическому направлению начинает насаждаться искусственный стиль барокко. Живой народной лирике от противопоставляет искусственную силлабическую поэзию (вирши С. Полоцкого и его последователей – К. Истомина и С. Медведева); демократической

сатире, исполненной живого юмора, ярких сатирических образов, – нравоучительную абстрактную сатиру на нравы вообще, народной драме – придворную и школьную «комедию».

Правда, само появление виршевой поэзии, придворного и школьного театра было знаменем времени. Оно свидетельствовало о торжестве новых начал жизни и подготавливало появление классицизма в русской литературе XVIII в.

Так в борьбе двух направлений – демократического и придворно-аристократического – завершается XVII век и начинается первая треть XVIII в.

Возникновение древнерусской литературы. Переводная литература XI-XIII вв. и её роль в становлении древнерусской литературы

План:

1. Предпосылки возникновения древнерусской литературы.
2. Византийские и болгарские книги на Руси. Явление «трансплантации».
3. Религиозная переводная литература:
 - Библейские книги.
 - Патристика.
 - Жития святых.
 - Патерики.
 - Апокрифы.
4. Светская переводная литература:
 - Хроники.
 - «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.
 - Хронографическая «Александрия».
 - «Девгениево деяние».
 - «Повесть об Акире Премудром».
5. Естественнаучные переводные сочинения:
 - «Шестоднев».
 - «Физиолог».
 - «Христианская топография».

Литература:

1. Белоброва О.А. Переводная беллетристика XI – XIII вв. // Истоки русской беллетристики. – Л., 1970. – стр. 143-154.
2. Византийская литература / Отв. ред. С.С. Аверинцев. – М., 1974.
3. Воротников Ю.Л. Круг чтения наших предков: «Физиолог» // Русская речь. 2001. – № 3. – С. 59-65.
4. Воротников Ю.Л. Круг чтения наших предков: «Физиолог» // Русская речь. 2001. – № 3. – С. 59-65.
5. Гудзий Н.К. История древнерусской литературы. – М.: Аспект Пресс, 2009.
6. История египетских монахов. – М., 2001.
7. Кузнецова Т.И. Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре» // Античный роман. – М., 1969.
8. Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности XI – XV вв. – Л., 1978.
9. Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX – XV вв. – М., 1978.

Интернет-ресурсы:

10. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2: XI – XII века. – 555 с.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2155>

- **Из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского** (Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова)
 - **Из Изборника 1073 года** (Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова)
 - **Житие Алексия человека Божия** (Подготовка текста Н.Ф. Дробленковой, перевод и комментарии Н.Ф. Дробленковой и Л.С. Шепелевой)
 - **Из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия** (Подготовка текста, перевод и комментарии А.А. Пичхадзе)
 - **Из Египетского патерика** (Подготовка текста, перевод и комментарии С.А. Давыдовой)
 - **Из Синайского патерика** (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова)
 - **Из Изборника 1076 года** (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова)
11. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 3: XI – XII века. – 413 с. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4866>
- **Сказание об Евстафии Плакиде** (Подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой)
 - **Повесть об Акире Премудром** (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова)
 - **Девгениево деяние** (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова)
 - **Сказание, как сотворил Бог Адама** (Подготовка текста, перевод и комментарии М.В. Рождественской)
 - **Суды Соломона** (Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова)
 - **Сказание Афродитиана** (Подготовка текста, перевод и комментарии А.Г. Боброва)
 - **Хождение Богородицы по мукам** (Подготовка текста, перевод и комментарии М.В. Рождественской)
12. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4877>
- **Физиолог** (Подготовка текста, перевод и комментарии О.А. Белобровой)
 - **Пчела** (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова)
13. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 8: XIV – первая половина XVI века. – 581 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4885>
- **Александрия** (Подготовка текста, перевод и комментарии Е.И. Ванеевой)

1. Предпосылки возникновения древнерусской литературы.

Появление литературы обусловлено наличием необходимых объективных предпосылок. Таковыми явились:

1) образование раннефеодального государства;

- 2) *появление письменности (азбука Кирилла и Мефодия – 863 г.);*
- 3) *принятие христианства (988 г.);*
- 4) *наличие богатой переводной литературы;*
- 5) *существование высокоразвитых форм устного народного творчества.*

Историческая наука доказала, что древнерусское государство возникло в результате длительного исторического процесса (VI – X вв.) разложения родового строя и объединения восточнославянских племён. При этом восточные славяне пришли к феодализму, минуя стадию рабовладельческой формации.

Развитие торгово-экономических и политических связей вызвало потребность в письменности, существование которой является одной из необходимейших предпосылок появления литературы.

Данные русской лингвистической и исторической науки свидетельствуют о том, что письменность на Руси появилась ещё задолго до официального принятия христианства. Создание славянской азбуки Кириллом и Мефодием в 863 г. явилось актом величайшего культурно-исторического значения, способствовавшим быстрому культурному росту как южных, так и восточных славян. К концу IX – первой четверти X столетия древняя Болгария переживает замечательный период расцвета своей культуры. Произведения, созданные Иоанном экзархом болгарским, Климентом, Константином, и самим царём Симеоном, сыграли важную роль в развитии древнерусской культуры. Близость древнерусского языка древнеболгарскому способствовала постепенному усвоению новой письменности восточными славянами.

Мощный толчок широкому распространению и развитию письменности дало официальное принятие христианства в 988 г., которое помогло закрепить идеологически новые общественные отношения складывающегося феодального общества.

Для развития самобытной древнерусской культуры немаловажное значение имело то обстоятельство, что Русь приняла христианство из Византии, являвшейся в то время носителем самой высокой культуры. Византийская православная церковь, уже фактически к тому времени обособившаяся от западной римской католической (формальное разделение церквей произошло в 1055 г.), давала гораздо больший простор для развития местных, национальных особенностей культуры. Если католическая церковь препятствовала развитию местных литературных языков, выдвинув в качестве литературного языка латинский, то греческая православная церковь допускала свободное развитие национальных литературных языков. Литературным церковным языком Древней Руси стал язык древнеболгарский, или старославянский, близкий по своему характеру, грамматическому строю языку древнерусскому. Возникшая оригинальная литература способствовала развитию этого языка, обогащая его за счёт разговорной устной народной речи и старославянского языка.

Таким образом, христианство сыграло важную роль в становлении и развитии культуры Древней Руси.

В формировании древнерусской литературы активно участвует, с одной стороны, устное народное поэтическое творчество, и с другой – книжная христианская культура, идущая как через посредство южных славян, в частности болгар, так и непосредственно из Византии.

Изучение фольклора показывает, что у восточных славян к X в. существовали высокоразвитые формы устного народного творчества. Исследователи полагают, что в это время в фольклоре происходит переход от мифологических сюжетов к историческим. Историческое родовое предание, топонимическая легенда, предание, связанное с могильниками, героическое сказание, песни о военных походах занимают ведущее место в устной поэзии той поры. К этому периоду относится, по-видимому, формирование народного эпоса, сыгравшего исключительно важную роль в становлении оригинальной древнерусской литературы. Также героические песни дружинных певцов, эпические сказания о битвах, походах составляли своеобразную устную летопись, которая затем частично была закреплена письменностью.

Действительно, фольклор был основным источником, который давал образцы, сюжеты формирующейся оригинальной древнерусской литературе. Через фольклор в неё проникали не только художественная образность народной поэзии, отдельные элементы стиля, но и народная идеология.

Немаловажную роль в становлении древнерусской литературы сыграл и памятники болгарской и византийской литературы.

Вместе с принятием христианства на Русь пришли, прежде всего, книги богослужебные, призванные внести новые религиозно-нравственные понятия в сознание новообращённых язычников.

Очевидно, сразу же на древнерусский язык были переведены избранные отрывки из ветхозаветных библейских книг – Паремийники, использовавшиеся во время церковной службы; Псалтырь – сборник религиозных гимнов и покаянных песен, приписываемых древнееврейскому царю Давиду; Служебные Минеи – сборник церковных песнопений и молитв; Евангелия, содержащие легендарное жизнеописание Иисуса Христа; Апостол – деяния и послания учеников Христа. Эта литература с новыми религиозно-нравственными идеями, выраженными в специфической художественной форме, носила вневременной, внациональный идеалистический характер. Она главное внимание уделяла духовной стороне жизни человека и требовала отрешения от скоропреходящей «прелести» текущей жизни.

Христианская литература имела большое значение для развития отдельных форм и видов оригинальной литературы Древней Руси. Произведения церковной канонической литературы являлись арсеналом художественно-изобразительных средств, отдельных нравоучительных примеров и сентенций, которые широко использовали в своей практике древнерусские книжники. Отсюда черпались не только новые религиозно-нравственные понятия, но и под влиянием этой литературы вырабатывалось новое христианское воззрение на жизнь человека, на труд самого писателя как глашатая «вечных истин», выразителя воли бога.

Итак, возникновение древнерусской литературы было вызвано потребностями политической и религиозной жизни древнерусского государства. Опираясь на устное народное творчество и усваивая художественные традиции христианской литературы, русские писатели середины IX – начала XII вв. создают самобытные произведения.

2. Византийские и болгарские книги на Руси. Явление «трансплантации».

Рассмотрение древнерусской литературы старшего периода начинается с обзора литературы переводной. Это не случайно: переводы в XI – XIII вв. в ряде случаев предшествовали созданию оригинальных произведений того же жанра. В целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать своё. Но не следует видеть в этом какое-то свидетельство «неполноценности» культуры восточных славян. Все европейские средневековые государства «учились» у стран, наследниц многовековой античной культуры – культуры Древней Греции и Рима. Для Руси важнейшую роль в этом отношении сыграли Болгария и Византия. Следует подчеркнуть также, что восприятие чужой культуры, с её многовековыми традициями, было у восточных славян активным, творческим, отвечало внутренним потребностям развивающейся Древней Руси, стимулировало возникновение оригинальной литературы.

После принятия христианства, значительная часть книг, и, в частности, богослужебных, была привезена в X – XI вв. из Болгарии. Как уже было отмечено, старославянский (древнеболгарский) и древнерусский языки настолько близки, что Русь смогла использовать уже готовый старославянский кириллический алфавит, а болгарские книги, будучи формально «иноязычными», по существу, не требовали перевода; отдельные черты болгарского морфологического строя, как и часть лексики болгарского языка (так называемые старославянизмы) вошли в систему древнерусского литературного языка.

Одновременно осуществляются переводы непосредственно с греческого, при этом древнерусские переводчики не только сумели создать точные, адекватные оригиналу переводы, но и сохранить стиль и ритмику греческих оригиналов. Реже осуществлялись переводы с других языков.

Особенности взаимоотношений древнеславянских литератур между собой и их отношений с литературой Византии иногда рассматривались как процесс влияния одной литературы на другую. Древнерусская литература, более молодая сравнительно с литературой Болгарии, и, тем более, – с литературой Византии, предстаёт при такой постановке вопроса, как отмечает академик Д.С. Лихачёв, пассивным объектом такого влияния. Правильнее говорить, однако, не о «влиянии», а о своеобразном процессе «трансплантации» («пересадке») литературы одной страны в другую – о переносе византийской литературы на русскую почву. Дело в том, что до принятия христианства в Древней Руси не существовало литературы (искусство слова было представлено фольклором), и, следовательно, византийской литературе не на что было влиять. Поэтому, на первых порах после принятия христианства, византийская литература – непосредственно или через болгарское посредство – была просто перенесена на Русь, т. е. «трансплантирована». Такой перенос, однако, не был механическим: произведения не просто переписывались или переводились, они продолжали свою литературную историю на новой почве. Это значит, что создавались новые редакции произведений, их сюжет изменялся, первоначальный язык перевода русифицировался, на основе переводных произведений создавались новые компелятивные памятники (компелятивным называется произведение, составленное из фрагментов разных произведений). Особенно это касалось произведений светского повествования и исторических;

произведения богослужебные, сочинения «отцов церкви» или библейские книги в большей степени сохраняли свой канонический текст.

Явление «трансплантации» оказалось чрезвычайно прогрессивным: благодаря ему Русь в короткий срок получила литературу с разветвлённой системой жанров, литературу, представленную многими десятками, а то и сотнями памятников. Уже через несколько десятилетий после начала этого процесса на Руси по образцу переводных памятников, стали создаваться свои, оригинальные произведения – жития, торжественные и учительные слова, повести и т. д.

3. Религиозная переводная литература.

- **Библейские книги**

После принятия христианства на Русь мощным потоком хлынула религиозная литература. Как известно, основой для христианского вероучения и мировоззрения являлись библейские книги, а также сочинения наиболее авторитетных богословов.

Библия включает в себя книги Ветхого и Нового завета. В Ветхий завет входит так называемое «Пятикнижие Моисея» (книги Бытие, Исход, Левит, Числ и Второзаконие), в котором повествуется о сотворении мира, о древнейшей истории еврейского народа; приводятся основные религиозные и моральные предписания. В последующих книгах: книге Иисуса Наввина, книге Судей и четырёх книгах Царств – излагается история евреев в Палестине вплоть до гибели Израильского и Иудейского царств.

Из пророческих книг наибольшей известностью в Древней Руси пользовались книги пророка Исаи, Иереми и Иезекиля; остальные книги обычно именуются книгами малых пророков. Огромна была популярность и Псалтыри – собрания из 150 псалмов (молитв и гимнов). Автором псалмов церковная традиция считает в основном царя Давида, но фактически они слагались в течение длительного времени, принадлежат различным авторам, а некоторые восходят, в конечном счёте, к фольклору. Псалтырь привлекала к себе внимание древнерусского читателя своим лирическим пафосом, повествовательностью, сочетавшимися с аллегоризмом и абстрактной обобщённостью, а также высокохудожественной формой изложения. Как отмечает исследователь Н.Н. Розов, Псалтырь отразила множество бытовых ситуаций и реалий, выражает тончайшие оттенки переживаний страдающей и мятущейся личности, является настоящей энциклопедией человеческой психологии.

Очень рано на Руси наряду с обычным текстом стали известны тексты толковой и гадательной Псалтыри. Толковая Псалтырь содержала толкования – разъяснение аллегорического смысла псалмов, а гадательная предназначалась для разрешения сомнений, она призвана была помочь человеку принять «правильное» решение.

Дидактические поучения и афоризмы содержатся в книгах «Притчи Соломоновы», «Премудрости Соломона» и «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». В книге пророка Даниила излагались пророчества эсхатологического характера, т. е. пророчества о гибели мира и наступлении царства справедливости.

В Новый завет входили 4 Евангелия, «Деяния апостолов», «Апостольские послания» и «Апокалипсис». Евангелие (от греч. *евангелион* – благая весть) приписывались ученикам Христа – апостолам Матфею, Марку, Луке и Иоанну: в

них повествовалось о земной жизни Иисуса и излагалось его учение. Многочисленные евангельские притчи учили новым нормам морали, а центральный герой – Христос выдвигался в качестве идеала и образца поведения человека. О проповеди апостолами христианства рассказывается в книге «Деяний». В «Апокалипсисе» Иоанна Богослова в символических образах изображается близкий конец мира.

Полностью Библия была переведена на Руси лишь в XV в., но отдельные библейские книги стали известны в славянских переводах (через болгарское посредство) уже в Киевской Руси.

Наиболее широкое распространение получили в это время книги Нового завета и Псалтырь. Вероятно, были известны также те или иные книги Ветхого завета («Пятикнижие», книга Иисуса Наввина, книги Судей и Царств, некоторые из книг пророков, книга «Руфь»).

С содержанием ветхозаветных книг древнерусские читатели могли познакомиться также через посредство греческих хроник (особенно через «Хронику Георгия Амартола», через Палею, излагавшую и толковавшую текст Ветхого завета и, наконец, через Паремийник – сборник отрывков из различных книг Библии.

Библейские книги, Палея, хроники, сочинения «отцов церкви» предназначались для самостоятельного чтения верующими. В церкви же, во время богослужения, читались иные, специально рассчитанные на церковный обряд богослужебные книги. К ним относились, во-первых, евангелия-апракос и апостол-апракос (от греч. апракос – праздничный) – выбранные чтения из евангелий и апостольских деяний и посланий, расположенные в порядке чтения их во время церковных служб (определённые чтения на определённые дни недели или на дни церковных праздников). В церкви читался Паремийник, служебные минеи (книги, содержащие похвалы святым), различного рода служебники, часословы, требники, тропари и др. книги.

Книги священного писания и богослужебные книги, помимо дидактической (поучительной) и служебной функций имели и немалое эстетическое значение: Библия содержала яркие сюжетные рассказы, книги пророков отличались повышенной эмоциональностью, яркой образностью, страстностью в обличении пороков, и социальной несправедливости; Псалтырь и служебные минеи являлись блестящими образцами церковной поэзии, хотя их славянские переводы были прозаическими.

• **Патристика**

Также, в древнерусской, как и в любой другой средневековой христианской литературе, большим авторитетом пользовалась патристика – сочинения наиболее авторитетных римских и византийских богословов III – XI вв.

В этих сочинениях обосновывались и комментировались догмы христианской религии, велась полемика с еретиками, излагались в форме поучений и наставлений основы христианской морали или правила монашеского быта.

На Руси широкое распространение получили сочинения Иоанна Златоуста (344-407 гг.), выдающегося византийского проповедника. В своих «Словах» и проповедях он наставлял верующих в христианских добродетелях, ярко и темпераментно обличал пороки, обсуждая порой и важнейшие общественные

проблемы. Из сочинений Иоанна Златоуста составлялись сборники – «Златоструй» и «Златоуст»; его «Слова» входили в состав «Торжественников», а в более позднее время – в состав сборников «Маргарит» (по греч. жемчуг).

Авторитетом в Древней Руси пользовались также сочинения византийского проповедника Григория Назианзина (Богослова) (329-390 гг.), Василия Кесарийского (ок. 330-379 гг.), автора полемических и догматических произведений, а также популярной в средневековье книги «Шестоднев» (цикл проповедей на темы рассказа Библии о сотворении мира), Ефрема Сирина (ум. в 373 г.) и его брата Афанасия, авторов «Паренесеса» (свод наставлений для людей, принявших христианство), Иоанна Синайского (ум. в 649 г.), автора «Лествицы» (поучения о самоусовершенствовании монахов) (Обзор творчества этих византийских богословов смотрите в книге: Памятники византийской литературы IV – IX вв. М., 1968. – с. 9-37).

Патристическая литература сыграла важную роль в формировании этических идеалов новой религии и в укреплении основ христианской догматики. В то же время произведения византийских богословов – в большинстве своём блестящих риторов, усвоивших лучшие традиции классических античного красноречия, способствовали совершенствованию ораторского искусства русских церковных писателей. Вся «патристическая литература» главное внимание уделяла духовной стороне жизни человека и требовала отрешения от «скоропреходящей прелести» текущей жизни.

В Киевской Руси известны также и сборники, в которых наряду с произведениями «отцов церкви», читались и другие памятники разнообразного содержания. Древнейшими из дошедших до нас являются сборники 70-х гг. XI в. Один из них – «Изборник» Святослава 1073 г.* Сборник представляет фолиант большого формата, с роскошным художественным оформлением. Среди статей «Изборника» находится трактат по поэтике – статья Георгия Хировоска (VI – VII вв.) «О образех», в которой разъясняется значение различных тропов (аллегорий, метафор, гипербола и т. д.), при этом они иллюстрировались примерами, извлечёнными, в частности, из «Илиады» и «Одиссеи». «Изборник» Святослава впоследствии не раз переписывался. В настоящее время обнаружено 27 его списков XV – XVII вв. в русской редакции.

Другой сборник – «Изборник 1076 г.»*, просто оформленный, небольшого формата, составлен, как сказано в рукописи, «в лето 6584 (1076) ... при Святославе, русском князе». В числе произведений этого «Изборника» – статья, прославляющая чтение книг, а также «Стословец» Геннадия – свод изречений константинопольского патриарха Геннадия (ум. в 471 г.).

Сборники изречений появлялись на Руси и в более позднее время. Среди них особой популярностью пользовались сборники «Мудрость Менандра Мудрого», «Изречения Исихия и Варнавы» и особенно «Пчела»* – сборник изречений античных философов и писателей, а также цитат из Библии и произведений богословов. Фундаментальное исследование сборников изречений и афоризмов принадлежит исследователю М.Н. Сперанскому.

• *Жития святых*

Сборники афоризмов и изречений имели открыто назидательную, дидактическую цель. Обращаясь непосредственно к читателям и слушателям, проповедники и богословы превозносили добродетели и осуждали пороки, сулили праведникам вечное блаженство после смерти, а нерадивым и грешникам грозили божественной карой.

Также воспитывали и наставляли в христиански добродетелях и памятники другого жанра – жития святых, идеализированные рассказы о жизни и подвигах святого. В житиях нередко встречаемся с остросюжетным повествованием, т. к. авторы их использовали фабулы и сюжетные приёмы древнегреческих романов приключений. Агиографы, как правило, рассказывали и о чудесах, творимых святыми (что и должно было подтвердить их святость), при этом чудеса эти, или вмешательства чудесных сил – ангелов или бесов, – описывались в житиях с яркими и детальными подробностями; авторы житий стремились и умели добиться иллюзии правдоподобности самых фантастических эпизодов.

Уже в Киевской Руси были переведены многие византийские жития. Сохранились списки или ссылки русских авторов на жития *Алексея, Человека божьего**, Василия Нового, Саввы Освящённого, Ирины, Антония Великого, Феодоры и др.

Переводная агиографическая литература служила важным источником при создании оригинальных древнерусских житий. Однако древнерусские писатели внесли в разработку этого жанра много своего – оригинального и самобытного.

(Подр. см. в кн.: Византийские легенды. Издание, подготовленное С.В. Поляковой. Л., 1972; Адрианова-Перетц В.П. Истоки русской беллетристики. Л., 1970. – с. 67-88).

• *Патерики*

Широко известны были на Руси и патерики – сборники коротких рассказов, по большей части о монахах, прославившихся своим благочестием или аскетизмом.

Самым популярным был «*Синайский патерик*»*. В нём, переведённом на Руси в XI в., повествуется, например, о столпнике (столпниками называли отшельников, обитавших в келье, построенной на вершине колонны («столпа») или в небольшой столпообразной келье), который настолько чужд гордыни, что даже подавание нищим раскладывает на ступенях своего убежища, а не отдаёт их рук в руки, утверждая, что не он, а богородица одаряет страждующих. Повествуется в патерике и о юной монахине, которая выкалывает себе глаза, узнав, что их красота вызвала вождление юноши. Праведного старца обвиняют в прелюбодеянии, но по его молитве двенадцатидневный младенец на вопрос: «Кто его отец?», указывает пальцем на действительного отца. По молитве благочестивого корабельщика в знойный день над палубой проливается дождь, утоляя жажду страждующих от зноя путников. Лев, встретившись с монахом на узкой горной тропе, встаёт на задние лапы, чтобы дать ему дорогу, и т. д.

Если праведникам сопутствует божественная помощь, то грешников в патериковых легендах ожидает страшная – и что особенно характерно – не посмертная, а немедленная, сиeminутная кара: вору, осквернителю могил, выкалывает глаза оживший мертвец; корабль не двигается с места, пока с его борта

не сходит в лодку женщина-детоубийца, и эту лодку с грешницей тотчас же поглощает пучина; слуга, задумавший убить и ограбить свою госпожу, не может сойти с места и закалывается сам.

В XI в. на Руси был известен и «*Египетский патерик*»*, составленного Палладием Елленопольским в 420 г. Этот патерик включал в себя рассказы о египетских монахах, ведших успешную борьбу с демонами.

В патериках изображается некий фантастический мир, в котором за души людей непрерывно ведут борьбу силы добра и зла, где праведники не просто благочестивы до иступления и экзальтации, где чудеса совершаются порой в самой будничной обстановке.

Сюжеты переводных патериков оказали влияние на творчество древнерусских книжников; в русских патериках и житиях встречаются иногда сходные эпизоды и характеристики, заимствованные из византийских патериковых легенд.

Отдельные патериковые легенды были использованы в творчестве русских и западноевропейских писателей XIX в. – Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, В.М. Гаршина, Г. Флобера, А. Франса.

• *Апокрифы*

Усвоение нового христианского мировоззрения Древней Русью шло не только путём перевода произведений канонической церковной литературы, но и путём широкого использования апокрифов. Слово «апокриф» – греческое, в переводе на русский язык означает «тайный», «сокровенный». Апокрифами назывались первоначально произведения, рассчитанные на узкий круг образованных читателей. В дальнейшем, когда появились различного рода ереси, апокриф стал использоваться еретиками для критики положений ортодоксальной догматики. В связи с этим официальная церковь после установления канона «священного писания» в IV в. причисляет апокрифы, получившие распространение у еретиков, к разряду книг «ложных», «отречённых». Те же апокрифы, которые, по мнению христианских ортодоксов, не противоречили каноническому «писанию», допускались к обращению. При этом точных критериев, к какому разряду отнести тот или иной апокриф – к «ложным» или «допускаемым», – не было. Таким образом, *апокрифами называются такие легендарно-религиозные повествования, которые тематически близки к каноническим ветхозаветным и новозаветным книгам, но резко расходятся с ними в трактовке событий и характера персонажей.* Апокрифы широко вбирают в себя народные представления, художественные приёмы устной поэзии.

Апокрифические произведения проникают на Русь также в устной передаче. Их приносят паломники, побывавшие в «святых местах».

Тематически апокрифы делятся на ветхозаветные, новозаветные и эсхатологические. Ветхозаветные апокрифы развивают сюжеты ветхозаветных книг. Их героями являются Адам, Ева, праотцы Енох, Мельхиседек, Авраам, цари Давид и Соломон. Новозаветные посвящены рассказам о Христе, апостольским «обходам» и «деяниям». Эсхатологические апокрифы связаны с фантастическим повествованием о загробной жизни, конечных судьбах мира.

Особую группу составляют апокрифические жития, к которым относятся жития Фёдора Тирона, Никиты, Георгия Победоносца.

Основной поток апокрифической литературы шёл на Русь из Болгарии и Сербии и был связан с ересью богомилов (X в.). Эта ересь, название которой связано с именем её идеолога Богомила, подвергала пересмотру ортодоксальное монотеистическое учение. Являясь своеобразной формой социального протеста народных масс против эксплуатации церковными и светскими феодалами, богомильская ересь развивала дуалистическое учение о господстве в мире двух равновеликих сил – добра-бога и зла-дьявола. Порождением этих двух сил является человек, имеющий божественное – духовное – начало и дьявольское – материальное. В связи с этим, утверждали богомилы, каждый человек должен вести непрестанную борьбу с материальными началами жизни – источниками зла – во имя торжества духа. Они проповедовали воздержание, нравственное самоусовершенствование.

Дуалистические воззрения богомилов отразились в целом ряде апокрифов, которые благодаря своей конкретности, яркой образности приобрели большую популярность на Руси. Одно из таких апокрифических сказаний зафиксировано «Повестью временных лет» под 1071 г., где в уста языческого волхва вложен рассказ о сотворении человека.

С дуалистическими богомильскими представлениями связан апокриф *«Какое бог сотвори Адама»**. Конкретизируя библейскую легенду, апокриф изображает бога и дьявола как силы равновеликие, хотя основным творцом человека выступает бог. Если, согласно рассказу книги «Бытие», бог создаёт человека из персти земной по своему образу и подобию и сам процесс творения происходит мгновенно, то в апокрифе творение человека длится определённое время, поскольку бог создаёт его из 8 частей: он берёт от земли – тело, от камня – кости, от моря – кровь, от солнца – очи, от облака – мысли, от света – свет, от ветра – дыхание, от огня – тепло. В данном перечне отражается поэтическая образность народного мышления. Здесь каждая «часть» содержит метафору, правда, ещё не развёрнутую.

В процессе творения дьявол стремится всячески напакостить богу. Воспользовавшись отсутствием последнего, дьявол измазал Адама своими нечистотами. Когда бог из этих нечистот создал собаку и оставил её охранять своё творение, дьявол, не решаясь подойти близко (он боится собаки!), истыкал тело первого человека длинным шестом. Наделив Адама 70 недугами, дьявол позаботился о том, чтобы человек никогда не забывал о своём творце. Какое верное жизненное наблюдение! Ведь человек, как правило, «поминает» бога тогда, когда впадает в недуг или когда ему приходится тяжело.

Так в апокрифе библейская легенда приобрела конкретное звучание и, конечно, была более доходчива для вчерашнего язычника, чем сухой, лаконичный рассказ канонического писания.

Большинство ветхозаветных апокрифов входило в состав «Палеи». Здесь был помещён ряд апокрифических сказаний, посвящённых Аврааму, Иосифу, Мельхиседеку, а также царю Соломону.

Имя царя Соломона пользовалось огромной популярностью у народов Ближнего Востока, где, очевидно, и сложились основные апокрифические легенды. На Руси рано были известны «Сказание о Соломоне и Котоврасе», *«Суды царя Соломона»**, «Соломон и царица Савская», которые также пользовались большой популярностью, особенно апокрифические сказания о судах Соломона, где русского

читателя привлекал образ мудрого судьи, справедливо разрешавшего преимущественно гражданские тяжбы.

К новозаветным апокрифам относятся Евангелия Никодима, Иакова и Фомы. Они как бы дополняли канонические Евангелия, сообщая ряд подробностей, связанных с родителями богоматери Иоакимом и Анной, рождением Христа и его детскими годами, его «страстями».

К новозаветным апокрифам относится и «Сказание Афродитиана»*. Оно подчёркивало закономерность и неизбежность смены язычества новой христианской религией, в результате чего наступил конец идолам. Эта идея была весьма актуальной для Руси XI – начала XII вв., где пережитки язычества всё ещё были значительны.

В то же время апокрифы удовлетворяли не только литературные, но и богословские интересы. В них ставились проблемы, особенно волновавшие умы религиозных людей: о причинах неурядиц в этом мире, который, как учила церковь, был создан и управляем всемогущим и справедливым божеством, о будущем мира, о судьбе человека после его смерти. Поэтому большой интерес для древнерусского читателя представляли апокрифы эсхатологические, развёртывавшие фантастические картины потусторонней жизни, конечных судеб мира. Эти апокрифы являлись действенным средством воспитания и пропаганды новой христианской морали, конкретизировали христианскую идею воздаяния в будущем (после смерти) за соответствующие поступки в земной жизни.

К эсхатологическим апокрифам относится «Павлово видение», «Сказание о Макарии Римском», «Откровение» Мефодия Патарского и особенно популярное на Руси «Хождение Богородицы по мукам»*.

Сюжет «Хождения» довольно прост: богородица в сопровождении архангела Михаила посещает ад и в своём «путешествии» по аду является свидетельницей разнообразных мучений грешников. Адские мучения изображаются весьма конкретно, при этом последовательно проводится мысль о воздаянии на том свете за грехи. Не веровавшие в троицу погружены в страшную тьму. Так реализуется метафорический образ «языческой тьмы». Характерно, что древнерусский текст апокрифа помещает сюда и тех, кто при жизни своей боготворил солнце, месяц, землю и воду, зверей и гадов, кто верил в языческих богов – Трояна, Хорса, Велеса и Перуна.

К раскалённым железным крючьям подвешены за зуб сплетники, за язык – клеветники, за ноги – развратники, из их уст исходят змеи, терзающие их же тела. Ленивцы, любители поспать, пригвождены в аду к раскалённым кроватям. Нарушители клятв, дети, проклятые своими родителями погружены в зависимости от тяжести совершённого греха в огненную реку: одни по пазуху, другие по шею, а третьих огненные волны скрывают с головой. При этом ад, расположенный глубоко под землёю, имеет, как утверждает апокриф, свою географию: север, юг и запад.

Картины адских мучений, которые рисует «Хождение», ярки и конкретны. Они отличаются от абстрактных обобщённых представлений канонического «писания», говорившего только, что грешников на том свете ожидает «мрак», «скрежет зубов», «червь неусыпный».

Форма «Хождения», т. е. путешествия, давала возможность свободно варьировать адские мучения в зависимости от той социальной среды, в которую

попадал апокриф. Так, в народной демократической среде, в которую попадал апокриф пополнялся новыми картинами адских мучений жестоких и немилостивых бояр и боярынь, злых князей, царей и патриархов, приказчиков и сенных ключниц.

Конкретными человеческими качествами наделена в «Хождении» богородица: это женщина-мать, глубоко сочувствовавшая мукам и страданиям людским, её сердце преисполнено любви и жалости к мучающимся грешникам, она сама готова разделить их муки и спешит им прийти на помощь. Только тех, кто предал и распял её сына, не в состоянии простить её материнское сердце.

Богородица противопоставлена в апокрифе жестокому, равнодушному к человеческим скорбям богу. Он суров и безучастен к страданиям грешников. Трижды приходится богородице совместно со всем небесным воинством умолять непреклонного, жестокого бога. И только на третий раз соглашается он послать своего сына – Христа явить свой лик грешникам, и он дарует им покой от великого четверга до пятидесятницы (восемь недель).

Апокриф резко расходился с канонической церковной литературой в трактовке божеской справедливости, любви и милосердия к ближнему. В апокрифе о Богородице поднимается, таким образом, вопрос о божественной справедливости, ставится под сомнение «неизречённое человеколюбие» бога: ведь Богородица с ангелами и святыми вынуждена настойчиво умолять о смягчении страшных мук грешников, а бог долгое время остаётся неумолимым и суровым. Может быть, именно эта идея и поставила «Хождение Богородицы по мукам» в ряд произведений апокрифических, хотя тенденция утратить людей божественным возмездием за их грехи, казалось бы, вполне отвечала духу церковных поучений и наставлений.

Следует отметить, что для апокрифов характерно обилие чудес, фантастики, экзотики. Так, например, в апокрифе «Паралипомен Иеремии» рассказывается, как юноша Авимелех, возвращаясь в город с корзиной смокв (инжира), присел в тени дерева и заснул. Он проспал 66 лет, но чудесным образом собранные им смоквы остались настолько свежими, что их них по-прежнему капал сок.

В другом апокрифе повествуется, как благочестивый игумен Агапий отправился на поискирая. Рай описывается как чудесный сад, залитый сиянием, который в 7 раз ярче солнечного света. Хлеб, полученный Агапием в раю, способен творить чудеса: он насыщает умиравших от голода корабельщиков, воскрешает отрока, умершего за две недели перед этим, а «укрухом» (ломтём) этого хлеба сам Агапий питается в течение 40 лет.

Таким образом, занимательность рассказов, яркость, конкретность и образность изложения, близость фольклору способствовали популярности апокрифической литературы. Постепенно вбирая в себя черты русской действительности, некоторые апокрифические сказания становились достоянием фольклора, бытовали в виде устных легенд, духовных стихов.

4. Светская переводная литература.

- *Хроники*

Среди первых переводов и первых книг, привезённых на Русь из Болгарии, были и византийские хроники. *Хрониками или хронографами называются произведения историографии, излагающие всемирную историю.* Особенно большую

роль в развитии оригинального русского летописания и русской хронографии сыграла «Хроника» Георгия Амартола, созданная в IX в. Составитель её – византийский монах. Амартол по-гречески – грешник; это традиционный самоуничижительный эпитет монаха.

«Хроника» Георгия Амартола начинается повествованием от «сотворения мира», затем излагает библейскую историю вавилонских и персидских царей, рассказывает о римских императорах, начиная от Юлия Цезаря и до Константина Хлора, а затем императорах Византии – от Константина Великого до Михаила III. Таким образом, первоначально «Хроника» была доведена до событий середины IX в., но позднее, ещё на греческой почве, она была дополнена извлечением из «Хроники» Семеона Логофета, и повествование было доведено до середины X в.

В наибольшей степени хрониста интересовала церковная история. Он постоянно приводит пространные богословские рассуждения, подробно повествует о церковных соборах, о ересь и о борьбе различных течений в византийской церкви, собственно исторические события излагаются им весьма скупо и кратко, и лишь в заключительной части произведения (принадлежавшей перу продолжателя Амартола – Семеона Логофета) читатель знакомится со сложной политической жизнью Византии IX – X вв.

Древнерусского книжника, напротив, интересовала в значительной степени история как таковая: судьбы великих держав древности, сведения о наиболее выдающихся их правителях, а также различные занимательные истории из жизни выдающихся царей, императоров или мудрецов. Особой популярностью, например, пользовалась у средневековых книжников история мальчиков Ромула и Рема, воспитанных волчицей и ставших впоследствии основателями великого города, и описания деяний Александра Македонского, подчинившего своей власти едва ли не весь мир.

Не позднее XI в. на Руси стала известна также «Хроника» Иоанна Малалы, жившего в г. Антиохии (в византийской провинции Сирии) в VI в. н. э. *В отличие от Георгия Амартола Иоанн Малала писал просто и безыскусно, предназначая свой труд не учёным монахам, а широкому кругу читателей, стремился к занимательности изложения. В ней преобладал не религиозный, как в «Хронике» Георгия Амартола, а светский элемент.*

«Хроника» Иоанна Малалы состояла из 18 книг. В четырёх из них (первой, второй, четвёртой и пятой) излагались античные мифы и история Троянской войны. Далее в «Хронике» повествуется о восточных царях, излагается история Рима и, наконец, история Византии вплоть до времени царствования императора Юстина (VI в.).

«Хроника» Иоанна Малалы пользовалась меньшей популярностью на Руси, чем «Хроника» Георгия Амартола. Но всё равно она представляла ценность для древнерусских историографов и книжников, т. к. значительно дополняла сочинения Амартолы: именно у Малалы содержались подробные и занимательные рассказы о персидских царях, подробнее излагалась история Ромула и Рема, первых римских царей, некоторых византийских императоров. Поэтому в древнерусских хронографических сводах тестом Малалы не только дополняли, но и частично заменяли скупой рассказ «Хроники» Георгия Амартола. Кроме того, в этой «Хронике», как уже было отмечено, пересказывались (хотя и очень кратко)

некоторые античные мифы. Эти пересказы были использованы русскими летописцами и хронистами.

Ещё в XI в. русские книжники на основании извлечений из «Хроники» Георгия Амартола и «Хроники» Иоанна Малалы составили сокращённый хронографический свод, именовавшийся, как полагают, «Хронограф по великому изложению». Он содержал весьма краткие сведения о царях и императорах Востока, Рима и Византии, включал несколько занимательных исторических легенд и рассказов о чудесах и небесных знамениях, излагал решения церковных соборов. «Хронограф по великому изложению» был использован при составлении первых русских летописей, и в частности «Повести временных лет».

Таким образом, «Хроника» Георгия Амартола и «Хроника» Иоанна Малалы сыграла важную роль в истории развития древнерусской литературы. Она знакомила русского читателя с событиями мировой истории, служила и назидательным чтением. Её материалы использовались русскими летописцами для уяснения места и судеб Русской земли в «мировой» истории.

- **«История Иудейской войны» Иосифа Флавия**

Не позднее начала XII в. на Руси была переведена «История Иудейской войны»*, памятник исключительно популярный в европейских средневековых литературах. «История» была написана между 75-79 гг. Иосифом, сыном Маттафии – участником восстания в Иудее против Рима, перешедшим затем на сторону римлян и получившим право носить фамильное прозвище римских императоров Флавий.

«История» состоит из 7 книг (или «Слов»). В первых двух книгах излагается история Иудеи, начиная со 175 г. до н.э. и заканчивая 66 г. н. э. – времени восстания против римского владычества; в третьей – шестой книгах рассказывается о подавлении восстания Веспасианом, а затем его сыном Титом, об осаде, взятии и разрушении Иерусалима; наконец, в последней, 7 книге, повествуется о триумфе Веспасиана и Тита в Риме.

Произведение Иосифа Флавия отнюдь не сухая историческая хроника – а скорее литературное и публицистическое произведение. И в этом легко убедиться. Автор тенденциозен, он не скрывает своего преклонения перед могуществом римских императоров и недовольства своими политическими противниками – простым людом Иудеи, который он считает виновным в неудаче восстания. Однако он не может скрыть и своего восхищения мужеством восставших и сочувствия страданиям, выпавшим на их долю. Публицистический дух произведения проявляется, в частности, и в речах персонажей – Веспасиана, Тита и самого Иосифа (о себе автор говорит в III лице). Основная цель этих речей, построенных по всем правилам античной декламации, – убедить в пагубности намерений восставших и прославить благородство и доблесть римлян.

Стилистическое искусство Иосифа Флавия проявляется не только в монологах и диалогах героев, но также в описаниях – будь это описания природы Иудеи или её городов, сражений или страшных сцен голода в осаждённом Иерусалиме; ритмизованный слог, яркие сравнения и метафоры, точные эпитеты, заботы о благозвучии – всё это говорит о том, что автор придавал большое значение литературной стороне произведения.

Древнерусский переводчик сумел сохранить художественные достоинства оригинала, богатство его лексики, эмоциональность речей, живость описаний. В переводе сохранились и присущие оригиналу ритмическое членение фраз, и параллелизм синтаксических конструкций. Более того, переводчик самостоятельно расширяет и конкретизирует описания, заменяет косвенную речь оригинала прямой, добавляет новые сравнения, метафоры, традиционные для русских оригинальных памятников образные выражения. Таким образом, перевод «Истории» свидетельствует о высоком мастерстве древнерусских книжников XI – XII вв.

Популярность «Истории» была весьма велика. И не только потому, что в ней повествовалось об одном из важных событий всемирной истории: насыщенная боевыми эпизодами, она была созвучна русскому читателю, самому неоднократно испытывавшему тягости войн и вражеских нашествий. Не случайно летописцы XII – XIII вв. использовали в своём рассказе полюбившиеся им образы и речевые обороты из батальных сцен «Истории».

• *Хронографическая «Александрия»*

Не позднее XII в. с греческого был переведён обширный роман о жизни и подвигах Александра Македонского, так называемая «Александрия»* Псевдокалсифена (её автором ошибочно считали Калсифена, историка, сопровождавшего Александра в его походах).

Первоначальная историко-биографическая канва повествования об Александре в произведении едва прослеживается: это уже типичный приключенческий роман эпохи эллинизма, где биография македонского царя расцвечена многочисленными легендарными и фантастическими подробностями.

Сама личность Александра в таком повествовании приобретает и некоторые совершенно легендарные черты. Так, он объявляется не сыном македонского царя Филиппа, а сыном бывшего египетского царя-чародея Нектонава, являвшегося к жене Филиппа Олимпиаде под видом бога Аммона. Рождение Александра сопровождается чудесными знаменами: гремит гром, трясётся земля. Вопреки истории, в «Александрии» рассказывается о походе Александра в Сицилию, о покорении им Рима. Это не случайно: македонский полководец выступает в романе не только как победитель великой Персидской державы, но и как герой, который сумел покорить весь мир.

В романе много сюжетных острых коллизий. Так, Александр отправляется к персидскому царю Дарию под видом собственного посла и лишь случайно избегает разоблачения и плена. В другой раз он, выдав себя за своего сподвижника Антигона, приходит к царице Кандакии, сын которой жаждет расправиться с Александром, т.к. он убил его тестя, индийского царя Пора. Однако Кандакия узнаёт гостя, и ему удаётся избежать опасности только потому, что царица решает скрыть тайну Александра в благодарность за спасение младшего своего сына.

Смерть Александра также окружена таинственностью. О близкой кончине героя становится известно из знамения; когда он умирает, то темнеет небо, загорается яркая звезда и нисходит в море.

«Александрия» читалась в составе русских хронографических сводов и, следовательно, воспринималась как историческое повествование о прославленном

полководце древности. Но фактически древнерусские книжники познакомились с популярнейшим в средневековой Европе литературным сюжетом, который лёг в основу многочисленных прозаических романов и поэм, созданных в X – XII вв. в Италии, Германии, Франции и др. странах. «Александрия» являлась одним из обязательных компонентов всех русских хронографических сводов и хронографов вплоть до XVII в.

Чем же привлекала древнерусского книжника и читателя «Александрия»? А привлекало их сознание значительности совершаемых исторических событий. Перед читателем развёртывалась гигантская картина мировой истории, охватывающая весь известный тогда мир – от «Окиян-реки» на Западе до Индии на Востоке. Эта мировая история была полна рокового смысла, роковой предрешённости, в ней действовали нравственные силы. Моральная правота Александра, его прямодушие и отсутствие бессмысленной жестокости обеспечивали ему победу над сильнейшим врагом – персидским царём Дарием. В сознании читателей появлялись исторические аллюзии. Дарий отождествлялся с ордынскими ханами, а Александр, на стороне которого было сочувствие автора и читателей, – с русскими князьями. Читатели видели, что любимый герой неизменно побеждает сильнейшего противника, сами мечтали о такой же победе над своими врагами, и при этой победе, сопровождаемой великодушным прощением врага – особенно рядовых пленников, которых Александр отпускает с единственным наставлением: никогда против него не сражаться.

Разве не могли также не утешать русских читателей слова Дария: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют». Хорошо было сказано в «Александрии»: «За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унижится». Мысль об изменчивости счастья в истории особенно утешала тех, кто был внизу колеса фортуны, тем более что признаки начинающего на Руси возвышения были уже налицо. Слова Дария о том, что «персы многие годы дань брали с мекедонян, ныне же головами своими македонянам платят», могли восприниматься как пророчество о будущем величии Руси, тем более что они напоминали хорошо известные слова хазар о полянах в «Повести временных лет»: «Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель».

Вера в вещи сны, вмешательство чудесных сил не была в «Александрии» проявлением простого суеверия, – это была, прежде всего, вера в осуществлении мечты и в торжество исторической справедливости.

В «Александрии» читателя заинтриговывали всевозможные фантастические подробности, экзотика, своеобразие Востока, с которого двигались на Русь завоеватели, и которые сами когда-нибудь должны были быть побеждены.

Фантастика «Александрии» и в самом деле была изумительной. Разве не интересовало, например, читателей волшебной платье Поликсены, которое менялось в зависимости от того, на какой камень она смотрела. Не менее интересовало их одеяние персидского царя Сескерсена, украшенное змеиными глазами, или скатерть Дария из сапфира-камня, за которой кто ел – «никогда в унынии не бывал». Или перстень египетской царицы Клеопатры, который делал Александра невидимым и позволял ему дерзко смеяться над своим врагом.

Интересовали читателя в «Александрии» волшебники, мудрецы, мудрость исторических действующих лиц, фантастические и удивительные народы, их нравы и многое другое.

Таким образом, «Александрия» пользовалась огромной популярностью на Руси. Она уже в киевский период развития русской литературы сыграла большую роль в становлении книжной литературы и оказала влияние на былинную поэзию. Отголоски «Александрии» – особенно описания походов Александра и, в частности, его похода к амазонкам – можно видеть в начальном летописании. Ощутительнее это влияние сказывается преимущественно со стороны стиля – в Галицкой летописи. Отражение некоторых эпизодов «Александрии» находим и в былинах о Вольге (чудесное его рождение от змея, сопровождаемое различными знаменами, его поход в Индию) и об Алёше Поповиче и Тугарине (убийство Алёшей Тугарина в то время как Тугарин оглянулся).

- *«Девгениево деяние»*

В XI – XII вв. был осуществлён также перевод византийского эпического сказания о богатыре Дигенисе Акрите.

В древнерусском переводе повести о Дигенисе, обычно именуемом *«Девгениевым деянием»**, повествуется, как аравийский царь Амир похищает юную красавицу гречанку. Отправившиеся на розыски девушки 3 её брата одолевают царя. Он решается креститься и переселиться в Греческую землю вслед за возлюбленной. От брака Амира и гречанки и рождается Девгений. Он с детства поражает всех своей силой и храбростью: на охоте Девгений руками душил медведицу, рассекает надвое льва. Далее рассказывается о победе Девгения над Филипапой и богатыршей-девицей Максимианой; от Максимианы герой узнаёт, что, женившись на ней, он проживёт 16 лет, а женившись на Стратиговне, – 36. Это побуждает его добиваться руки Стратиговны. Девгений приезжает в город, где живёт девушка, на богатом убранном коне, гарцует под её окнами, распевая «сладкую песнь». Молодые люди знакомятся, и Девгений уговаривает Стратиговну бежать с ним. Она согласна, но Девгений считает, что, похитив девушку в отсутствие её отца и братьев (они в это время находились на охоте), он покроет себя позором. Поэтому юноша дожидается возвращения родственников своей избранницы, открыто увозит её, буквально на глазах у отца. Стратиг предупреждён слугами, но отказывается верить в возможность столь дерзкого похищения. Девгений дожидается у стен города, пока Стратиг с сыновьями пускаются за ним в погоню, и одолевает их в бою. Отец девушки соглашается на брак дочери с Девгением. Семьи жениха и невесты обмениваются подарками и справляют пышную свадьбу. В заключительной части *«Девгениева деяния»* рассказывается о победе героя над царём Василием.

Следует отметить, что на русской почве греческий оригинал претерпел ряд изменений. Здесь стёрлись конкретные черты византийской истории, борьба между греками и сарацинами подменена была борьбой между христианами и «погаными» вообще, ослабела любовная тема, и наибольшее внимание уделено героическому и сказочному элементам изложения.

Византийский Дигенис – русский Девгений прежде всего богатырь. Он растёт подобно былинному Вольге, подобно былинному Добрыне Никитичу, Девгений убивает четырёхглавого змея. И в бою Девгений подобен русским богатырям,

например, Илье Муромцу: при каждом наезде он убивает врагов по тысяче, конь его реки перепрыгивает. Бой с Максимианой – широко известный эпосу и Востока и Запада эпизод борьбы героя с девушкой-невестой.

В повести о Девгении налицо богатырские былинные атрибуты: конь и копьё, поле, заставы, шатры, но не по-русски они полны «кметей» – богатырей царя аравитского, которые подобны богатырям Владимира, где каждый из них «один на сто человек наедет». Как в былине, в повести богатыри бросают жребий, кому выступить на поединок с Амиром. В повести разбросаны обильно и другие былинные темы, связанные с героическим образом греческого витязя Девгения (рождение богатыря, его подвиги, поединок, бои на границе и т. п.).

Греческая повесть-былина о Девгении примкнула, таким образом, всеми основными чертами своего сюжета к русскому героическому эпосу. Результатом этого было проникновения былинной стилистики в её изложение. В русский перевод повести вошли постоянные эпитеты, характерные для былин: «тёмный лес», лютый зверь, борзый конь, звончатые гусли, чадо милое, прекрасный Девгений, золотой шелом и т. д.

- **«Повесть об Акире Премудром»**

Наряду с повестями, которые в историческую фабулу вплетали легендарно-сказочные мотивы, в русскую книжность домонгольского периода перешли и повести, где исторические элементы ограничиваются собственными именами, отдельными деталями, но фабула принадлежит сказочной традиции, а в замысле на первый план выдвигается нравоучительная тенденция.

Типичный образец такого рода повестей представляет широко распространённый в Киевской Руси история мудрого советника ассирийского и вавилонского царя Синагрипа – Ахикара, озаглавленная на русской почве *«Повесть об Акире Премудром»**.

Фабула этой повести, мораль которой выражена в заключительных словах: «Кто добро творит, тому добро и будет, а кто яму копает под другим, сам в неё попадёт», – слагается из нескольких мотивов, параллели к которым в большом количестве могут быть найдены и в книжной литературе и в фольклоре многих народов Востока и Запада. В русском переводе эта фабула имеет следующий вид: мудрый советник царя адорского и наливского, которому было предсказано, что у него не будет детей, воспитал вместо сына своего племянника Анадана. Перед тем как отдать его на царскую службу, Акир преподаёт ему наставления – как вести себя по отношению к людям вообще, к семье, к царю, к богу (в русских текстах около 120 этих наставлений, изложенных то в виде изречений, то в форме кратких притч). Анадан с помощью подложных писем возводит перед царём на Акира обвинение в государственной измене. Акир осуждён на смерть, но друг спасает его, и Акир живёт долгое время, скрытый от всех, кроме жены и друга. Египетский фараон задаёт трудные загадки царю ассирийскому, которых никто не может отгадать. Тогда друг Акира открывает правду царю, что его бывший советник жив. Акир благополучно разрешает все загадки, и в благодарность царь отдаёт ему на суд Анадана. Закованному Анадану Акир произносит речь, полную укоров в виде афоризмов, и пристыженный Анадан умирает.

Тема повести об Акире – о советниках правителя (царя, князя) – несомненно, представляла интерес для формировавшегося феодального общества Киевской Руси. В текстах летописных сводов XI – XII вв. не раз можно встретиться с рассуждениями о «злых» и «добрых» советниках, направляющих деятельность князей; по-своему её поставит в начале XIII в. «Моление» Даниила Заточника. «Повесть об Акире» предлагала идеальный образец такого советника, не только мудрого, но и добродетельного человека, с точки зрения морали автора. Своей популярностью в русской литературе долгое время эта повесть, по-видимому, была обязана именно этой нравоучительной части повествования, изложенной в легко запоминавшейся и привычной по сборникам изречений форме афоризмов и кратких притч.

В процессе национального освоения иноземной повести в неё вошли некоторые черты русского быта: Акир иногда обучает Анадана «русской грамоте»; он имеет своих «отроков», вместо царя в тексте появляется «князь»; в изречениях попадает характерная пословица феодальной поры: «не рождён – не сын, не куплен – не холоп» и т. д.

Сказочный сюжет «Повести об Акире Премудром», наличие в ней целого ряда хорошо знакомых сказках мотивов, вроде загадывания трудных загадок, клеветы на невинного и оправдания его, мудреца-советника, притягивали к ней и элементы сказочной повествовательной манеры.

Переосмысление старого сюжета продолжалось вплоть до Петровского времени. В XVII в. (или во II-ой половине XVI в.) создаётся новая редакция «Повести об Акире Премудром». По существу, это довольно свободный пересказ древней редакции памятника, при этом и сюжет, и образы её сильно русифицируются, сближаются с сюжетом и персонажами народной сказки.

Древнейшая редакция «Повести» была исследована и издана исследователем А.Д. Григорьевым.

4. Естественнаучные переводные сочинения.

Византийская наука раннего средневековья была самым теснейшим образом связана с богословием. Мир природы, сведения о котором византийские учёные могли почерпнуть как из собственных наблюдений, так и из сочинений античных философов и естествоиспытателей, рассматривался, прежде всего, как наглядное свидетельство премудрости бога, сотворившего мир, или как своего рода живая аллегория: явления природы, повадки живых существ или мир минералов – всё это представлялось своеобразным воплощением в живых и материальных образах каких-то вечных истин, понятий или нравоучений.

С произведениями византийской учёной мысли раннего средневековья познакомились и русские книжники. Хотя точно установить время проникновения на Русь ещё до монгольского нашествия.

Именно к таким памятникам, которые давали наукообразные сведения о мире и природе были «Физиолог», «Шестоднев» и «Христианская топография» Космы Индикоплова.

- **«Шестоднев»**

Большой популярностью в средневековых христианских литературах пользовались «Шестодневы». *Шестоднев является общим заглавием такого рода*

сочинений, которые комментировали краткий библейский рассказ о сотворении богом мира в течение 6 дней. (В первый день был сотворён свет, во второй – видимое небо и воды, в третий – море, реки, источники и семена, в четвёртый – солнце, луна и звёзды, в пятый – рыбы, гады и птицы, в шестой – животные и человек). Комментарий этот превращался в свод всех сведений о живой и неживой природе, которыми располагала в то время византийская наука. Из многочисленных шестодневов, существовавших, например, в византийской литературе (а это «Шестодневы» Оригена, Лактанция, Ефрема Сирина, Амвросия Медиоланского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста и его современника и врага Севериана Гевальского, Августина, епископа Иппонского, Анастасия Синаита и мн. др.), на Руси были известны «Шестодневы» Иоанна, экзарха болгарского, царя Василия Великого и Георгия Пизиды.

Специально «Шестодневы» представляли собой типичные для раннего средневековья научные энциклопедии, основанные на материале христианского богословия и, частично, античной и восточной науки и философии, причём данные всецело подчинены чисто богословской. Они ставили своей задачей дать подробную картину мироздания, которая, опровергая теорию греческих мудрецов, должна была подтвердить истинность всех положений Библии, относительно устройства Вселенной и в то же время показать мудрость бога как творца.

Описание мира природы составителями «Шестодневов» сопровождалось назидательными выводами применительно к нормам человеческого поведения. Они пытались разрешить вопросы о природе неба и земли, о существе и свойствах космических сил, об атмосферных явлениях, светилах, растениях, животных вплоть до человека. В «Шестодневах» нашли себе место многообразные отрасли средневекового естественно-исторического знания – от физики и астрономии до ботаники, зоологии и анатомии. Обильные элементы фантастики, нередкие символические уподобления и морально-религиозные применения в соединении с лирической окрашенностью, характеризующей отдельные места «Шестодневов», – всё это способствовало тому, что они воспринимались читателем не только как материал познавательный, но и как поэтический, воздействовавший на чувство и фантазию и будивший воображение. Лирика природы в христианском её осмыслении нашла себе в них особенно полное выражение.

Уже в древнейшую пору, в XI в., судя по отражениям в тогдашней оригинальной русской литературе, на Руси известен был «Шестоднев»* знаменитого писателя X – «золотого» – века болгарской литературы – *Иоанна, экзарха болгарского*. Его «Шестоднев» – компилятивное сочинение, основанное на «Шестодневах» Василия Великого и Севериана Гевальского, но автор использовал наряду с этим множество иных источников и дополнил труд собственными рассуждениями. На долю самостоятельного сочинительства Иоанна нужно отнести его рассуждения об отличии славянского языка от греческого, о быте и обычаях славян и хазар, о верованиях в солнце, о ересях, распространившихся в Болгарии в пору Иоанна, о порядке престолонаследия от отца к сыну у болгар и хазар. В шестом слове (а «Шестоднев» Иоанна состоит из пролога и шести слов) автор очень красочно описывает дворец болгарского царя Симеона, которому посвящён и самый труд экзарха, а также изображает богато украшенные церкви самого Симеона, сидящего в роскошном царском одеянии среди своих бояр.

Следуя Феодориту Киррскому, Иоанн в прологе к своему «Шестодневу» высказывает восхищение красотой мира: «Радость не знает труда и растит крылья. И как не хотят радоваться те, кто понимает, ради кого небо солнцем и звёздами украшено, ради кого украшена и земля садами, дубравами и цветами и опоясана горами, ради кого море и реки и все воды наполнены рыбами, ради кого и самый рай приготовлен?».

Вслед за Василием Великим, говоря о траве, Иоанн в третьем слове самим устройством её стремится показать мудрость и величие «творца» мира: «Одна уже трава достаточна для того, чтобы вознести твою мысль на высоту, если ты вникнешь, с каким искусством она создана, как стебель пшеничный опоясывается коленцами, чтобы они, подобно связкам, могли поддерживать тяжесть колосьев, когда наполненные зёрнами колосья клонятся к земле. Поэтому ... природа перевязала пшеницу частыми коленцами ...». К тем же мыслям приводят его и созерцание виноградной лозы. В том же третьем слове, опять-таки вслед за Василием Великим, Иоанн прославляет красоту моря.

Много места в пятом слове отводит Иоанн описанию свойства различных животных. Эти описания почти всегда сопровождаются религиозно-моральными выводами применительно к жизни человека. Приведём несколько примеров.

О полипе говорится, что он отличается хитростью и лукавством: он принимает цвет того камня, к какому приближается: если приближается к зеленому – то зелёный, к белому – белый, так что многие рыбы, беззаботно плавая, попадают в челюсти полипа, принимая его за камень и становясь, таким образом, готовой добычей хитреца. Полипу уподобляются те, кто угождают властям, приспособляясь к обстоятельствам и не будучи ни в чём устойчивыми: с целомудренными они целомудренны, с порочными – порочны. За этим расположением они скрывают своё лукавство. Людей такого нрава господь зовёт волками в овечьей шкуре. Человеку рекомендуется идти вослед истине и чистоте.

О морском еже сказано, что он предупреждает мореплавателей о буре и о тишине. Когда он предчувствует бурю, то всходит на твёрдый камень, как на якорь, и сильно качается, так что волны не могут его смыть. Мореплаватели, увидев этот знак, понимают, что приближается буря. Ни один астролог или звездочет, наблюдая движение звёзд, не может предсказать воздушных волнений, как это делает морской ёж. Ничтожнейшую из тварей бог выбрал для своей великой премудрости. Ничто им не оставлено без внимания, даже морским ежом не пренебрёг.

Для того чтобы внушить мысль о нерасторжимости брака и о том, что супруги должны любить друг друга, приводится в пример поведение ехидны. Ехидна – самая лютая из гадов – сходится с морской муреною, вызывая её для совместной жизни из водной глубины, и мурена послушно идёт в объятия ехидны. Если супруг суров и буен нравом, если он соблазнитель, супруга должна терпеть его, потому что он часть её тела, и притом драгоценнейшая. И мужья должны помнить, что ехидна, соединяясь с муреной, выплёвывает свой яд. Поэтому муж, вступая в брак, должен побороть в себе лютость и суровость.

В пример заботливости детей о состарившихся родителях приводятся аисты, обступающие отца, у которого от старости вылиняли перья, греющие его своими крыльями, доставляющие ему пищу и помогающие летать, слегка поддерживая его с обеих сторон.

Если у горлицы (лесной голубь) умрёт её спутник, то к другому она не привязывается, пребывая в одиночестве и поселившись на сухом дереве, помня своего первого супруга. Поведение овдовевшей горлицы ставится в пример женщинам, которые должны соблюдать в чистоте своё вдовство.

Во всех этих рассказах Иоанн следует Василию Великому.

Именно этот «Шестоднев» наиболее распространённый в русской письменности. Он сыграл свою роль в становлении древнерусской литературы ещё в древнейшую пору. Следы знакомства с ним встречаем уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в «Поучении» Владимира Мономаха. Значительное количество материала из «Шестоднева» Иоанна, экзарха болгарского вобрала в себя Толковая палея.

• «Физиолог»

Если «Шестодневы» повествовали о природе в целом – от светил до растений и животных, то, в другом памятнике естественнонаучного характера, – «Физиологе» рассказывалось по преимуществу о живых существах, как реально существующих (льве, орле, муравье, ките, слоне, еже, лисице, лягушке и др.), так и фантастических (фениксе, сиренах, кентавре), и лишь о некоторых растениях (речь идёт лишь о дубе и смоковнице) или драгоценных камнях (алмазе, кремне, магните, «индийском камне», агате, жемчуге).

Общее количество рассказов древнейшей, дошедшей до нас редакции (конца XI в.) «Физиолога»* – 49. Каждый рассказ сообщал о свойствах существа или предмета, а затем давал символическое истолкование этим свойствам. *Основная цель «Физиолога» – найти аналогию, провести параллель между свойствами существа или предмета и каким-либо богословским понятием.*

Так, например, о пеликане говорится, что, едва родившись, его птенцы начинают клевать родителей, пока те, измучившись, не убивают их. Но, оплакав погубленных детей в течение 3 дней, родители решают их оживить. Для этого мать пробивает себе ребро, и птенцы, окропленные её кровью, оживают. Поведение пеликана, утверждает «Физиолог», символизирует судьбу человеческого рода, отпавшего от бога, но спасённого кровью, пролитой за него Христом. Подобно этому фантастический рассказ об обычае львов (что львица рождает детёныша мёртвым, а его оживляет отец через 3 дня, дунув на него) также соотносится с воплощением, смертью и воскресением Христа.

Со ссылкой на Давида начинается рассказ об орле. Когда орёл стареет, отягчаются его глаза, и он слепнет, – что он делает? Находит источник чистой воды, взлетает на воздух к солнцу, сжигает крылья свои и обретает зрение; потом, опустившись на землю, он трижды погружается в воду. В толковании сказано: «и ты, человек, если имеешь одежду ветхого человека и если очи разума твоего ослепли, взыщи разумного источника божественного слова ... взлети на высоту солнца праведного Иисуса Христа, погрузись трижды в вечно-текущей воде во имя отца и сына и святого духа, и ты освободишься от ветхой одежды дьявольской и облачишься в новую, богом созданную, и сбудется на тебе пророчество Давида: обновится, как у орла, юность твоя».

В рассказе о лисице подмечается её хитрость. Когда она голодна, то, притворившись мёртвой, ложится как бездыханная, и, когда птицы начинают её

клевать, она схватывает их и съедает. Действия лисицы уподобляются действиям дьявола, прельщающего человека. Поэтому и Ирод уподобляется лисице. Как известно, хитрость лисицы выступает и в народных сказках.

С одобрением приводится и рассказ «Физиолога» о ките, исходящем от него благоухании, прельщающем мелких рыб и поглощающем их, а также потопляющем мореплавателей, принимающих его за остров и располагающихся на нём. Этими своими свойствами кит уподобляется блуднице, из уст которой сочится мёд, становящийся потом горче желчи и острее обоюдоострого меча, а также дьяволу, вовлекающему доверившегося ему человека в геенну огненную.

Большинство толкований «Физиолога» связана с личностью Христа, что является вполне понятным, если принять во внимание факт возникновения памятника в раннюю пору христианства, когда особенное внимание было сосредоточено вокруг того, кто считался основоположником новой религии.

Так, например, Христу уподобляется горлица, любящая уединённые места, как любил их и Христос; алмаз, который ничего не боится, как не боится человек, в сердце своём носящий Христа; разумный маленький слонёнок, прообраз Христа, поднимающий упавшего большого слона, символизирующего грешный человеческий род; индийский камень, исцеляющий человека от всех болезней, как исцеляет и Христос верующего в него человека, и т. д.

Тем не менее, сами по себе рассказы о животных, как правило, весьма занимательны: так о том же льве сообщается, будто он спит с открытыми глазами; крокодил плачет, пожирая свою жертву; птица-феникс сама сжигает себя на алтаре жертвенника, но в тепле зарождается «червь», который на второй же день превращается в птенца, а на третий – во взрослую птицу.

Нам известны списки «Физиолога» лишь начиная с XV в., но можно полагать, что памятник был переведён уже в Киевской Руси: об этом свидетельствует письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу (Гореславичу).

- **«Христианская топография» Космы Индикоплова**

Огромной популярностью в средние века пользовалось и сочинение александрийского купца, позже – монаха, Космы Индикоплова, т.е. плователя в Индию – «Христианская топография». Косма с торговыми целями совершил путешествие в Гипет, Абиссинию, Аравию. Хотя он и прозван Индикопловом, но в Индии, по-видимому, не был и описал её, как и остров Цейлон и другие острова Индийского океана, с чужих слов. В путешествии заключаются основанные на богословских выкладках подробные космографические и географические сведения, а также изложение судеб человечества преимущественно на материале Ветхого и Нового заветов.

Сочинение Космы является своего рода энциклопедией. Поставив в центре изложения космографическую проблему – вопрос об устройстве мира, он это изложение обставляет большим количеством экскурсов географического, исторического, археологического и даже экономического характера, имеющих порой лишь отдалённое отношение к его основной задаче.

Задачей космографической части сочинения было опровергнуть учение Птолемея о системе мира. Утверждению Птолемея о шарообразности земли и её вращении Косма противопоставил утверждение, что земля неподвижна и имеет форму возвышенной плоскости. Шаровидность земли предполагает существование

антиподов, что с точки зрения Космы является «бабьями баснями», «ибо, – говорит он, – если ноги одного человека противопоставить ногам другого ... то как оба эти человека могут оказаться стоящими вверх? Разве не окажется, что один – по природе – будет стоять вверх, а другой – против природы – вниз головой? И если случится дождь у обоих, то не будет ли так, что на одного он станет падать сверху, а на другого снизу, и не достойно ли смеха такое предположение?».

Косма считает, что только «божественное писание» даёт истинное представление об устройстве Вселенной. Центр Вселенной – земля. Это прямоугольная плоскость, которая со всех сторон омывается океаном. Она и покрывающее её небо уподобляются комнате со сводчатым потолком. Видимое нами небо состоит из воды, а над ним простирается иное небо, невидимое нами. Движениями светил и атмосферными явлениями управляют специально приставленные для этого ангелы. Столь же легендарны и сведения о животном и растительном мире тех стран, о которых говорит Косма.

Как «Физиолог» и «Шестоднев», «Христианская топография», в виду обилия в ней этого легендарного материала, для русского читателя имела значение и поэтическое. Художественное воздействие книги было тем сильнее, что изложение её сопровождалось обильными иллюстрациями. Наличие их в книге, а также то, что книга представляла собой нечто вроде энциклопедии, включавшей в себя разные наукообразные и фантастические сведения – от космографических до историко-политических и археологических, и обусловило собой широкую её популярность у русского читателя, сказавшуюся в том, что она сохранилась у нас в многочисленных списках вплоть до начала XIX в.

**«Повесть временных лет» – литературный
Памятник XI – XII вв.**

План:

1. Возникновение летописей. Византийские хроники и русские летописи.
2. Начальное летописание.
3. Типы летописного повествования: эпический стиль и стиль монументального историзма.

Литература:

1. Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Из истории создания и редакционной переработки. – М.: Весь мир, 2015.
2. Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1995.
3. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. – М., 1977.
4. Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения Литературы Древней Руси. – М., 1975. – стр. 22-61.
5. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. – Л, 1976.
6. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет?» – М.: Индрик, 2011.
7. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVII вв. Очерки и исследования. – М., 1969.
8. Петрухин В.Я. Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры. – М.: Форум; Неолит, 2013.
9. Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. – 2-е изд. – М., 1996.
10. Путилов В.Н. Нестор – летописец // Путилов В.Н. Древняя Русь в лицах: боги, герои, люди. – Санкт-Петербург: Азбука, 1999. – С. 262-268.
11. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963. – стр. 157-219.

Интернет-ресурсы:

12. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI – XII века. – 543 с.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4863>
- **Повесть временных лет** (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова)

1. Возникновение летописей. Византийские хроники и русские летописи.

Одним из первых, важнейших жанров возникающей русской литературы, явился жанр летописи.

Историческая память восточнославянских народов простиралась на несколько веков вглубь: из поколения в поколение передавались предания и легенды о расселении славянских племён, о столкновении славян с аварами (обрами), об основании Киева, о славных деяниях первых киевских князей.

Возникновение письменности позволило зафиксировать устные исторические предания и побудило в дальнейшем в письменном виде регистрировать все важнейшие события своего времени. Так возникло летописание. Именно летописи было суждено на несколько веков, вплоть до XVII в., стать не простой погодной записью текущих событий, а одним из ведущих литературных жанров, в недрах которого развивалось русское сюжетное повествование.

Исследователи конца XIX в. и начала XX в. считали, что русское летописание возникло как подражание византийской хронографии. Однако это неверно. Большинство русских летописей построено по иному принципу, чем византийские хроники. В хрониках (в частности, в «Хронике Георгия Амартола» и «Хронике Иоанна Малалы») исторический процесс делится по царствованиям: рассказывается история правления одного царя или императора, затем его преемника, затем преемника этого последнего и т.д. Для хроник характерно указание не на год воцарения того или иного правителя, а на продолжительность его царствования. Структура русского летописания иная: летописец фиксирует событие, произошедшее в тот или иной конкретный год, его интересует не последовательность правлений того или иного князя, а последовательность событий.

Вместе с тем, и летописи, и хроники представляли собой своды или компиляции. Летописец или хронист не мог излагать все события по собственным впечатлениям и наблюдениям, хотя уже потому, что как летописи, так и хроники стремились начать изложение с «самого начала» (от «сотворения мира», от образования того или иного государства), и, следовательно, летописец вынужден был обращаться к существующим до него источникам, повествующим о более древних временах. С другой стороны, летописец не мог просто продолжить летопись своего предшественника. Во-первых, не мог потому, что каждый летописец, как правило, проводил какую-либо свою политическую тенденцию и в соответствии с ней перерабатывал текст своего предшественника, не только опуская малозначительные или не устраивавшие его в политическом отношении материалы, но и дополняя его извлечениями из различных источников, создавая, таким образом, свой, отличный от предшествовавших вариант летописного повествования. Во-вторых, чтобы труд его не приобрёл непомерный объём от соединения многих обширных источников, летописец должен был чем-то жертвовать, выпуская сообщения, которые ему казались менее значительными.

Всё это в высшей степени затрудняет исследование летописных сводов, установления их источников, характеристику работы каждого из летописцев. Особенно сложным оказалось восстановление истории древнейшего русского летописания, поскольку наука располагает лишь списками летописей значительно более позднего времени (Новгородской летописью XIII – XIV вв., Лаврентьевской летописью 1377 г., Ипатьевской начала XV в.). Поэтому история древнейшего летописания в известной мере гипотетична. На сегодняшний день известны три гипотезы о начальном периоде русского летописания: гипотеза А.А. Шахматова, гипотеза Д.С. Лихачёва и гипотеза Б.А. Рыбакова. Но наиболее авторитетной считается гипотеза академика А.А. Шахматова, на которую опираются в своих частных исследованиях большинства памятников домонгольской Руси литературоведы и историки-источниковеды. Его гипотеза основана на

кропотливейших исследованиях текста всех дошедших списков начальной части русского летописания. Он создал не только наиболее известную концепцию начала русского летописания, но и методику установления истории текста летописей, которую стали применять и его последователи, в первую очередь М.Д. Приселков и А.Н. Насонов, а также и многие другие. Концепцию А.А. Шахматова дополнили и уточнили его последователи (Д.С. Лихачёв, Б.А. Рыбаков).

2. Начальное летописание.

Древнейший реально дошедший до нас летописный свод – это «Повесть временных лет», созданная предположительно около 1113 г. Однако ей, как показал А.А. Шахматов, предшествовали иные летописные своды.

В настоящее время история древнейшего летописания представляется в следующем виде (согласно концепции развития русского летописания А.А. Шахматова, дополненная гипотезой Д.С. Лихачёва).

Устные исторические предания существовали задолго до летописания; с возникновением письменности, вероятно, появляются и отдельные записи исторических событий. Однако летописание *как жанр* возникает, видимо, лишь в годы княжения Ярослава Мудрого (1019-1054 гг.). В это время принявшая христианство Русь начинает тяготиться византийской церковной опекой и стремится обосновать своё право на церковную самостоятельность, так как Византия была склонна рассматривать государства, в христианизации которых она принимала то или иное участие, не только как духовную паству константинопольского патриархата, но и стремилась превратить их в своих вассалов и в политическом отношении.

Именно этому решительно воспротивился Ярослав Мудрый, поставив в Киеве в 1051 г. первого митрополита из русских Иллариона и добиваясь канонизации первых русских святых – Бориса и Глеба. Эти действия должны были укрепить церковную, а также и политическую независимость Руси от Византии, поднять авторитет молодого славянского государства.

Киевские книжники утверждали, что история Руси подобна истории других христианских государств. Здесь также были свои подвижники, пытавшиеся личным примером побудить народ к принятию новой веры: княгиня Ольга крестилась в Константинополе и убеждала сына своего Святослава также стать христианином. Были на Руси и свои мученики, например, варяг и его сын, растерзанные толпой язычников за отказ принести жертву языческим богам. Были и свои святые – князья Борис и Глеб, убитые по приказанию своего брата Святополка, но не преступившие христианских заветов братолюбия и покорности старшему. Был на Руси и свой «равноапостольный» князь Владимир, крестивший свой народ и тем самым сравнившийся с Константином Великим, императором, объявившим христианство государственной религией Византии.

Для обоснования этой идеи и был составлен свод преданий о возникновении христианства на Руси. В него вошли рассказы о крещении и кончине Ольги, рассказ о варягах-христианах, обширная похвала Ярославу Мудрому (отражение которой находим в статье за 1037 г. «Повести временных лет»), сказание о крещении Руси и, наконец, сказание о князьях Борисе и Глебе. Все 6 названных произведений обнаруживают, по мнению Д.С. Лихачёва, «свою принадлежность одной руке ...

теснейшую взаимосвязь между собою: композиционную, стилистическую и идейную».

Этот свод статей (Д.С. Лихачёв условно назвал его «Сказанием о распространении христианства на Руси») мог быть составлен в I-ой половине 40-х гг. XI в. книжниками Киевской митрополии. Это и есть *первый* этап становления русского летописания.

Следующий этап – *второй* – приходится уже на 60-70-е гг. XI в. А.А. Шахматов связывал его с деятельностью монаха Киево-Печерского монастыря Никона. Возможно, что в его летописном своде, названном «Первый Киево-Печерский свод», к преданиям о распространении христианства на Руси были присоединены рассказы о первых русских князьях – Олеге, Игоре, Ольге.

Никону принадлежит авторство легенды о варяжском происхождении русских князей, легенды, согласно которой род русских князей, занимающих великокняжеский престол в Киеве, восходит не к Игорю, а к призванному новгородцами варяжскому князю Рюрику. При этом Рюрик объявляется отцом Игоря, а киевский князь Олег превращён летописцем в воеводу, сначала Рюрика, а после его смерти – Игоря.

Эта легенда имела свой важный политический и идеологический смысл. Во-первых, в средневековье часто объявляли родоначальником правящей династии чужеземца: это снимало (как казалось создателю этой легенды) вопрос о старшинстве и приоритете среди местных родов. Во-вторых, признание того, что киевские князья происходят от князя, призванного славянами с тем, чтобы установить на Руси «порядок», должно было придать нынешним киевским князьям больший авторитет. В-третьих, легенда превращала всех русских князей в «братьев», утверждала законность только одного княжеского рода – Рюриковичей.

В условиях феодальных отношений ни одному из этих расчётов летописца не суждено было сбыться, но легенда о «призвании варягов» была введена в круг основополагающих идей средневековой историографии. Много веков спустя она будет воскрешена и поднята на щит «норманистами», сторонниками иноземного происхождения русской государственности. В настоящее время наука признаёт, что норманские князья действительно приглашались на Русь как предводители наёмных дружин. Именно так, возможно, был приглашён в Новгород и Рюрик. Приглашённые военачальники могли в отдельных случаях захватывать власть в городах, где располагались и дружины. Норманское происхождение Рюрика, Олега и Игоря не вызывает сомнения. Однако образование Руси произошло не по воле этих людей, а представляло собой естественный внутренний процесс возникновения государственности у восточных славян, начавшийся задолго до так называемого «призвания».

Третий этап становления русского летописания датирован 1095 г. В этот период создаётся новый летописный свод («Второй Киево-Печерский свод»), который А.А. Шахматов предложил назвать «Начальным сводом».

Составитель «Начального свода» продолжил свод Никона, доведя изложение событий с 1073 г. по 1095 г., и придал своему изложению в этой дополненной части особенно публицистический характер, упрекая князей за междоусобные войны, сетуя, что они не заботятся об обороне Русской земли, не слушаются советов мудрых мужей. Помимо русских источников, летописец использовал также древнейшую

русскую хронографическую компиляцию – так называемый «Хронограф по великому изложению», откуда вставил в летописный рассказ несколько фрагментов: рассказ о походе на Царьград Аскольда и Дира (он читается в «Повести временных лет» под записью за 866 г.), рассказ о походе Игоря на Царьград (под записью за 941 г.) и рассказ о чудесных знамениях, случившихся во времена сирийского царя Антиоха, римского императора Нерона и византийских императоров Юстиниана, Маврикия и Константина (под записью за 1065 г.).

Четвёртый этап относится к началу XII в. (полагают, что около 1113 г.), когда «Начальный свод» был вновь переработан монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Его труд получил в науке название «Повести временных лет» по первым словам её пространного заголовка: «Се повести времяных (прошедших) лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть».

Нестор был книжником широкого исторического кругозора и большого литературного дарования. В «Повести временных лет» он поставил перед собой грандиозную задачу: не только дополнить «Начальный свод» описанием событий рубежа XI-XII вв., современником которых он был, но и самым решительным образом переработать рассказ о древнейшем периоде истории Руси.

Нестор вводит историю Руси в русло истории всемирной. Он начинает свою летопись изложением библейской легенды о разделении земли между сыновьями Ноя. Приводя пространный перечень народов всего мира (извлечённый им из «Хроники Георгия Амартола»), Нестор вставляет в этот перечень упоминание о славянах; в другом месте текста славяне отождествляются с «нориками» – жителями одной из провинций Римской империи, расположенной на берегах Дуная. Нестор обстоятельно рассказывает о древних славянах, о территории, которую занимали отдельные славянские племена, но особенно подробно – о племенах, обитавших на территории Руси, в частности о «кротких и тихих обычаем» полянах, на земле которых возник город Киев. Летописец уточняет и развивает варяжскую легенду Никона.

В то же время Нестор включает в летопись некоторые новые (сравнительно с «Начальным сводом») народно-исторические предания, такие, как рассказ о четвёртой мести Ольги древлянам, рассказы о поединке юноши – кожемяки с печенежским богатырём и об осаде Белгорода печенегами.

Итак, именно Нестору «Повесть временных лет» обязана своим широким историческим кругозором, введением в летопись фактов всемирной истории, на фоне которой развёртывается история славян, а далее – история Руси. Именно Нестор укрепляет и совершенствует версию о происхождении русской княжеской династии от «призванного» норманского князя. Нестор – активный поборник идеала государственного устройства Руси, провозглашённого Ярославом Мудрым: все князья – братья и все они должны подчиняться старшему в роде и занимающему киевский великокняжеский престол.

Благодаря государственному взгляду, широте кругозора и литературному таланту Нестора «Повесть временных лет» явилась, по словам Д.С. Лихачёва, «не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси».

Как полагают, I редакция «Повести временных лет» до нас не дошла. Сохранилась II её редакция, составленная в 1116 г. игуменом Выдубицкого монастыря (под Киевом) Сильвестром. Святополк Изяславич, поставленный в центр повествования о событиях 1093-1111 гг. не имел большой популярности в обществе того времени. После его смерти великим киевским князем стал в 1113 г. Владимир Мономах – «великий страдалец за русскую землю», как пишет о нём летопись. Понимая политическое и юридическое значение летописи, он передал её ведение в Выдубицкий монастырь, где Сильвестр составляет её II редакцию. На первый план была выдвинута, конечно же, фигура Мономаха. Летописец подчёркивал его заслуги в борьбе с половцами и в установлении мира между князьями.

В 1118 г. в том же Выдубицком монастыре неизвестным автором по повелению князя Мстислава Владимировича была создана III редакция «Повести временных лет». II редакция дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., а также других более поздних летописных сводов. III редакция, по мнению ряда исследователей, представлена в Ипатьевской летописи, старший список которой датируется первой четвертью XV в.

3. Типы летописного повествования.

Композиция «Повести временных лет» подтверждает сложность её состава и разнообразие её компонентов как по происхождению, так и по жанровой принадлежности. В «Повести», помимо кратких погодных записей, вошли и тексты документов, и пересказы фольклорных преданий, и сюжетные рассказы, и выдержки из памятников переводной литературы. В «Повести» можно встретить и богословский трактат – «Речь философа», и житийный по своему характеру рассказ о Борисе и Глебе, и патериковые легенды о киево-печерских монахах, и церковное похвальное слово Феодосию Печерскому, и непринуждённую историю о новгородце, отправившемся погадать к кудеснику.

Природа летописного жанра весьма сложна; летопись относится к числу «объединяющих жанров», подчиняющих себе жанры своих компонентов – исторической повести, жития, поучения, похвального слова и т. д. И тем не менее летопись остаётся цельным произведением, которое может быть исследовано и как памятник одного жанра.

В «Повести временных лет», как и в любой другой летописи, можно выделить 2 типа повествования – собственно *погодные записи* и *летописные рассказы*. *Погодные записи содержат сообщения о событиях, тогда как летописные рассказы предлагают описания их. В летописном рассказе автор стремится изобразить событие, привести те или иные конкретные детали, воспроизвести диалоги действующих лиц, словом, помочь читателю представить происходящее, вызвать его на сопереживание.*

Так, в рассказе об отроке, бежавшем из осаждённого печенегами Киева, чтобы передать просьбу княгини Ольги воеводе Претичу, не только упоминается сам факт передачи сообщения, но именно рассказывается о том, как отрок бежал через печенежский стан с уздечкой в руке, расспрашивая о будто бы пропавшем коне (при этом не упущена важная деталь, что отрок умел говорить по-печенежски), о том, как он достигнув берега Днепра, «сверг порты» и бросился в воду, как выплыли ему навстречу на лодке дружинники Претича; передан и диалог Претича с печенежским

князем. Это именно рассказ, а не краткая погодная запись, как, например, «Святослав победи вятичей и дань на них возложи», или «Поиде Мьстислав на Ярослава с козары и с касогы» и т. п.

В то время и сами летописные рассказы относятся к 2 типам, в значительной мере определяемым их происхождением. Одни рассказы повествуют о событиях, современных летописцу, другие – о событиях, происходивших задолго до составления летописи, это устные эпические предания и легенды, внесённые впоследствии в летопись. К ним можно отнести предания о юноше-кожемяке и сказание о белгородском киселе.

Первое сказание читаем в статье 992 г. Воевавший с Русью печенежский князь предложил Владимиру выставить из своего войска воина, который бы померился силой с печенежским богатырём. Никто не решается принять вызов. Владимир опечален, но тут к нему является некий «старый муж» и предлагает послать за своим младшим сыном. Юноша, по словам старика, очень силён («от детства»). Как-то вспоминает отец, сын, разгневавшись на него, разорвал руками кожу, которую в этот момент мял. Юношу призывают к Владимиру, и он показывает князю свою силу – хватает за бок пробегающего мимо быка и вырывает кожу с мясом. Но тем не менее юноша – «средний телом», и поэтому вышедший с ним на поединок печенежский богатырь – «превелик зело (очень) и страшен» – смеётся над своим противником. Здесь (как и в рассказе о мести Ольги) неожиданность поджидает отрицательного героя; читатель же знает о силе юноши и торжествует, когда кожемяка «удави» руками печенежского богатыря.

В другом сказании торжествует не сила, а хитрость. В статье 997 г. повествуется, как печенеги осадили городок Белгород и рассчитывали, что горожане вот-вот сдадутся: в городе начался голод великий. И действительно, на вече горожане пришли к решению открыть ворота врагу. Но некий безызвестный старец предлагает выход из положения. По его совету выкапывают два колодца, в которые ставят кадки с «цежем» (болтушкой, из которой варят кисель) и с «сытой» – разбавленным водой мёдом. Затем приглашают в город печенежских послов и говорят им: «Почто губите себя? Коли можете перестояти нас? Аще стоити за 10 лет, что можете створити нам? Имеем бо кормлю от земле». Послы, увидев «чудесные колодцы» были поражены и убедили своих князей снять осаду с города.

Подобные предания и легенды объединены особым эпическим стилем. *Для таких рассказов характерна сюжетная занимательность: события, о которых в них повествуется, значительны или поражают воображение; безымянность героев (юноша-кожемяка, отрок, отправившийся передать просьбу Ольги воеводе Претичу, старец из Белграда); короткие, но живые диалоги; при общей лаконичности описания выделяется какая-либо важная для развития сюжета деталь (узечка в руке отрока, подробное описание того, как сооружались «чудесные» колодцы в рассказе о белгородском киселе). Для рассказов этой группы характерен эффект неожиданности.*

В каждом таком рассказе в центре – одно событие, один эпизод, и именно этот эпизод составляет характеристику героя, выделяет его основную, запоминающуюся черту. Олег (в рассказе о походе на Царьград) – это, прежде всего, мудрый и храбрый воин, герой рассказа о белгородском киселе – безымянный старец, но его мудрость в последний момент спасающая осаждённый печенегами

город, и является той характерной чертой, которая завоевала ему бессмертие в народной памяти.

Вторая группа рассказов, составленная самим летописцем или его современниками, отличается иной манерой повествования: в ней нет изящной завершённости сюжета, эпической лаконичности и обобщённости образов героев. Но эти рассказы более психологичны, реалистичны и литературно обработаны, т. к. летописец стремится не просто поведать о событии, а изложить его так, чтобы произвести на читателя определённое впечатление, заставить его так или иначе отнестись к персонажам повествования. Среди подобных рассказов в пределах «Повести временных лет» особенно выделяется рассказ об ослеплении Василька Тербовольского (в статье 1097 г.).

Чтобы показать, как именно летописец достигает художественного, эмоционального воздействия на читателя, рассмотрим два эпизода из этого рассказа

Киевский князь Святополк Изяславич, поддавшись уговорам волынского князя Давыда Игоревича, зазывает к себе Василька, чтобы заточить и ослепить его. Василько, не ведая ожидающей его расправы, приезжает на княжеский двор. Давыд и Святополк вводят гостя в «истобку» (избу). Святополк уговаривает Василька остаться погостить, а присутствующий при этом разговор Давыд «сыдыше акы нем»: он сам оклеветал Василька и сам же в душе страшится собственного злоумышления. Когда Святополк вышел из «истобки», Василько заговаривает с Давыдом, но «не бе в Давыде ни гласа, ни послушания» (он как бы не слышит, что говорят ему, и не может отвечать; это весьма редкий для древнерусского повествования старшей поры пример психологизма, когда автор так нетрадиционно передаёт душевное состояние человека, задумавшего преступление). Но вот выходит из «истобки» и Давыд, а туда врываются княжеские слуги. Летописец подробно описывает завязавшуюся борьбу: чтобы удержать сильного и отчаянно сопротивлявшегося Василька, его валят на пол, прижимают снятой с печи доской, садятся на неё, так что у поверженного Василька «трещит» грудь. Столь же подробно описывается и само ослепление: оно поручено «овчарю», и тем самым читателю подсказывается сравнение Василька с безропотной, ведущейся на убой овцой.

Все эти детали помогают читателю наглядно представить ужасную сцену расправы над оклеветанным Васильком и убеждают читателя в правоте Владимира Мономаха, выступившего против Давыда и Святополка.

Исследователи часто обращаются и к другой, не менее выразительной сцене из того же рассказа. Ослеплённого, израненного Василька везут на телеге. Он в беспомощности. Сопровождающие (видимо, «отроки» Давыда) снимают с него окровавленную сорочку и отдают её постирать попадьё селения, в котором они остановились на обед. Попадья, выстирав сорочку, приходит к Васильку и начинает оплакивать его, думая, что он уже мёртв. Василько, услышав плач, «рече: «Кде се есмь?» Они же (сопровождающие) рекоша ему: «В Звиждене городе» И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во не душа, и упомянуса, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред богом»».

Эпизод этот рассказан столь подробно, с такими конкретными деталями, что эта сцена ещё раз вызывает воспоминание о страшной участи оклеветанного князя,

вызывает сочувствие к нему, а выраженное им желание предстать перед богом в той окровавленной сорочке как бы напоминает о неизбежном возмездии, служит публицистическим оправданием вполне «земным» действиям князей, выступивших войной против Давыда Игоревича с тем, чтобы восстановить права Василька на отнятый у него удел.

Так, вместе с летописным повествованием начинает формироваться особая, подчинённая летописному жанру, повесть о княжеских преступлениях. Общественно-политическая значимость этих рассказов была столь велика, что авторы, видимо, действительно заботились о совершенстве их литературной формы, которая сделала бы повествование эмоционально-выразительным, безусловно, оправдывала бы позицию той стороны, которая выступала в таких рассказах как обличитель совершенного преступления.

Таким образом, если летописным рассказам, восходящим к фольклорным преданиям, был присущ особый эпический стиль, то преобладающим и всеохватывающим стилем в летописании XI – XII вв., а также и во всей литературе этого периода является стиль монументального историзма.

В этом стиле проявляется стремление древнерусских книжников судить обо всём с точки зрения общего смысла и целей человеческого существования. Поэтому авторы XI – XIII вв. стремятся изображать только самое крупное и значительное. *Стиль монументального историзма характеризуется, прежде всего, стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических.* Это стиль, в пределах которого всё наиболее значительное и красивое представляется монументальным, величественным, воспринимается как бы с высоты птичьего полёта.

Древнерусские книжники смотрят на мир как бы с большого удаления. В этот период развито панорамное зрение, стремление сопрягать в изложении различные удалённые друг от друга географические пункты. В древнерусских памятниках действие перебрасывается из одного места в другое, находящееся на противоположном конце Русской земли. Рассказ о событиях в Новгороде сменяется рассказом о событиях во Владимире или Киеве, далее упоминаются события в Смоленске или Галиче и т. д. Эта особенность соответствует духу повествования того времени. Она присуща и летописям, и житию Бориса и Глеба, и «Поучению» Вл. Мономаха, и Киево-Печерскому патерику, и «торжественным» словам.

Вместе с тем монументализм XI – XIII вв. имеет одну своеобразную черту, отличающую его от наших представлений о монументальном как инертном, тяжёлом, неподвижном. Монументализм в древнерусской литературе был связан с совершенно противоположными качествами, в частности с быстротой передвижения на больших географических пространствах. Герои произведений совершают переходы, перемещаются со своими дружинами из одного города в другой, из одного княжества в соседнее.

Историзм монументального стиля выражается в особом пристрастии к исторической теме. Древнерусские писатели стремились писать не о вымышленном, а об исторически бывшем, и когда описывали что-либо фантастическое (например, чудеса), то и сами по большей части верили в них и стремились внушить читателям, что те или иные события происходили в действительности. Литература того времени

не знает (или точнее сказать: считает, что не знает) ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий.

Кроме того, книжники пытались всякое историческое событие или действующее лицо связать с другими, столь же историческими событиями или лицами – напомнить о предках князя, его «отцах» и «дедах», сравнить героя или событие с подобными героями или событиями, известными им из византийских хроник или библейских книг, искать и находить аналогии всему, что происходило в этом огромном и едином по своим основным закономерностям мире (Характеристику стиля монументального историзма см.: Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Русская литература, 1976, №2. – стр. 24-37).

«Слово о полку Игореве» – величайший памятник славянской письменности

План:

1. Общие сведения о «Слове о полку Игореве».
2. Тема и идея произведения.
3. Композиция и жанр памятника.
4. «Слово о полку Игореве» и устное народное творчество.

Литература:

1. «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи: Сборник научных трудов. – Киев, 1990.
2. Житилева Ж.И., Житилев В.И. Первое прикосновение к «Слову о полку Игореве» // Русский язык в школе. 2001. – № 3. – С. 3-10.
3. Кузнецова М. В жизни всегда есть место подвигам (Французский героический эпос «Песнь о Роланде» и «Слово о полку Игореве». Опыт творческого сопоставления чтения, 9-й класс) // Учитель: проф. пед. журн. 2007. – № 2. – С. 7-12.
4. Кучина Т.Г. «Слово о полку Игореве» и «Война и мир»: [Шедевр древнерусской литературы и роман Льва Толстого] // Литература: Журнал для учителей словесности. 2014. – № 7-8. – С. 47-52.
5. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1985.
6. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. – М., 1976. – стр. 41-49; 50-176; 119-146.
7. Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // О русской литературе: Ст. и исследования (1958-1993): История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – С. 14-79.
8. Полянских Н.Н. «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях русских художников. IX класс // Литература в школе: науч.-метод. журн. 2011. – № 8. – С. 27-31.
9. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1972.
10. Шкляревский И.И. Читаю «Слово о полку Игореве»: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1991.

Интернет-ресурсы:

11. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4879>

Слово о полку Игореве

Поэтические переводы «Слова о полку Игореве»:

В. А. Жуковский

Н. А. Заболоцкий

Д. С. Лихачев

1. Общие сведения о «Слове о полку Игореве».

История открытия и опубликования. «Слово о полку Игореве» было открыто собирателем древнерусских рукописей А.И. Мусиным-Пушкиным в конце 80-х – начале 90-х годов XVIII в. Он приобрёл у архимандрита Иоиля, настоятеля упразднённого Екатериной II Спасо-Ярославского монастыря, рукописный сборник, датированный XVI в. В состав данного сборника входили произведения светского характера: «Хронограф», «Временник», «Сказание об Индии богатой», «Повесть об Акире Премудром», «Слово о полку Игореве» и «Девгениево деяние».

Для работы над рукописью А.И. Мусин-Пушкин привлёк учёных А.Ф. Малиновского и Н.Н. Бантыш-Каменского, а в качестве консультанта Н.М. Карамзина. Благодаря их труду в 1800 г. был опубликован текст «Слова» с переводом на современный русский язык, вступительной статьёй и примечаниями.

Очевидно, в 1795 – 1796 гг. была сделана писарская копия с текста рукописи для Екатерины II. Копия эта затем затерялась в архиве и была обнаружена лишь в 1864 г. П.П. Пекарским.

В 1812 г. рукописное собрание А.И. Мусина-Пушкина погибло в огне московского пожара. В руках исследователей остались лишь печатный текст и выписки, сделанные из рукописи её первыми издателями.

Историческая основа «Слова». Исторические события, связанные с походом и поражением новгород-северского князя Игоря, его брата Всеволода из Курского, сына Владимира из Путивля и племянника Святослава Ольговича из Рыльска, – и легли в основу сюжета «Слова о полку Игореве».

Выступая весной 1185 г. в поход против степных кочевников, князь Игорь понадеялся на удачу, мечтая о своей собственной славе и желая, возможно, поискать древнего Тмутараканя, которым некогда владели черниговские князья, и, в частности, дед Игоря Олег. Однако поход закончился страшным разгромом русских войск. Впервые в истории военных столкновений с половцами русские князья были захвачены в плен, а из всего войска (около 6000 воинов) остались в живых лишь 16 человек.

Описанию похода Игоря посвящены две дошедшие до нас исторические повести: одна в составе северорусской Лаврентьевской, другая – южнорусской Ипатьевской летописи.

Историческая повесть о походе новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в Ипатьевской летописи отличается подробным последовательным описанием событий. Изложение проникнуто горячим сочувствием к участникам похода, их поражению. Летописная повесть не лишена художественности: ей присущи драматизм, образность и выразительность отдельных мест, живость повествования. Автором её был либо непосредственный участник событий, либо человек, стоящий близко к новгород-северскому князю.

Рассказ Лаврентьевской летописи лаконичен и неконкретен. Летописец с явным осуждением говорит об Игоре и его брате Всеволоде. Повествование носит религиозно-дидактическую окраску; в рассказе приводятся цитаты из «священного писания».

Перед нами две различные редакции исторической повести: одна из них была создана на юге Руси человеком, принимавшим близко к сердцу несчастье, постигшее северских князей и все южнорусские княжества; вторая появилась на севере-

востоке, где события далёкого юга уже мало волновали летописца, и рассказ о поражении Игоря он использовал в религиозно-дидактических целях.

«Слово о полку Игореве» было написано между 1185 и 1187 гг. Эти даты устанавливаются на основании самого текста памятника.

2. Тема и идея произведения.

Неизвестный автор создал своё произведение по горячим следам событий. Он считал, что все исторические перипетии и подробности хорошо известны современникам. *Задача автора состояла в том, чтобы дать политическую оценку событию, показать своим современникам, какое значение имеет неудача Игоревы похода для исторической судьбы всей Русской земли.* Впервые в древнерусской литературе в факте поражения русских войск на Каяле автор «Слова» увидел не проявление божьего гнева за человеческие прегрешения, а проявление страшного зла феодальной раздробленности, отсутствие единения между князьями, несоблюдение вассалами своих обязательств по отношению к сюзерену – великому князю киевскому, проявление эгоистической политики князей, жаждущих личной славы. Поэтому *ведущими темами памятника являются тема величия и красоты Русской земли и тема осуждения княжеских раздоров, а идея – страстный призыв к объединению русских князей накануне татаро-монгольского нашествия.*

«Слово о полку Игореве» не даёт последовательного рассказа о походе и даже отступает от ряда исторических фактов. Автор берёт лишь самые значительные эпизоды, которые позволяют ему ярче высказать своё отношение к событиям, донести до своих слушателей основную идею. Именно гражданская патриотическая идея прочно цементирует в единое художественное целое все части произведения. Чёткость политической мысли, лирическая взволнованность, публицистическая страстность, широта исторического мышления, высокая художественность – всё это делает «Слово о полку Игореве» «прекрасным благоухающим цветком славянской народной поэзии, достойным внимания, памяти и уважения» (В.Г. Белинский).

3. Композиция и жанр «Слова».

С изучением «Слова о полку Игореве» связаны три проблемы:

- 1) автора;
- 2) композиции;
- 3) жанра.

Рассмотрим последние две и начнём с композиции памятника.

В течение почти двухсотлетнего изучения «Слова» о его композиции высказывались различные точки зрения: одни считали, что «Слово» не представляет собой цельного по построению и содержанию литературного произведения, что оно состоит из каких-то отрывков, внутренне не связанных между собой, не объединённых одной идеей, не имеющих сквозной сюжетной линии, определённой образной системы и т. д.; такой взгляд пытались обосновать представители скептического направления, которые глубоко не вникали в сущность и художественное своеобразие памятника. Другие исследователи, наоборот, утверждают, что не только по внешним чертам организации текста, его деления на определённые части, но и по структуре поэтической образности, по его внутренней основе «Слово» представляет собой стройную, логически последовательную,

художественно многообразную и в то же время цельную композиционную систему, являющуюся непревзойдённым образцом древнерусского словесного искусства.

В обобщённой форме вторая точка зрения изложена Д.С. Лихачёвым: «Композиция «Слова о полку Игореве» при первом взгляде кажется очень сложной, а иногда и непоследовательной. Автор переходит от темы к теме, от одних действующих лиц своего повествования к другим, постоянно меняет место действия, перенося его от Игорева войска в Половецкой степи в Киев, а из Киева в различные русские земли, на некоторое время в Путивль, затем в Половецкую землю, оттуда вновь на Русь – в Киев. Так же быстро меняется и время действия – автор обращается от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему и к предчувствиям грозного будущего. Перед читателем проходит целая гамма ощущений: от тяжёлых предчувствий и скорби автор переходит к патетике призыва; эта патетическая часть сменяется лирической и интимной, а всё произведение в целом завершается радостным и торжественным финалом. В «Слове» – своеобразная музыкальная композиция, в которая каждая часть не только самостоятельна по теме, но и окрашена своим особым чувством; все части вместе гармонично слиты в удивительно законченное произведение. В сущности, все темы в «Слове» подчинены одной общей теме и все чувства – одному главному чувству, но и те и другие искусно развёрнуты во времени, представлены в сложном развитии. Эта главная тема – тема родины, и это главное чувство – чувство любви к родине.

Стремление расширить тему родины потребовало от автора «Слова» обращения к её настоящему и прошлому. Оно потребовало противопоставления Русской земли враждебной ей Половецкой степи и сопровождения событий в Русской земле откликами среди чехов, угров, венецианцев, готов, литвы, ятвягов, деремелы и неких загадочных «хинов». Чувство любви к родине выражено в «Слове» также во всём многообразии её оттенков: тут и тревога за её судьбу, и тоска при расставании с ней её войска, и горечь от поражения её сынов, и горе от разорения её половцами, и гордость её прошлым и настоящим, и нежная ласка к ней в плаче Ярославны, и радость по поводу возвращения Игоря. Тема родины и чувство любви к ней последовательно раскрываются автором в связи с главным сюжетным стержнем всего произведения – походом Игоря Святославича 1185 г.» («Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1976. – стр. 50).

Таким образом, в композиции «Слова» выделяются три части: вступление, основная часть и заключение. В свою очередь, основная часть распадается на три:

- 1) «Вещий» сон Святослава;*
- 2) «Золотое» слово Святослава (именно здесь раскрывается основная идея памятника);*
- 3) плач Ярославны.*

Они являются своеобразным поэтическим фокусом, способствующие полному раскрытию авторского замысла.

Отличия во взглядах исследователей на композицию «Слова о полку Игореве» сказались и на практике переводческой работы: у переводчиков как XIX, так и XX в. текст «Слова» разделяется на неодинаковое количество частей (глав, разделов, песен), причём в ряде случаев эти части получают самостоятельные названия в зависимости от их тем и содержания.

Также неоднозначные высказывания вызвал и жанр «Слова». *Ещё до опубликования и особенно после его жанровую природу определяли по-разному, а именно как песню, поэму, героическую поэму, «трудную», т.е. воинскую повесть, былину, ораторскую речь («слово») и т. д.* Уже первые издатели параллельно с названием оригинала «Слово о полку Игореве» напечатали «Песнь о походе Игоря». В 1797 г. Н.М. Карамзин, сообщая миру об открытии в России нового литературного памятника, говорил о нём как об «отрывке поэмы». Позже В.Г. Белинский отрицал возможность отнесения «Слова» к жанру героической поэмы, Ф.И. Буслаев, наоборот, считал, «Слово» исторической поэмой с элементами древней мифологии. М.А. Максимович называл «Слово» песней, а С.П. Шевырѐв подчёркивал, что это произведение представляет собой повествование, «переход от песни к повести». В новейшее время А.И. Никифоров рассматривал «Слово» как былину, И.П. Ерѐмин – как «произведение ораторского искусства».

Неоднозначность мнений указывает на то, что «Слово» – очень своеобразное среди всех других памятников Древней Руси литературное произведение. *Д.С. Лихачѐв отмечает: ««Слово» очень близко к плачам и славам (песенным прославлениям). И плачи, и славы очень часто упоминаются в летописях XII – XIII веков. «Слово» близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не плач и не слава. Народная поэзия не допускает смешения жанров. «Слово» – произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии. Этот, по-видимому, особый род книжной поэзии, может быть ещё не успевший окончательно сложиться»* («Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. Л., 1985. – стр. 37). Этой точки зрения придерживается большинство современных исследователей памятника, т. к. в нём имеются черты ритмичности, стихового строя и другие признаки поэтической организации текста.

4. «Слово о полку Игореве» и устное народное творчество.

«Слово» тесно связано с русским фольклором.

- 1) в памятнике соединены два фольклорных жанра – «слава» и «плач» – прославление князей и оплакивание печальных событий (по Д.С. Лихачѐву);
- 2) с народной поэтической традицией связанна в произведение песенная символика: князя – это «солнце» и «молодые месяцы», «соколы»; одинокой кукушкой плачет Ярославна на городской стене. На песенной символической и параллелизмах построено описание Игоря из плена;
- 3) в традициях народных символических представлений выдержано и описание Вещего сна Святослава: чёрное покрывало – символ похорон, жемчуг – символ слѐз, карканье серых воронов предвещает беду и т. д.;
- 4) приём олицетворения природы. В «Слове» русская природа становится самостоятельным персонажем: она предупреждает, сочувствует, сопереживает, радуется;
- 5) плач Ярославны близок к народным плачам, построен по тем же принципам;
- 6) из фольклора черпал автор и отдельные метафоры, сравнения, эпитеты. Постоянные эпитеты «борзые кони», «красные девки», «чистое поле», «мечи булатные», «сизый сокол» и т.п.; метафорические уподобления

боя кровавому брачному пиру, посеву, молотье широко распространены в народной поэзии;

- 7) с песней роднит «Слово» наличие рефренов, которые членят отдельные эпизоды. Так, например, одинаковым зачином-запевом начинаются все три «строфы» плача Ярославны.

Таким образом, опираясь на традиции устного дружинного и народного эпоса, хорошо зная произведения светской исторической оригинальной и переводной литературы, церковной письменности гениальный неизвестный автор «Слова о полку Игореве» создал оригинальное по форме и содержанию произведение, проникнутое глубоким лиризмом, публицистическим патриотическим пафосом, эпической широтой.

Жанр дидактической прозы в древнерусской литературе

План:

1. Отражение нравственных и политических идеалов феодального общества конца XI – начала XII вв. в «Поучении» Владимира Мономаха.
2. Идейное содержание и язык «Моления» Даниила Заточника.

Литература:

1. Воронин Н.Н. Даниил Заточник // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и её связи с новым временем. – М., 1967. – стр. 54-101.
2. Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – стр. 111-131; 205-220.
3. Лихачёв Д.С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – стр. 98-102.
4. Лихачёв Д.С. Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – стр. 112-115.
5. Лихачёв Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – стр. 137-139.

Интернет-ресурсы:

6. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI – XII века. – 543 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4863>
- **Поучение Владимира Мономаха** (Подготовка текста О.В. Творогова, перевод и комментарии Д.С. Лихачева)
7. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4879>
- **Слово Даниила Заточника** (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.В. Соколовой)
- **Поучения к простой чуди** (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова)
8. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 6: XIV – середина XV века. – 583 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4880>
- **Наставление отца к сыну** (Подготовка текста, перевод и комментарии Н.С. Демковой)
9. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4883>
- **Слово о злых женах** (Подготовка текста, перевод и комментарии А.Г. Боброва)

10. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 15: XVII век. – 530 с.: <http://www.odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4852>

- **Беседа отца с сыном о женской злобе** (*Подготовка текста и комментарии Л.В. Титовой*)

1. Отражение нравственных и политических идеалов феодального общества конца XI – начала XII вв. в «Поучении» Владимира Мономаха.

Особое место в литературе XI – XII вв. занимает «Поучение» Владимира Мономаха, внесённое в Лаврентьевскую летопись под 1096 г. По-видимому, это произведение рассматривалось летописцами как предсмертное завещание князя, аналогичное завещанию Ярослава Мудрого (1054).

«Поучение» Владимира Мономаха, написанное им «сидя на санях», т. е. незадолго до смерти, где-то около 1117 г., было отнесено летописцами к подобным завещаниям, адресованным детям. Однако его поместили не под 1125 г. – годом смерти Мономаха, а под 1096 г.

Это можно объяснить следующим: 1096 г. было датировано письмо Мономаха Олегу Черниговскому, непосредственно примыкавшее к «Поучению». Кроме того, события, описанные в летописи под следующим 1097 г. (Любеческий съезд князей, ослепление Василька, заключение Мономахом мира с киевлянами и Святополком), давали весьма наглядное подтверждение справедливости основных наставлений, связанных с необходимостью соблюдения князьями взятых на себя обязательств, скреплённых «крестным целованием».

Выдающийся государственный деятель конца XI – начала XII столетия Владимир Всеволодович Мономах (1052-1125) своей политикой содействовал временному прекращению княжеских усобиц. Он прославился успешными походами против половцев, отбросив их далеко за Дон, так что половцы его именем детей в колыбели устрашали. Став в 1113 г. великим князем киевским, Мономах всячески содействовал упрочению единства Русской земли.

Центральная идея «Поучения» состоит в призыве, обращённом к детям Мономаха и всем, кто возьмёт в руки сию грамотицу, строго соблюдать требования феодального правопорядка, руководствоваться ими, а не личными, своекорыстными семейными интересами. «Поучение» выходит за узкие рамки семейного завещания и приобретает большое общественное звучание.

На примере личного богатого жизненного опыта Владимир даёт высокий образец служения князя интересам своей земли.

Характерная особенность «Поучения» – тесное переплетение дидактики с автобиографическими элементами. Наставления Мономаха подкрепляются не только сентенциями из «священного писания», но, в первую очередь, конкретными примерами из собственной жизни.

На первый план в «Поучении» выдвигаются задачи общегосударственного порядка. *Священная обязанность князя – забота о благе своего государства, его единстве, строгое и неукоснительное соблюдение клятв и договоров. Князь должен заботиться о христианских душах, «о худом смерде» и «убогой вдовице».* Междоусобные распри подрывают экономическое и политическое могущество государства. Только мир приводит к процветанию страны. Поэтому *в обязанность правителя входит сохранение мира.*

Другой не менее важной обязанностью князя, по мнению Мономаха, является попечение и забота о благе церкви. Он понимает, что церковь является верной помощницей князя. Поэтому ради упрочения своей власти князь должен неусыпно заботиться о священническом и иноческом чине. Правда, Мономах не рекомендует своим детям спасать душу в монастыре, т.е. идти в монахи. Аскетический монашеский идеал чужд этому жизнелюбивому энергичному человеку. Однако он призывает к соблюдению религиозной обрядности, считая, что тремя добрыми делами – покаянием, слезами и милостыней – можно избавиться от грехов своих.

В соответствии с христианской моралью требует Владимир и заботливого отношения к «убогим» (т. е. бедным). В то же время князь должен быть стражем справедливости и не давать «сильным погубить человека», как сам Владимир не давал в обиду ни сироту, ни вдову.

Князь должен быть сам примером высокой нравственности. Основным положительным качеством человека является трудолюбие. Труд, в понимании Мономаха, – это, прежде всего, воинский подвиг, а затем занятие охотой, когда в непрерывной борьбе с опасностями закаляются тело и душа человека.

Владимир приводит примеры из своей личной жизни: он совершил около 83 походов, а малых и не упомнит, заключил 19 мирных договоров.

На охоте он подвергался постоянной опасности, не раз рисковал своей жизнью: «Два тура метали меня рогами вместе с конём, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул».

Основным пороком Владимир считает лень: «Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится». Лень может повлечь за собою внезапную гибель во время военных походов, нанести ущерб хозяйству князя. Опытный хозяин-вотчинник, полководец, Владимир советует детям в ведении дел не доверять ни тиунам (управляющий хозяйством князя), ни отрокам (здесь: слугам), а самому вникать во все мелочи. Также и во время военных походов не следует во всём полагаться на воевод, а самим проверять сторожей и спать возле воинов, не снимая оружие. *Предостерегает Владимир и от лжи, пьянства и блуда:* «ибо в том душа погибает и тело».

Сам Мономах предстаёт в своём «Поучении» человеком необычайно деятельным: «Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днём, в жару и стужу, не давая себе покоя».

Владимир выступает ревностным поборником просвещения: «Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь», – говорит он и ссылается на своего отца Всеволода, который «дома сядя», т. е. находясь в Киеве, изучил пять языков, «оттого и честь от других стран».

Одним из положительных качеств князя является его щедрость, постоянная забота о приумножении и распространении своего доброго имени. Поэтому необходимо, отмечает Владимир, пришедшего «гостя», простого или знатного, одарить, накормить и напоить, поскольку эти люди, идя по разным землям, прославляют человека, объявляя его добрым, или наоборот.

В быту князь должен быть образцом для окружающих: посетить больного, проводить покойника, ибо все смертны. Семейные отношения нужно строить на

уважении мужей к жёнам: «Жён своих любите, но не давайте им властвовать над вами», – наставляет он.

Таким образом, в «Поучении» Мономах охватывает довольно широкий круг жизненных явлений. Он даёт чёткие ответы на многие социальные и нравственные вопросы своего времени.

Вместе с тем, «Поучение» является весьма ценным материалом для представления о личности самого автора – первого известного нам мирского писателя Древней Руси. Прежде всего, это человек хорошо образованный, прекрасно знающий литературу своего времени. В своём произведении он использует Псалтырь, Паремийник, поучения Василия Великого, Ксенофонта и Феодоры к детям, помещённые в «Изборнике 1076 г.», «Шестоднев».

«Поучение» построено по определённому плану: вступление, обращённое к детям, с характерным для древнерусского писателя самоуничижением – не посмеяться над его писанием, а принять его в сердце своё; центральная дидактическая часть. Далее следует заключение. Обращаясь к детям или иным, «кто прочтёт», Мономах просит не осуждать его. Он восхваляет не себя, не свою храбрость, а хвалит бога, который его «худаго и грешнаго» столько лет сохранял от смерти и сотворил «не ленива», «на все дела человеческая потребна». Мономах отводит, таким образом, от себя, как писателя обвинение в гордости, в самовосхвалении. Обращаясь к детям, он уверен, что, «сию грамотицу прочитаючи», они устремятся на добрые дела.

В основной части можно выделить два фрагмента: первый – это теоретический, в котором Мономах рисует образ идеального князя, идеального правителя, а второй фрагмент – практический, в нём теоретические положения подкрепляются конкретными примерами из жизни самого Мономаха. Это первое произведение с элементами автобиографизма в древнерусской литературе. Великий киевский князь Владимир первый включил факты собственной биографии в канву художественного произведения.

В стиле «Поучения» легко обнаруживаются, с одной стороны, книжные его элементы, связанные с использованием Владимиром литературных источников, а с другой – элементы живого разговорного языка, особенно ярко проявляющиеся в описании тех опасностей, которым он подвергался во время охоты (олень меня бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал). Характерная особенность стиля «Поучения» – наличие отточенных, ярких, легко запоминающихся афористических выражений.

«Поучение» примыкает к письму Владимира Мономаха, адресованное Олегу Святославичу Черниговскому. Олег Черниговский прославился своими крамолами – не случайно автор «Слова о полку Игореве» называет его Гориславичем. Разбитый Владимиром и Святополком, Олег вынужден был покинуть Чернигов и отправиться в Ростовскую землю, где произошло его столкновение с сыном Владимира Изяславом, который был убит в бою Олегом, а жена Изяслава захвачена в плен. Это событие, произошедшее 6 сентября 1096 г., и послужило поводом для написания письма Владимира к Олегу Черниговскому.

Письмо Владимир пишет, понуждаемый сыном Мстиславом, приславшим отцу грамоту с просьбой «смириться» и не мстить, чтобы не погубить Русской земли. В письме ярко выражено чувство скорби отца, преждевременно потерявшего

своего сына: «Когда же убили дитя, моё и перед тобой, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы, мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принёс слёзы!», т.е. Владимир взывает к общечеловеческим чувствам своего врага, призывает его «вникнуть» в помыслы своей души. Желая добра братьям и Русской земле, Владимир говорит о своём примирении с Олегом и только просит его освободить свою сноху (жену Изяслава).

«Поучение» Владимира Мономаха дополняло «Письмо», и, возможно, было присоединено к нему самим автором. В нём ярко проявилось торжество общегосударственного долга над личным чувством убитого горем отца.

В целом «Поучение» и письмо ярко раскрывают облик незаурядного государственного деятеля русского средневековья, человека, в котором ярко воплотился идеал князя, заботящегося о славе и чести родной земли.

2. Идейное содержание и язык «Моления» Даниила Заточника.

«Моление» Даниила Заточника – это один из самых загадочных памятников древнерусской литературы (неясен его адресат, ничего не известно об авторе произведения), который восходит к традициям сборников-афоризмов. Но под пером Даниила афоризмы выстраиваются в единое сюжетное повествование о судьбе конкретного человека.

Этот литературный памятник дошёл до нас в двух редакциях: XII в. – «Слово» Даниила Заточника и первой половины XIII в. – «Моление» Даниила Заточника. Оно построено на искусной *контаминации* (в языкознании: возникновение нового выражения или формы путём объединения элементов двух выражений или форм, чем-нибудь сходных) послания-просьбы, поучения, обличительного слова и панегирика. По его поводу высказано много противоречивых суждений, касающихся соотношения редакций, времени их появления, социальной принадлежности автора.

«Слово» Даниила Заточника адресовано Ярославу Владимировичу, князю новгородскому с 1182 по 1199 г. Оно открывается авторским вступлением, в котором Даниил с гордым самосознанием ценности своей личности прославляет «разум ума своего». *Разум – главное качество сердечной красоты, духовной сущности человека*, утверждает автор. Он слагает панегирик человеческой мудрости, определяет главную тему «Слова».

В обращении к князю звучит хвала мудрому человеку, пусть нищему, но зато «смыслённому». Он противопоставляется «несмыслённому», которому ничего нельзя поручить: «Ибо мудрого мужа посылай – и мало ему объясняй, а глупого посылай – и сам вслед не поленись пойти». В произведении встречаем большое количество афоризмов, пословиц, которые воспевают мудрого человека и осмеивают глупого: «Очи мудрых желают блага, а глупого – пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наставь премудрого, и он ещё мудрее станет. Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Глупых не сеют, не жнут, они сами родятся. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому – мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого

не научишь. Коли пожрёт синица орла, коли поплывёт камень по воде и коли начнёт свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится».

Обращаясь к князю, Даниил говорит: «Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я изнутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен». Главная ценность личности, утверждает Даниил, не в её положении в обществе, а во внутренних качествах. Таким образом, впервые в русской литературе поднимается *тема внесловной ценности человека*, тема, которая станет ведущей в русской литературе XVIII в., и, в частности, в творчестве А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова.

Даниил заявляет, что не может не писать своего «слова», только писанием он может облегчить душу, сбросить с сердца тяжкие оковы.

Тут же Даниил сообщает и о своей жизненной неудаче: его «живот», т. е. достояние, богатство «распысая», и нищета покрыла его, «как Красное море фараона», и пишет он своё «слово», «бежа от лица художества». Он полагается на «добросердие» князя, на обычную его любовь. Без них он «как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит». Только страх княжеской «грозы» может оградить его от жизненных неурядиц, «как оплот твёрдый». Эта мысль ещё не раз будет звучать в тексте произведения: «Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не ограждён страхом грозы твоей». Так возникает третья, не менее важная тема – *тема князя, способного защитить попавшего в беду умного человека твёрдым оплотом своего могущества, своей любовью-милостью (тема идеального князя)*.

Прибегая к словесным каламбурам, Даниил Заточник отмечает бедственность своего положения, подчёркивая различие между собой и князем: «Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое: кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нём живя, плач горький; кому Новый Город, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье моё». Следует отметить, что *использование каламбуров, многочисленных афоризмов позволяет утверждать, что стиль «Моления» испытал на себе влияние скоморошьего балагурства*.

Далее Даниил вводит читателя в типичную жизненную бытовую ситуацию: от человека, попавшего в беду, отвернулись его друзья и близкие. Ведь он не может поставить перед ними «трапезы с многообразными яствами». Его возмущает лицемерие друзей, и житейский опыт позволяет ему сделать малоутешительный вывод: «Потому-то не надейся ни на друга, ни на брата, а только на самого себя». Вот этот отрывок: «Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многообразными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку со мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают подножку мне поставить; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мною. Потому-то не надеюсь ни на друга, ни на брата, а только на самого себя».

Теперь на первый план *выдвигается тема бедности и богатства (социальная тема)*. Автор не может и не хочет примириться с нищетой. Нищета унижает личность: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Даниил приводит слова Соломона: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат, – гордостью вознесусь, если же буду беден, – задумаю воровство и разбой». Одержимый нищетой, он вопиет к сыну «царя Владимира» с просьбой о милости.

Он обращает внимание на социальный контраст общества, контраст между богатым и «убогим» мужем: «Ибо, господине, богатый муж везде ведом – и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине невидим ходит. Богатый заговорит – все замолчат и после вознесут речь его до облаков; а бедный заговорит – все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима». И ещё одно замечательное сравнение: «Нищий, но мудрый, похож на грязный сосуд, наполненный золотом, богатый, но глупый, как шёлковая наволочка, набитая соломой. Но не приведи тебе господь быть и бедным, и глупым, тогда ты похож на солому, втопанную в грязь».

Многие беды, подчёркивает Даниил, сокрушают человека, скупают его душу, сушат кости; в горе трудно быть разумным, хотя «злато плавится огнём, а человек напастьми; пшеница хорошо перемолотая, чистый хлеб даёт, а человек в напасти обретает ум зрелый». Помочь человеку в печали всё равно, что напоить его в знойный день студёною водой.

Просьба к князю перерастает в панегирик правителю, милостивому к обижаемым вельможами сиротам и вдовицам. Подобно весне, князь украшает землю, оживляет людей своей милостью. Его голос «сладок» и «образ прекрасен»; «мёд источают уста» его и дар его «как плод райский».

Даниил рисует бытовую картину обильного княжеского пира, вводит читателя в княжескую опочивальню, где правитель возлежит на мягкой постели «под собольими одеялами». Эти картины контрастируют с положением бедняка: «Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьёшь сладкое питьё, вспомни меня, тёплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронизываемого».

Даниил здесь не оригинален. Он берёт готовые образцы, рассыпанные в дидактических сборниках «слов» и поучений, однако придаёт этим картинам личностно-биографический характер.

Вновь Даниил призывает князя к милости, щедрости, подчёркивает гиперболически неисчерпаемость княжеского богатства: «Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям». Далее он отмечает, что славу и честь князя составляют его люди, его воины. Даниил готов воевать в войске хорошего князя. Только «часто из-за беспорядка полки погибают». Во главе полков должен стоять «добрый» (т. е. хороший) князь. Его властью крепится город, как тело – жилами, а дуб – множеством корней; его власть устанавливает общественный порядок в городе, гармонию, как «персты» настраивают гусли. На службе у князя слуги обретают новую семью, оставляя своих отца и мать.

Даниил противопоставляет доброго и злого господина, щедрого и скупого князя. Симпатии его на стороне первых, ибо, служа доброму господину, можно получить свободу, а скупому – дослужиться до ещё большей кабалы.

Далее в «Слове» следует внезапный переход к характеристике семейных отношений (*бытовая тема*). Опираясь на «мирские притчи», Даниил показывает всю нелепость таких отношений, когда жена над мужем властвует. Он обращает

внимание на нелепость женитьбы того, кто «в жёны возьмёт уродину прибытка ради». Перед читателем предстаёт яркая бытовая зарисовка кокетничающей перед зеркалом безобразной жены, мажущуюся румянами. Даниил ей советует: «Не смотришь в зеркало – увидишь безобразие лица своего и ещё больше обозлишься».

Автор вступает в воображаемую полемику с князем, который советует ему жениться у богатого тестя: у него есть и пить. Но Даниил отвергает это. Данный совет князя даёт ему повод выступить с обличением злых жён, в котором использован уже имевшийся в распоряжении древнерусских книжников материал обличительных «слов» и поучений. На место обращений к князю приходит в «Слове» вопрос: «Что есть жена злая?», повторяемый дважды, и обращение к «братии» – слушателям, которым автор также адресует своё произведение, помимо главного адресата – князя, а также обращение к мужьям и жёнам. Даниил даёт ответ: «Торговка плутоватая, кощунница бесовская, людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения».

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на её ласковые и льстивые слова, а дел её не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят». И ещё одна пословица, изобличающая злую жену: «Злая жена подобна ссадине: здесь болит, там свербит».

Жён Даниил призывает послушать слова апостола Павла: «крест – глава церкви, а муж – жене своей» и советует им: «Жёны, стойте же в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у мужей своих». В свою очередь он призывает мужей: «А вы, мужья, в законе храните жён своих, ибо нелегко найти хорошую жену. Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалье». Вот и все слова, которые Даниил говорит в защиту женщин. Они отражают отношение к женщине в средневековом обществе. Даниил не верит в возможность нравственного возрождения «злой жены»: «Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь». Она «ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает».

Обличение злых жён Даниил завершает притчей о муже, который после смерти жены стал продавать своих детей. Когда его спросили: «Зачем детей продаёшь?», он ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут». Увидев, что он увлёкся и отклонился от основной темы, Даниил спешит возвратиться к прежней теме.

Теперь основное его внимание обращено на характер адресованного князю произведения. Он подчёркивает, что «ни за море не ездил, ни у философов не учился». Автор подчёркивает книжность своего произведения. Оно, подобно медвяному соту, вылеплено из «сладости словесной», которую он, Даниил, как пчела собирал из многих книг. Среди них Псалтырь, Паремийник, «Стословец» Геннадия, «Слово некоего отца к сыну своему», «Наказание богатым» и слова, направленные против злых жён, с которыми читатель встречался в Святославовом Изборнике 1073 г., и в «Повести временных лет», и в «Повести об Акире Премудром», и «Пчеле», и мирских притчах. Он придаёт «Слову» форму импровизации, довольно свободно располагая заимствованные из разных источников афоризмы, наставления, образные сравнения.

В заключении Даниил выступает в роли наставника, чувствующего тот мир, к которому он обращается, понимающему, что нельзя безумному запретить безумие (глупость) его. Он понимает, что своею речью, многословной беседой может надоесть, «подобно птице, частящей свои песни. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока».

Завершается «Слово» молитвой, в которой автор просит у бога: «Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида». Тем самым идеал князя мыслился автором как воплощение лучших качеств героев всемирной истории.

Произведение характеризуется большим количеством использованных в тексте афоризмов. Они служили весьма удобной, ёмкой обобщающей формой, позволявшей автору заявить о незаурядности своей собственной личности, своём умственном превосходстве над феодальным обществом, обратить внимание на его противоречия, общественный и социальный быт, увидеть расхождения между идеалом и действительностью. Впервые в русской литературе человек заявил о своём праве на уважение не по положению, занимаемому им в обществе, а по своим внутренним качествам, своему уму – высшей ценности личности.

«Моление» Даниила Заточника адресовано князю Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, княжившему с 1213 по 1236 гг., и «братии» – слушателям. В сравнении со «Словом» усилено панегирическое прославление князя путём цитирования «Песни песней» царя Соломона. Подчёркнуто значение мудрых властителей и доказывается преимущество мудрости над храбростью: «Умный муж не очень бывает на рати храбр, но силён в замысла; потому хорошо собирать мудрых...».

Вряд ли следует относить к биографии героя слова о том, что мать и отец оставили его. Это, по-видимому, литературный приём, подчёркивающий значение князя, призванного заменить своему служивому человеку отца. Только заявление автора о том, что он «под рабским ярмом пострадал», возможно, в какой-то мере отражает реальность положения.

В «Молении» по сравнению со «Словом» появляется резкое осуждение боярства (*антибоярская тема*). И здесь автор памятника вступает в воображаемый диалог с князем, который советует ему пойти служить на боярский двор. Однако бояр Даниил относит к злым господам, которые попирают человеческое достоинство своих слуг. Он предпочитает служить князю: «Лучше бы мне ноги свои видеть в лаптях в доме твоём, нежели в красных сапогах при боярском дворе, лучше бы мне в дерюге служить тебе, нежели в багрянице при боярском дворе. Лучше бы мне воду пить в доме твоём, нежели мёд на боярском дворе, лучше бы мне воробья печёного принимать из руки твоей, нежели бараний бок от бояр злых». И добавляет далее: «Нелепы у свиньи в ноздрях украшения золотые, так и на холопе одежда дорогая. Если бы и были у котла в ушках золотые кольца, то дну его не избавиться от черноты и копоти, так и холопу».

Вводится в «Молении» и новая, по сравнению со «Словом», *тема обличения монашества* (или *антиклерикальная тема*), которая с потерей былого авторитета церкви, станет ведущей в древнерусской литературе XVII в. С негодованием отвергает Даниил воображаемый совет князя постричься в монахи: «Или говоришь, князь, постричься в монахи. Так не видел я ни мертвеца верхом на свинье, ни чёрта

на бабе; не ел я от дуба смокв, ни от липы изюма». Вслед за Козьмой пресвитером Даниил Заточник изображает нравы монахов, возвращающихся на «мирское житие, как пёс на свои блевотины». Он обличает порочные, низменные обычаи чернецов и черниц, которые, словно псы льстивые, обходят дома и сёла «славных мира сего. Где свадьбы и пиры, тут монахи и монахини, и беззаконие: ангельский имеют на себе образ, а блудный нрав; святительский имеют на себе сан, а обычай похабный».

Появляется в «Молении» и великолепная картина игр на ипподроме, своеобразных состязаний в ловкости и силе.

Более скромное место в «Молении» по сравнению со «Словом» занимает обличение злых жён. Гнев Даниила направлен здесь на старых злообразных жён, обобщённый гротескный образ которых он создаёт.

Таким образом, и «Слово» и «Моление» принадлежат к дидактическим произведениям, которые *в форме афоризмов, наполненных философским нравственным содержанием, раскрывают быт и нравы Руси накануне монголо-татарского нашествия*. Как справедливо отмечал ещё В.Г. Белинский, «... кто бы ни был Даниил Заточник, – можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и хвалят, а потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить ...».

Таким образом, «Моление» замечательно своим остроумием и сарказмом, ярким отражением быта эпохи. Своеобразен и стиль памятника, в котором риторические приёмы, книжные выражения и образы переплетаются со скоморошьим балагурством.

Эволюция агиографической литературы

План:

1. Агиографическая литература XI – XII вв.: «Сказание о Борисе и Глебе».
2. Особенности житийной литературы XIII в.: «Житие Александра Невского».
3. Своеобразие агиографии XIV – XV вв.: «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого.
4. «Повесть о Петре и Февронии» – образец житийной литературы XVI в.
5. «Житие протопопа Аввакума» – памятник старообрядческой литературы XVII в.

Литература:

1. Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского // Памятник русской литературы XIII в. – М.- Л., 1965. – стр. 12-83.
2. Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения). – Л., 1974.
3. Древнерусские княжеские жития / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, пер. и коммент. В.В. Кускова. – М.: Кругъ, 2001.
4. Ерёмин И.П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. – М.- Л., 1966. – гл. «Сказание о Борисе и Глебе».
5. Еремина О.А. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» как произведение христианской культуры // Русская словесность. 2002. – № 4. – С. 15-24.
6. Лихачёв Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – стр. 253-258; 299-311.
7. Охотникова В.И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – вып. 1. – стр. 354-363.
8. Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – вып. 2, ч. I. – стр. 211-220.
9. Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. – М., 1963. – стр. 63-86.
10. Соловьев К.А. Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI – начала XII века // Вопросы истории. 2002. – № 5. – С. 14-33.
11. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М., 1990. – стр. 131-153.

Интернет-ресурсы:

12. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI – XII века. – 543 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4863>
 - **Сказание о Борисе и Глебе** (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева)
 - **Житие Феодосия Печерского** (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова)
13. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4877>

- **Житие Александра Невского** (*Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой*)
- 14. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. – 566 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4887>
- **Сочинения Ермолая-Еразма** (*Подготовка текста и комментарии Р.П. Дмитриевой, перевод А.А. Алексеева и Л.А. Дмитриева*)

Важным средством религиозно-нравственного воспитания была агиографическая литература, т. е. житийная, посвящённая жизнеописаниям святых. В занимательной форме здесь давался наглядный урок практического применения отвлечённых христианских догм. Она рисовала нравственный идеал человека, достигшего полного торжества духа над грешной плотью, полной победы над земными страстями.

Формирование и развитие агиографической литературы относится к первым векам существования христианства. *Она вбирает в себя элементы античного исторического жизнеописания, использует ряд черт эллинистического романа, и в то же время её происхождение непосредственно связано с жанром надгробной похвальной речи. Житие сочетает занимательность сюжетного повествования с назидательностью и панегириком.*

В VIII – IX вв. в Византии вырабатывается каноническая структура жития и основные принципы изображения житийного героя. *Обязательными элементами жития были:*

- 1) *описание жизни святого от рождения до смерти;*
- 2) *наличие чудес.*

Жизнеописание святого обычно начинается с указания на его происхождение, как правило, «от благочестивых», «пречестных» родителей, реже от «нечестивых», но и этот факт призван лишь контрастнее оттенить благочестие героя. В детстве он уже отличается от своих сверстников: не ведёт «пустошных» игр, бесед, уединяется; овладев грамотой, начинает с прилежанием читать книги Священного писания, уясняет их мудрость. Затем герой отказывается, или, наоборот, исполняя родительскую волю, вступал в брак, но соблюдал «чистоту телесную». Наконец, он тайно покидал их дом, удалялся в «пустыню», становился монахом, вёл успешную борьбу с бесовскими искушениями. К святому стекалась «братия», и он обычно основывал монастырь; предсказывал день и час своей кончины, благочестиво, поучив «братию», умирал. Тело же его после смерти оказывалось нетленными издавало благоухание – одно из главных свидетельств святости умершего. У его нетленных мощей происходили различные чудеса: сами собой загорались свечи, исцелялись хромые, слепые, глухие и прочие недужные. Завершалась биография обычно похвалой. Так создавался обобщённый лучезарный образ святого, украшенный всякими христианскими добродетелями.

На Руси с принятием христианства стали распространяться жития в двух формах:

- 1) в краткой – так называемые проложные жития, входившие в состав Прологов (Синаксариев) и использовавшиеся во время богослужения;

2) в пространной – так называемые минейные жития, входившие в состав Четьи-Миней, и предназначались для чтения вслух за монастырскими трапезами, а также для индивидуального чтения.

Как уже было отмечено раньше, переводная агиографическая литература служила важным источником при создании оригинальных древнерусских житий. Однако с самого начала древнерусские писатели внесли в его разработку много своего – оригинального и самобытного. Именно этому жанру было суждено проделать долгий путь в древнерусской литературе.

1. Агиографическая литература XI – XII вв.: «Сказание о Борисе и Глебе».

Древнейшим русским житием было, видимо, «Житие Антония Печерского» – монаха, первым поселившегося в пещере и своим поступком подавшего пример к основанию пещерного скита, превратившегося в прославленный Киево-Печерский монастырь. Однако «Житие Антония Печерского» до нас не дошло, хотя нет оснований сомневаться в том, что оно существовало (на это житие ссылается, например, составитель Киево-Печерского монастыря).

Во II-ой половине XI в. создаются *«Житие Феодосия Печерского»** и два варианта жития о Борисе и Глебе. *Так с самого начала определились в древнерусской литературе две главные группы агиографических сюжетов: одни жития были «целиком посвящены теме идеального христианского героя, ушедшего из «мирской» жизни, чтобы подвигами заслужить себе жизнь «вечную», тогда как герои другой группы житий стремятся основать своим поведением не только общехристианский, но и феодальный идеал».*

Примером первой группы сюжетов является «Житие Феодосия Печерского», а второй – два жития, написанных на сюжет о мученической кончине князей Бориса и Глеба.

Обратимся к *«Сказанию о Борисе и Глебе»**. Создание церковного культа этих святых преследовало две цели. С одной стороны, канонизация первых русских святых поднимала церковный авторитет Руси, свидетельствовала о том, что Русь «почтена перед богом» и удостоилась своих святых угодников. С другой стороны, культ Бориса и Глеба имел чрезвычайно важный политический смысл: он «освящал» и утверждал не раз провозглашавшуюся государственную идею, согласно которой все русские князья – братья, и в то же время подчёркивала обязательность «покорения» младших князей старшим. Именно так поступили Борис и Глеб: они беспрекословно подчинились своему старшему брату Святополку, почитая его вместо отца, а он злоупотребил их братской покорностью.

Этот эпизод из истории молодого феодального государства нашёл отражение и в житийном «Сказании», и в летописной «Повести временных лет» (под записью 1015 г.). Казалось бы, что «Сказание» повествует о тех же самых событиях, что и летопись, но значительно усиливает агиографический колорит, для него характерна повышенная эмоциональность и нарочитая условность. Однако, несмотря на бесспорную дань агиографическому жанру, в изображении событий, и особенно в характеристике героев, «Сказание» не могло быть признано образцовым житием.

Особенности «Сказания о Борисе и Глебе»:

- 1) слишком документально и исторично. Историзм повествования данного произведения выгодно отличается от византийских мартирий. Оно несёт в себе важную политическую идею родового старшинства в системе княжеского наследования. «Сказание» подчинено задаче укрепления феодального правопорядка, прославлению вассальной верности.
- 2) не следует традиционной композиционной схеме жития. Автор не изображает жизнь святых от рождения до смерти, а излагает лишь один эпизод из жизни своих героев – их злодейское убийство.
- 3) повествование насыщено обильными монологами-плачами героев, их молитвами, которые являются важным средством раскрытия их внутреннего мира. Они не лишены образности, драматизма и лиризма. В них использованы риторические вопросы и восклицания, характерные для церковной ораторской прозы, и в то же время отразились особенности народного плача.
- 4) система образов построена на антитезе. С одной стороны – Святополк, а с другой – Борис и Глеб. Первый олицетворяет силы зла, тёмное начало в произведении, а вторые являются символом добра и светлого начала. Автор использует достаточно распространённый в фольклоре приём «сгущения красок».
- 5) характеристика героя строится по принципу механического соединения различных качеств в одном образе (внешности, нравственных). Такова характеристика Бориса.

«Сказание о Борисе и Глебе» выделялось среди других памятников древнерусской литературы драматизмом повествования, эмоциональностью стиля изложения, политической злободневностью. О его популярности свидетельствует тот факт, что оно дошло до нас в 170 списках.

2. Особенности житийной литературы XIII в.: «Житие Александра Невского».

Характерной чертой агиографии было стремление соблюсти в житийных произведениях требования жанровых канонов, выработанных многовековой историей агиографического жанра. Эти каноны придавали житиям отвлечённый риторический характер. Однако историческая действительность, политические тенденции, устные предания, реальные факты жизни героя жития нарушали жанровые каноны. Жизнь вносили в житийные памятники публицистичность, литературное разнообразие, сюжетную увлекательность.

Жития святых – это та форма церковной литературы, которая ближе всего стояла к литературе светской, исторической и публицистической и в которой легче всего могли сказываться оппозиционные и еретические идеи, влияние апокрифов и народной легенды.

Для рассматриваемого периода истории древнерусской литературы такая тенденция наиболее заметно проявилась в княжеских житиях. При сохранении целого ряда этикетно-агиографических образов, словесных оборотов в княжеских житиях допускались отклонения от канона, нарушения жанровых штампов. Это обуславливалось тем, что героем жития выступал не подвижник церкви, а государственный деятель. Кроме того, именно в княжеских житиях, написанных в это время, отразились события монголо-татарского ига.

В данный период создаётся «*Повесть о житии Александра Невского*»*, выдающегося полководца и государственного деятеля той эпохи. Она была написана вскоре после смерти князя (ум. в 1263 г.). Этот литературный памятник не укладывался в каноны житийной литературы, и это понимали древнерусские книжники, внесшие его, прежде всего, в состав летописей и только в XVI в. он вошёл в состав «Великих Четьи-Миней» Макария и «Пролога».

Особенности «Жития Александра Невского»:

- 1) произведение создаёт идеальный образ правителя, защитника своего отечества от военных и идеологических посягательств внешних врагов.
- 2) само заглавие определяет его своеобразие: «*Повесть о житии...*». В произведении выделяются два плана – светский (повесть) и религиозный (житие). Там, где Александр изображён как защитник русской земли, талантливый полководец, описываются подвиги его храбрых воинов – преобладает первый план. И действительно, основу жития составляют две воинские повести о битве А. Невского со шведами на Неве и с немецкими рыцарями на Чудском озере. Но в той части памятника, где он выступает как защитник православия, русской церкви преобладает религиозный план. В отказе Александра принять католичество автор видит торжество национальной политики русского князя. Переплетаясь, эти два плана создают цельный образ идеального правителя.
- 3) постоянное присутствие автора-рассказчика. Его присутствие ощущается в отборе и интерпретации материала.
- 4) раскрытию образа идеального правителя служит и приём библейской ретроспекции (перенос качеств библейских героев на литературных). В изображении автора Александр является сосредоточием лучших качеств прославленных героев ветхозаветной истории: красота лица его подобна красоте Иосифа, сила – часть силы Самсона, премудрость – Соломона, а храбрость – римского царя Веспасиана.
- 5) гиперболическое изображение чувства печали и скорби русского народа.

Битва на Чудском озере с немецкими рыцарями изображена в традиционной стилистической манере воинских повестей: «Была тогда суббота. Когда взошло солнце, полки сошлись. И затрещали копыя, и звон мечей раздался, и была сеча столь злая, что лёд на озере задвигался: льда не было видать, весь покрылся он кровью».

В то же время, в агиографической традиции описано посмертное чудо Александра: подобно Алексею, человеку божьему, он протягивает руку из гроба и берёт «прощальную грамоту» из рук митрополита.

И характеристики А. Невского в произведении разноплановы. В соответствии с житийными канонами подчёркиваются его «церковные добродетели». Но, с другой стороны, он величественный и прекрасный внешне, мужественный и непобедимый полководец. В своих воинских действиях Александр стремителен, самоотвержен и беспощаден. Полководческая удаля характерна для всех эпизодов, в которых говорится о ратных подвигах князя. Здесь он предстаёт перед читателем как эпический герой.

Таким образом, «Житие Александра Невского» обнаруживает тесную связь, как с агиографической литературой, так и с воинскими повестями, со средствами

поэтики воинских повестей. Это дало ему, возможность воспроизвести в агиографическом памятнике яркий образ князя – защитника родины, полководца, воина. И вплоть до XVI в. «Повесть о житии Александра Невского» являлась своего рода эталоном для изображения русских князей при описании их воинских подвигов. В частности, можно отметить житие Дмитрия Донского.

Имя Александра Невского пользуется популярностью и в Московском государстве. Он оказывает помощь (уже в качестве святого патрона Русской земли) Дмитрию Донскому в победе над монголо-татарскими завоевателями, Ивану Грозному при осаде Казани, а Пётр I делает Александра Невского патроном Петербурга.

3. Своеобразие агиографии XIV – XV вв.: «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого.

Как и в предшествующие века, агиография остаётся одним из основных литературных жанров. В рассматриваемое время этот жанр достигает большого развития и претерпевает целый ряд важнейших изменений: происходит возрождение и развитие риторическо-панегирического стиля литературы Киевской Руси, или, как его определяет Д.С. Лихачёв, экспрессивно-эмоционального. Это связано с подъёмом национального самосознания, вызванного борьбой против иноземных поработителей, формированием идеологии централизованного государства, укреплением авторитета великокняжеской власти. Идея служения Русской земле (осознание необходимости ради этого победить «страх ненавистной розни мира сего») являлась определяющей идеей времени. Она получает своё воплощение как в литературе, так и в изобразительном искусстве, где на первый план выдвигается нравственный идеал человека, целеустремлённого, стойкого, способного к самопожертвованию во имя блага народа, блага государства. Прославлению, возвеличиванию этого нравственного идеала и служил риторическо-панегирический стиль конца XIV – начала XV вв., основанный на традициях киевской литературы и богатом опыте южнославянских литератур.

Этот стиль первоначально получает распространение в агиографии, где житие становится «торжественным словом», пышным панегириком русским святым, являющим собой духовную красоту и силу своего народа. Изменяется композиционная структура жития: появляется небольшое риторическое вступление, центральная биографическая часть сокращается до минимума, самостоятельное композиционное значение приобретает плач по умершему святому и, наконец, похвала, которой отводится главное место.

Риторическо-панегирический стиль ещё игнорирует психологию человека в целом, его характер, но писатели начинают описывать различные чувства, которые как бы живут вне людей. Однако и этот абстрактный психологизм был значительным шагом вперёд в художественном развитии древнерусской литературы. В произведениях начали появляться психологические мотивировки поступков героев, изображение динамики чувств. Биография христианского подвижника стала рассматриваться как история его внутреннего развития. Важным средством изображения душевных состояний человека становятся пространственные и витиеватые монологи.

Описание чувств заслоняло и отодвигало на второй план изображение подробностей событий. Поэтому фактам из жизни подвижника большого значения не придавалось. В текст вводились пространные авторские риторические отступления, рассуждения морально-богословского характера.

Форма изложения произведения была рассчитана на создание определённого настроения. Этой цели служили оценочные эпитеты, метафорические сравнения, сопоставления с библейскими персонажами.

Первым произведением, написанным эмоционально-экспрессивным стилем, было «Житие Петра митрополита» Киприана. Но значительный вклад в развитие древнерусской агиографической литературы конца XIV – начала XV вв. внёс талантливый писатель Епифаний Премудрый. Его перу принадлежат два произведения: «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского». Создавая агиобиографии своих замечательных старших современников, чьи имена «блестят ярким созвездием в нашем XIV веке», по словам историка В.О. Ключевского, «делая его зарёй политического возрождения Русской земли», Епифаний стремился показать величие и красоту нравственного идеала человека, превыше всего ставящего общее дело – дело укрепления Русского государства.

«Житие Стефана Пермского» было написано Епифанием, по-видимому, вскоре после смерти Стефана в 1396 г.

Особенности «Жития Стефана Пермского»:

- 1) цель жития – прославить миссионерскую деятельность русского монаха, ставшего епископом в далёкой коми-пермяцкой земле, показать торжество христианства над язычеством.
- 2) изменена композиционная структура жития: оно открывается риторическим вступлением, далее следует биографическая часть и три плача (пермских людей, пермской церкви и «Плач и похвала инока списающа»).
- 3) нарушает традиционные рамки канона своим размером, обилием фактического материала.
- 4) включён этнографический материал о далёком Пермском крае.
- 5) отличается новой трактовкой отрицательного героя (шамана Пама).
- 6) отсутствуют описания как прижизненных, так и посмертных чудес.

В этом произведении наиболее полно и чётко отразились взгляды Епифания на задачи литературного творчества агиографа.

Во вступлении автор пространно говорит о мотивах, которые побуждают его взяться за перо. Сообщает об источниках, которыми он располагал, приступая к работе, и о встретившихся трудностях. Также в начале жития (что особенно характерно для памятников панегирического стиля) говорит о своих писательских возможностях с крайней степенью самоуничужения: «Я – младший среди братии моей, худший среди людей, последний среди христиан, невежественный и недостойный среди иноков». Этот искусный литературный приём направлен всё к той же цели – прославить, возвеличить святого. Если автор жития, блещущий в своём произведении учёностью, и риторическим искусством, не устаёт повторять о своём ничтожестве, то читатель и слушатель жития должен был чувствовать себя особенно ничтожным перед величием святого. В биографической части дан ряд конкретных сведений о жизни и деятельности Стефана. Центральное место в житии

занимает описание миссионерской деятельности героя. Предметом широкой гласности становится борьба святого с шаманом Памом. В этой борьбе он проявляет большую силу воли, выдержку, терпение и убежденность. Благодаря этим качествам и была им одержана моральная победа над своим противником. Вместе с тем, Пам – это личность незаурядная, имеющая большое влияние на пермяков. Победа над волхвом даётся Стефану нелегко, отмечает Епифаний, и этим ещё более подчёркивает значение личности победителя, его нравственного примера.

Автор вводит в житие и элементы критики духовенства, церковных иерархов, добывающихся своих должностей путём подкупа.

Главную заслугу Стефана Епифаний видит в его просветительской деятельности, в создании пермской азбуки и переводе на пермский язык книг Священного писания: «Многие годы греческие философы собирали и составляли греческое письмо и сложили его трудами многих в течение длительного времени. Пермское же письмо сложил один чернец, один составил, один сочинил, один калугер, один монах, один инок, Стефан, вечно чтимый епископ, один сразу, а не в течение многих лет, как греки, но один инок, один-единственный, уединясь, у одного только бога прося помощи, единого бога на помощь призывая, одному богу молясь». Перед читателем типичный образец риторической речи, построенный на единоначалии, на широком привлечении синонимов и синонимических выражений. В похвале святому порой встречаются до 20 – 25 синонимических эпитетов, с помощью которых автор стремится выразить свои чувства уважения и восхищения героем.

Итак, в «Житии Стефана Пермского» Епифаний достигает настоящей виртуозности в восхвалении святого. Выбор поэтических средств, композиционное строение текста у автора – строго продуманная, тщательно отработанная литературная система. Традиционные поэтические приёмы средневековой агиографии у него усложнены, обогащены новыми оттенками. Многочисленные амплификации, нанизывание одних сравнений на другие, перечисление в длинных рядах варьирующихся традиционных метафор, ритмика речи, звуковые повторы придают тексту особую торжественность, эмоциональность и экспрессивность.

Свои «словеса» Епифаний заимствовал из различных книжных источников, широко используя тексты писания, цитируя по памяти сочинения богословов, Патерик, Палею и Хронограф, сочинения Черноризца Храбра.

В создании торжественного риторического стиля автор опирался на традиции литературы Киевской Руси, и в частности – на «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

4. «Повесть о Петре и Февронии» – образец житийной литературы XVI в.

Дошедшая до нас житийная *«Повесть о Петре и Февронии»** представляет собой сочинение писателя и публициста XVI в. Ермолая Еразма.

Данное произведение основано, очевидно, на житийном рассказе XV в., а также на основе муромских устных преданий. Несмотря на то, что герои повести исторические лица: Пётр и Феврония действительно княжили в Муроме в начале XIII в. (ум. в 1228 г.), вокруг них был создан ряд народных легенд. После их канонизации в 1547 г. это произведение получило распространение как житие. Однако митрополит Макарий не включил его в состав «Великих Четьи-Миней»,

поскольку и по содержанию, и по форме оно резко расходилось с житийным каноном.

Особенности «Повести о Петре и Февронии»:

- 1) в основе повести лежат два сказочных сюжета: волшебной сказки о змее-оборотне и сказки о мудрой деве.
- 2) необычна для жития и тема произведения – тема любви и супружеской верности.
- 3) с устно-поэтической традицией связан образ главной героини Февронии.
- 4) повесть не связана с каким-либо историческим событием, а отражает возросший интерес общества к личной жизни человека.
- 5) жанр «Повести о Петре и Февронии» не находит себе соответствий ни с исторической повестью, ни с агиобиографией. Произведение характеризуется наличием поэтического вымысла, восходящего к традициям народной сказки, умением автора художественно обобщать различные явления жизни. Это позволяет рассматривать данный литературный памятник *как начальную стадию развития жанра светской бытовой повести.*

Сюжет повести перекликается со многими произведениями русского и мирового фольклора; отразился он и в письменных источниках средневековья. Из русских сказок повесть больше всего напоминает сказки «Семилетка» и «Стрижена девка», где также рассказывается о женитьбе знатного человека на крестьянской девушке, доказывающей свою мудрость решением трудных задач; здесь также есть мотив изгнания героини, забирающей с собой то, что ей всего дороже, – своего мужа. Но в русских сказках (сохранившихся только в записях нового времени) нет мотива болезни и излечения знатного мужа. Очевидно, однако, что этот мотив присутствовал в другом фольклорном сюжете, использованном Ермолаем Еразмом. В одной из новелл «Декамерона» Боккаччо (день III, новелла 9) героиня (Джилетта из Нарбонны) в награду за излечение французского короля получает в мужья одного из придворных. Неравный брак приносит ей горе и изгнание, но мудрость героини, как и в русском сказании, помогает ей добиться победы. Тот же сюжет был использован и Шекспиром в комедии «Всё хорошо, что хорошо кончается». Очевидно, сочетание мотивов неравного брака и излечения героя героиней было известно и русскому фольклору XV – XVI вв. Конец повести о Петре и Февронии также связан с фольклорными мотивами и напоминает кельтское сказание о Тристане и Изольде – там любовь героев тоже оказывается сильнее смерти (из могилы Тристана вырастает куст терновника, соединяющий её с могилой Изольды).

С устно-поэтической народной традицией связан и образ главной героини – Февронии. Её характер дан в повести весьма многогранно. Дочь рязанского крестьянина исполнена чувства собственного достоинства, женской гордости, необычайной силы ума и воли. Она обладает чутким, нежным сердцем, способна с неизменным постоянством и верностью любить и бороться за свою любовь.

Характерная особенность «Повести» – отражение в ней некоторых деталей крестьянского и княжеского быта: описание крестьянской избы, поведении Февронии за обедом. Это внимание к быту, частной жизни человека было новым в литературе.

Агиографические элементы в повести не играют существенной роли. В ней отсутствуют характерные для жития описания благочестивого происхождения героев, их детства, подвигов благочестия. ореолом святости окружается не аскетическая монашеская жизнь, а идеальная супружеская жизнь в миру и мудрое единоподданное управление своим княжеством.

В этом отношении «Повесть о Петре и Февронии» перекликается со «Словом о житии Дмитрия Ивановича» и предвосхищает появление «Повести о Юлиании Лазаревской» (первая треть XVII в.).

5. «Житие протопопа Аввакума» – памятник старообрядческой литературы XVII в.

В 1653 г. была проведена реформа патриарха Никона. Необходимость проведения реформы была связана с утратой церковью былого авторитета в общественной и личной жизни, падением нравственности среди служителей культа. Однако реформа была сведена к внешней обрядовой стороне, хотя и ставило своей целью укрепление церковной феодальной организации: в соответствии с обрядами греческой церкви предписывалось заменить земные поклоны поясными, а двоеперстное крестное знамение троеперстным. Но, по существу, реформа знаменовала новый этап подчинения церкви светской власти, поэтому её активно поддерживало правительство Алексея Михайловича.

Реформа вызвала появление мощного антифеодального, антиправительственного движения – раскола, или старообрядчества. В самом начале это движение носило демократический характер, т.к. в нём принимали участие и крестьянство, и посадское население. Неприятием Никоновой реформы простой народ выражал протест против феодальной эксплуатации, освящённой церковью. Однако примкнула к расколу и часть родовитого боярства (боярыня Ф.П. Морозова, её сестра Е.П. Урусова, князя Хованский, Мышецкий, Потёмкин, Соковнин), видевшая в реформе средство усиления царской власти. Естественно, что активное участие в движении приняло и духовенство, страдавшее от постоянных притеснений светских и духовных властей.

Таким образом, раскол объединил на первых порах представителей различных классов и социальных групп, но под общим лозунгом борьбы за «старую веру» скрывались различные классовые интересы.

Выражая социальный протест в религиозной форме, раскольники видели свой идеал в уходящей в безвозвратное прошлое жизни. Они выступали активными борцами против всего нового и постепенно превращались в оплот реакции (конец XVII – начало XVIII вв.), старавшейся повернуть колесо истории вспять и воспрепятствовать европеизации жизни России.

Противоречивая сущность раскола сказалась на деятельности идеолога старообрядчества протопопа Аввакума – талантливейшего писателя II-ой половины XVII в.

Перу «огненного» протопопа принадлежит около 80 сочинений (среди них «Книга бесед», «Книга толкований», а также послания, челобитные). Однако наиболее значимым является его «Житие»*, которое было написано Аввакумом в 1672-1673 гг. во время заточения в Пустозерске.

Данный литературный памятник глубоко новаторское произведение.

Особенности «Жития протопопа Аввакума»:

- 1) первое в истории русской литературы автобиография-исповедь, в которой рассказ о злоключениях собственной жизни сочетается с гневным сатирическим обличением правящих верхов, с публицистической проповедью «истинной веры»;
- 2) впервые в русской литературе Аввакум объединяет автора и героя агиографического повествования в одном лице;
- 3) тесное переплетение личного и общественного превращает житие из автобиографического повествования в широкую картину социальной и общественно-политической жизни своего времени;
- 4) особенно ярко выразились в житии тенденции к реализму;
- 5) отказ от традиционных схем при описании жизни Аввакума, который выражается в новом подходе к изображению человека. Ни один из писателей русского средневековья не писал столько о своих переживаниях, как протопоп;
- 6) наблюдается обилие бытовых зарисовок;
- 7) бытовым деталям придавалось символическое значение;
- 8) житие вбирает в себя этнографические описания далёкого сибирского края, его рек, флоры и фауны;
- 9) колоритен язык произведения с включением в него просторечий и диалектизмов.

Новаторство жития Аввакума особенно ярко обнаруживается в его стиле. Протопоп использует форму сказа – неторопливого рассказа от первого лица. Однако в стиле жития сказовая форма сочетается с проповедью, и это обусловило тесное переплетение церковно-книжных элементов языка с разговорно-просторечными и даже диалектными.

Для стиля Аввакума характерно отсутствие спокойного эпического повествования. Его житие состоит из ряда искусно нарисованных правдивых драматических сцен, построенных на острых конфликтах: социального, религиозного или этического порядка. Эти драматические сцены соединены между собой лирическими и публицистическими отступлениями. Аввакум либо скорбит, либо негодует, либо иронизирует над противниками и самим собой, либо горячо сочувствует единомышленникам и печалится об их судьбе.

Житие – это мастерский рассказ, не связанный ни с какими условностями. Автор часто любит забежать вперёд, возвращаться к ранее рассказанным эпизодам; он не следит за точной хронологической последовательностью повествования. Аввакум использует народные пословицы, поговорки, каламбуры, в которых подчас скрыта тонкая ирония (например, «Любил протопоп со славными знатца, любил и терпеть, горемыка, до конца», «Бес-от веть не мужик: батога не боится»).

Исследователи стиля Аввакума в местах наиболее драматических отмечают наличие ритма и рифмы, звуковых повторов, ассонансов и аллитераций (например, «Среди улицы били батожьём и топтали и бабы били с рычагами», «У церкви за волосы дерут, и под бока толкают ... и в глаза плюют»).

Символическое толкование бытовых реалий крайне важно в системе идеологических и художественных принципов «Жития». Аввакум яростно боролся с реформой Никона не только потому, что Никон посягнул на освящённый веками

православный обряд. В реформе протопоп видел и посягательство на весь русской уклад, на весь национальный быт. Для него православие накрепко связано с этим укладом. Коль скоро рушится православие, значит, гибнет и Древняя Русь. Поэтому он так любовно, так ярко описывает русский быт, в особенности семейный.

Вместе с тем перед нами памятник агиографической литературы, хотя с её традиционными формами его связывает немного: наличие вступления, ссылки на авторитет «отцов церкви», присутствие религиозной фантастики, хотя характер её резко изменился по сравнению с традиционными житиями, использование ряда образно-изобразительных средств агиографической литературы (например, олицетворением судьбы выступает корабль, а жизнь человеческая уподобляется плаванию).

Религиозная традиционная фантастика под пером Аввакума приобретает реальные бытовые очертания (бог помогает герою наловить много рыбы там, где её никто не лавливал; пищаль, из которой начальник пытается убить протопопа, трижды не стреляет и т. п.). Таким образом, все «чудеса», описываемые Аввакумом, не выходят за пределы реального бытового плана.

Действительно, протопоп Аввакум решительно реформирует агиографическую схему. Он пишет *собственное* житие, описывает *собственную* жизнь, прославляет *собственную* личность, что казалось верхом греховного самовосхваления в предшествующие века. Аввакум вовсе не считает себя обыкновенным человеком. Он, и в самом деле, причисляет себя к святым и передаёт не только факты, но и «чудеса», которые считал себя способным творить. Как могла прийти подобная мысль – описывать собственную святость – русскому человеку XVII в., воспитанному в традициях крайнего религиозного смирения? Эгоцентризм жития Аввакума совершенно поразителен. Нельзя не видеть его связи с тем новым для русской литературы «психологизмом» XVII в., который позволил автору не только подробно и ярко описывать собственные душевные переживания, но и найти живые краски для изображения окружающих его людей: жены, воеводы Пашкова, его сына, единомышленников по сибирской ссылке, казаков и др.

Всё творчество Аввакума противоречиво колеблется между стариной и «новизнами», между догматическими и семейными вопросами, между молитвой и бранью... Он всецело находится ещё в сфере символического церковного мировоззрения, но отвлечённая церковно-библейская символика становится у него конкретной, почти видимой и осязаемой. Его внимание привлекают такие аспекты национальной жизни, которые оставались в тени до него, но которые станут волновать личность в XIX и XX вв.

Таким образом, «Житие протопопа Аввакума» отразила рост самосознания человеческой личности и утвердила её неповторимую индивидуальную ценность.

Повести Куликовского цикла

План:

5. Историческая основа летописных повестей о Куликовской битве.
6. Литературная преемственность: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» (сравнительно-типологический анализ).
7. Отражение Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище».

Литература:

1. Горский А.А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. – М., 1992.
2. Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л., 1982. – стр. 306-359.
3. Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – стр. 239-257.
4. Робинсон А.Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. – М., 1980. – стр. 10-38.
5. Салмина М.А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. – М. – Л., 1966. – стр. 344-384.
6. Творогов О.В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. – М. – Л., 1966. – стр. 292-343.

Интернет-ресурсы:

7. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 6: XIV – середина XV века. – 583 с.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4880>
 - **Задонщина** (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева)
 - **Летописная повесть о Куликовской битве** (Подготовка текста, перевод и комментарии М.А. Салминой)
 - **Сказание о Мамаевом побоище** (Подготовка текста В.П. Бударagina и Л.А. Дмитриева, перевод В.В. Колесова, комментарии Л.А. Дмитриева)
 - **Повесть о нашествии Тохтамыша** (Подготовка текста, перевод и комментарии М.А. Салминой)
 - **Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича** (Подготовка текста, перевод и комментарии М.А. Салминой)

Победа, одержанная русскими над монголо-татарами на Куликовом поле, произвела огромное впечатление не только на современников этого эпохального события в истории Руси, но долго интересовала и волновала русских людей и после 1380 г. Этим объясняется то, что Мамаеву побоищу посвящён целый ряд литературных памятников, созданных в разное время, которые переписывались и перерабатывались древнерусскими книжниками на протяжении нескольких столетий.

Произведения Куликовского цикла различны по своему характеру и стилю. Поэтическая «Задонщина», документально-историческая первоначальная

летописная повесть, остро публицистическая Пространная редакция летописной повести и, наконец, наполненное воинской героикой, отзвуками фольклора, подробно освещающее все события «Сказание о Мамаевом побоище».

1. Историческая основа летописных повестей о Куликовской битве.

*Летописная повесть «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем»** дошла до нас в двух видах: кратком и пространным. Краткая летописная повесть входит в состав летописей, ведущих своё происхождение от летописного свода Киприана (Троицкой летописи). Пространная летописная повесть в своём наиболее раннем виде представлена Новгородской IV и Софийской I летописями.

В краткой летописной повести, написанной, видимо, в близкое время к событию (во всяком случае, не позже 1408-1409 гг. – времени составления свода Киприана), передаются основные исторические сведения о Куликовской битве. Разгневанный на московского князя за поражение на реке Воже, Мамай во главе многочисленного войска идёт на Русь. Навстречу силам Мамаю выступает великий князь московский Дмитрий Иванович. За Доном происходит кровопролитное сражение, продолжавшееся целый день. Русские одержали победу. Мамай с небольшим числом воинов спасается бегством. Перечисляются имена убитых русских князей и воевод. Дмитрий Иванович, «став на костях», воздаёт хвалу русским воинам. Русские с богатой добычей возвращаются домой. Мамай, собрав остатки своего войска, снова собирается пойти войной на великого князя московского. Но против самого Мамаю выступает хан Тохтамыш. Мамай терпит поражение и гибнет, а Тохтамыш воцаряется в Орде.

Перед нами краткий перечень событий в их хронологической последовательности. Большая часть произведения посвящена тому, что произошло после Куликовского сражения. О самой битве рассказано кратко, общими формулами воинских повествований: «Бысть сеча велика и брань крепка и труск велик зело ... прольяха кровь аки дождевна туча обоих ... паде труп на трупе, и паде тело татарское на телеси христианское». Некоторая детализация правда есть и в этом кратком рассказе. Так, например, сообщается, что русские гнали врагов «до реки до Мечии тамо множество их избиша, а друзии погрязоша в воде и потопаша». Отношение автора к описываемому и его оценки выражаются в кратких эпитетах-характеристиках русских и татар, в предложениях о божьей помощи русским. Мамай – «безбожный, злочестивый, поганый», Дмитрий идёт против врага «за святых церкви, и за правоверную веру христианскую, и за всю Русьскую землю», «И поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичу» и т. п.

Пространная летописная повесть в несколько раз больше краткой, текст которой вошёл в неё полностью с некоторыми текстуальными изменениями в начальной части и в дословном повторении второй, основной части повествования. В пространный летописный текст появляется ряд новых данных исторического характера. Здесь говорится о сборе русских войск на Коломне, о приходе на помощь к московскому князю князей Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского, сообщается о присылке великому князю на поле брани послания от игумена Сергия, рассказывается о переправе русских сил через Дон, более подробно описывается битва, говорится о том, что великий князь бился впереди всех и что «весь доспех его бит и язвен, но на телеси его не бяше язвы некоея

же». Сообщается ещё целый ряд подробностей, упоминаются имена, не названные в краткой летописной повести. Однако увеличение текста повести в её пространном виде происходит не столько из-за включения в неё дополнительных исторических сведений и более подробного их изложения, сколько по литературным причинам.

Автор пространной летописной повести включает в своё произведение обширные риторические рассуждения по поводу описываемых событий, пользуясь для этого церковно-религиозными текстами. В пространной летописной повести значительно усиливается роль Дмитрия Ивановича московского как защитника русского православия, резче и многословнее проводится противопоставление русского воинства как войска христианского войскам «нечестивых татар», усиливаются и расширяются отрицательные характеристики последних. Автор включает в текст произведения несколько молитв Дмитрия, детализирует и расширяет описание божественной помощи русским войскам. В кратком виде повести лишь сообщалось о том, что на стороне Мамаю выступал Олег Рязанский. В пространной летописной повести эта тема получает широкое развитие. Автор несколько раз возвращается к Олегу, сообщает подробности о его союзе с Мамаем, неоднократно раздражается пространными инвективами в адрес рязанского князя. Он обличает Олега в измене, грозит ожидающими его карами, сравнивает рязанского князя с Иудой и Святополком Окаянным.

До недавнего времени исследователи считали краткую летописную повесть сокращением пространной. Специально занимавшаяся этим вопросом исследовательница М.А. Салмина убедительно доказала, что краткая повесть первична по отношению к пространной. По её мнению, пространная летописная повесть была составлена для свода 1448 г., к которому восходят Новгородская IV и Софийская I летописи.

Летописная повесть в качестве литературных образцов использовала «Житие Александра Невского», паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое «Слово на рождество Христово и о пришествии волхвов». В приёмах изображения прихода Мамаю на Русь, сбора полков Дмитрием, его благочестивых размышлений описания боя и помощи небесных сил во главе с архистратигом Михаилом летописная повесть близка «Житию Александра Невского». Из паремийного чтения о Борисе и Глебе автор заимствовал приёмы идеализации Дмитрия и изображения его врагов: и Мамай, и Олег Рязанский называются «новым Святополком», а из «Слова на рождество Христово» – изображение скорби русских жён, гнева и плача Мамаю.

Широкое привлечение литературных источников не мешает автору передать ряд исторических деталей, связанных с движением войск, ходом битвы. Данные о распределении полков взяты из Разрядной книги, а имена павших в бою воевод – из Синодика.

2. Литературная преемственность: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» (сравнительно-типологический анализ).

В конце XIV – начале XV вв. была написана поэтическая повесть о Куликовской битве – «Задонщина»*, сохранившаяся в шести списках и двух редакциях.

В «Задонщине» выражено поэтическое отношение автора к событиям Куликовской битвы. Она посвящена прославлению победы русских войск над монголо-татарскими полчищами. Фактический материал её автор черпал из Летописной повести, а литературным образцом служило «Слово о полку Игореве».

Использование поэтического плана и художественных приёмов «Слова» в «Задонщине» обусловлено всем идейно-художественным замыслом этого произведения, где сознательно сопоставлялись события прошлого с событиями современными: если «Слово» призывало русских князей к единению для борьбы со «степью», то «Задонщина» прославляла единение русских князей, благодаря которому и была одержана победа над чужеземцами. Автор не только сопоставлял события прошлого и настоящего, но и противопоставлял их. Как отмечает Д.С. Лихачёв, «в сближении событий прошлого и настоящего – пафос исторического замысла «Задонщины»». Борьба с половцами и с монголо-татарами осмыслялась как борьба с «диким полем» за национальную независимость.

Действительно, сопоставление прошлого с настоящим, событий, описанных в «Слове», с событиями 1380 г., идёт с самого начала и на протяжении всего текста. Уже во введении это сопоставление выражено ярко и имеет глубокий смысл. Начало бед Русской земли автор ведёт со злополучного сражения на Каяле и битвы на Калке: враги Руси «на реке на Каяле одолеша род Афетов (т. е. русских). И оттоля Русская земля седит невесела, а от Калатъския рати (Калкской битвы) до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася» После победы над Мамаем наступил перелом в судьбе Русской земли: «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю и возверзнем (отбросил, закинем) печаль на восточную страну».

Рассказ автора «Задонщины» (как и в «Слове») переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом.

Практически весь текст «Задонщины» соотнесён со «Словом о полку Игореве»: тут и повторение целых отрывков из «Слова», и одинаковые характеристики, и сходные поэтические приёмы. Так, например, воинская доблесть и мужество князей характеризуется в «Задонщине» теми же приёмами, что и «Слове»: «Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, испытав ум свой крепостью, поострили сердца свои мужеством и наполнились ратного духа».

Первая часть «Задонщины» – «жалость» описывает сбор русских войск, их выступление в поход, первую битву и поражение. Сбор русских войск в этом памятнике изображается стилистическими средствами «Слова»: «На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу. Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде».

Воины Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, подобно кметям Всеволода, «под трубами и под шлемами взлелеянные, концом копья вскормленные в Литовской земле».

Описывая выступление Дмитрия Донского в поход, автор «Задонщины» говорит, что «солнце ему ясно на востоце (востоке) сияет и путь поведает». В «Слове о полку Игореве» выступление войск Игоря в поход сопровождается солнечным затмением. Рассказывая о движении сил Мамаю к Куликову полю, автор

«Задонщины» приводит картину зловещих явлений природы: «А уж беды их (татар) подстерегают: птицы крылатые под облаками летают, вороны часто грают, а галки своею речью говорят, орлы клегчут, а волки грозно воют, а лисицы на кости лают» или «Уже ведь поднялись сильные ветры с моря на устья Дона и Днепра, пригнали большие тучи на Русскую землю: из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии». В «Слове» эти же зловещие предзнаменования сопровождают движение русского войска.

Таким образом, природа, как и в «Слове», на стороне русских и в отличие от него предвещает поражение «поганых»: «Тогда сильные тучи сходились вместе, а из них часто сияли молнии, громы гремели великие. Это сходились русские сыновья с погаными татарами за свою обиду ...». Первый кровопролитный бой заканчивается поражением русских: «В то время по Рязанской земле около Дона ни ратаи, ни пастухи не кличут, но только часто вороны каркают, кукушки кукуют на трупы человеческие. Страшно ведь и жалостно было тогда видеть: трава кровью была полита, а деревья с печалью к земле приклонились».

Павших воинов оплакивают жёны: княгини и боярыни. Их плачи построены, подобно плачу Ярославны, на обращении к ветру, Дону, Москве-реке.

Символические образы народной поэзии: «гуси», «лебеди», «соколы», «кречеть», «волки», «орлы», как и в «Слове», – постоянно присутствуют в «Задонщине».

Однако обращение автора «Задонщины» к «Слову» носит творческий характер. Беря за образец для своего произведения «Слово», он, как пишет Д.С. Лихачёв, имел в виду не простое подражание стилю своего образца, «а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображённых в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. И те, и другие символически противопоставлены в «Задонщине». Эти сопоставления давали понять, что несогласие в действиях князей (как было в «Слове») ведёт к поражению, объединение же всех для борьбы с врагом – залог победы. Вместе с тем это сопоставление показывало, что наступило иное время и уже не русские, а «поганые татаровя, басормановя» терпят поражение».

Но при очевидной близости памятников необходимо отметить и некоторые черты поэтики «Задонщины», характерные для неё и отличающие её от «Слова о полку Игореве».

Поэтический план «Задонщины» состоит из двух частей: «жалости» и «похвалы». Им предшествует небольшое вступление. Оно ставит целью не только настроить слушателей на высокий торжественный лад, но и определить тематическое содержание произведения: дать «похвалу» Дмитрию Ивановичу, его брату Владимиру Андреевичу и «возвести печаль на восточную страну». Автор подчёркивает, что цель его повести «возвеселить» Русскую землю, похвалить «песнями и гуслеными буйными словесы» правнуков великих князей киевских Игоря Рюриковича, Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. «Задонщина» устанавливает генеалогическую связь московских князей с киевскими, подчёркивая, что новый политический центр Руси – Москва, является наследницей Киева и его культуры.

Стиль повествования «Задонщины» радостный, мажорный. Автор её проникнут сознанием конца периода «туги» и «печали». По сравнению со «Словом»

«Задонщина» более абстрагирует и психологизирует действие. Так, новгородцы сетуют на то, что они не успевают на помощь Дмитрию. Андрей Полоцкий ведёт беседу с Дмитрием Брянским, Дмитрий Иванович – с Владимиром Андреевичем, храбрый Пересвет разговаривает с Ослябей, Дмитрий произносит торжественную речь после одержанной победы.

Значительно усилен в «Задонщине» по сравнению со «Словом» христианский элемент и вовсе отсутствуют языческие мифологические образы. В уста героев вкладываются благочестивые размышления, молитвенные обращения, вводится религиозная фантастика (Борис и Глеб молитву творят «за сродники своя»), русские войска сражаются за «святыя церкви, за православную веру». Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич ведут борьбу «за землю Русскую и за веру хрестьянскую». Всё это свидетельствовало о возросшей роли церкви в Московском государстве.

Сложные метафорические образы «Слова», символика, связанная с языческой мифологией, чужды автору «Задонщины».

В отличие от «Слова», он шире использует некоторые приёмы устной народной поэзии. Так, чрезвычайно распространены в «Задонщине» отрицательные сравнения. Вот одно из них: «Тогда гуси заготовали на речке на Мече, лебеди крыльями заплескали. Это ни гуси заготовали, ни лебеди крыльями заплескали, но поганый Мамай на Русскую землю пришёл и воинов своих привёл».

В стиле «Задонщины» значительны следы деловой прозы XV в., сказывающиеся в хронологических уточнениях, титулованиях князей, генеалогических формулах, перечне убитых, однообразии приёмов введения прямой речи. Таким образом, поэтические части текста перебиваются прозаическими, напоминающими по своему характеру деловые документы. Весьма вероятно, что эта пестрота стиля произведения объясняется состоянием дошедших до нас списков памятника: части текста, близкие по стилю к документально-деловой прозе, могут относиться за счёт поздних наслоений, а не отражать авторский текст произведения.

В то же время поэтической структуре «Задонщины» присуща строфичность, которая, как и в «Слове», подчёркивается одинаковыми зачинами: «И рече им князь...», «И молвяще Ондрей...», «И рече им Дмитрий...», «Уже бо яко орлы слетешеся...», «Уже бо возвеша силнии ветры...», «Уже бо вьскрипели телегы...».

Таким образом, «Задонщина» – интереснейший литературный памятник, созданный как непосредственный отклик на важнейшее событие в истории страны. Замечательно это произведение и тем, что оно отражало передовую политическую идею своего времени: во главе всех русских земель должна стоять Москва и единение русских князей под властью московского великого князя служит залогом освобождения Русской земли от монголо-татарского ига. Ради этой идеи автор «Задонщины» преднамеренно не упоминал в произведении о предательстве рязанского князя Олега.

3. Отражение Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище».

В середине XV в. на основе Летописной повести о Куликовской битве, «Задонщины» и устных преданий было создано «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича» («Сказание о Мамаевом побоище»*) – наиболее обширный памятник Куликовского цикла. В нём дошёл до нас самый подробный рассказ о событиях Куликовской битвы.

В «Сказании» даётся описание приготовления к походу полков, распределения сил и постановка перед отрядами их воинской задачи. В нём подробно описывается движение русского войска из Москвы через Коломну на Куликово поле. Здесь даётся перечисление князей и воевод, принявших участие в сражении, рассказывается о переправе русских сил через Дон. Только из «Сказания» знаем, что исход сражения решил полк под руководством князя Владимира Серпуховского; перед началом битвы он был поставлен в засаду и неожиданным нападением с флангов и тыла на ворвавшегося в русское расположение врага нанёс ему сокрушительное поражение. Из «Сказания» узнаём, что великий князь был контужен и найден в бессознательном состоянии после окончания сражения. Эти подробности и ряд других, в том числе и легендарно-эпических (рассказ о поединке перед началом боя инока-богатыря Пересвета с татарским исполином; обмен Дмитрием одеждой и конём с боярином Михаилом Бренком, героическая гибель Бренка; рассказ о подвиге одного из рядовых участников боя – Юрки-сапожника), донесло до нас только «Сказание о Мамаевом побоище».

Однако «Сказание» – это не только рассказ о Куликовской битве, но и произведение, посвящённое восхвалению великого князя московского. Автор изображает Дмитрия мудрым и мужественным полководцем, подчёркивает его воинскую доблесть и отвагу. Все остальные персонажи произведения группируются вокруг Дмитрия Донского. Он – старший среди русских князей, все они – его верные помощники, вассалы, его младшие братья.

В «Сказании» поход великого князя благословляет митрополит Киприан. На самом же деле Киприана в 1380 г. в Москве не было. Это не ошибка автора, а литературно-публицистический приём. Именно из этих соображений автор «Сказания», поставивший своей задачей нарисовать идеальный образ великого князя московского, правителя и главы всех русских сил, должен был проиллюстрировать прочный союз московского князя с митрополитом всея Руси. Таким образом, в произведении значительно усилен религиозный элемент. Он ещё раскрывается и в многочисленных монологах-молитвах, которыми подчёркивается благочестие Дмитрия.

Во время Куликовской битвы в союз с Мамаем вступили рязанский князь Олег и литовский князь Ягайло, сын умершего в 1377 г. литовского князя Ольгерда. В «Сказании» же, князь Ягайло заменён отцом – князем Ольгердом. Как и в случае Киприаном, перед читателями не ошибка, а сознательный литературно-публицистический приём. Для русского человека конца XIV – начала XV в., а особенно для москвичей имя Ольгерда было связано с воспоминаниями о его походах на Московское княжество. Это был коварный и опасный враг Руси, о воинской хитрости которого сообщалось в летописной статье-некрологе о его смерти. Поэтому назвать Ольгерда союзником Мамаем вместо Ягайло могли только в то время, когда это имя было ещё хорошо памятно как имя опасного врага Москвы. В более позднее время такая перемена имён не имела смысла.

Называя союзником Мамаем Ольгерда, автор «Сказания» тем самым усиливал и публицистическое, и художественное звучание своего произведения: против Москвы выступали самые коварные и опасные враги, но и они потерпели поражение. Замена имени литовского князя имела и ещё один оттенок: в союзе с Дмитрием выступали князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, дети Ольгерда.

Благодаря тому, что в «Сказании» фигурировал Ольгерд получалось, что против него выступали даже собственные дети, что также усиливало и публицистическую, и сюжетную остроту произведения.

«Сказание» построено на контрасте стойкости, мужества, христианского благочестия русских воинов и хвастовства, гордости, нечестивости Мамай и его союзников. Таким образом, автор памятника не жалеет чёрной краски для изображения врагов Русской земли. Если Дмитрий – это светлое начало, глава благого дела, деяниями которого руководит бог, то Мамай – олицетворение тьмы и зла – за ним стоит дьявол. Принцип абстрактного психологизма в данном случае проявляется очень ярко.

Посрамлённый и поруганный на поле Куликовом Мамай бежит в Кафу. «Гневашеся и яряся зело», он собирается вновь идти на Русскую землю, но его войска разбиты царём Тохтамышем. Гибель Мамай в Кафе, где он был убит «неким купцом», характеризуется в «Сказании» как справедливое возмездие нечестивому царю.

Героический характер события, изображённого в произведении, обусловил обращение автора к устным преданиям о Мамаевом побоище. К устным преданиям, скорее всего, восходит, как уже было отмечено, эпизод единоборства перед началом общего сражения инока Троице-Сергиева монастыря Пересвета с татарским богатырём. Эпическая основа ощущается в рассказе об испытании примет Дмитрием Волынцем: опытный воевода с великим князем в ночь накануне боя выезжают в поле между русскими и татарскими войсками, и Волынец слышит, как земля слышит «надвое» – о татарских и русских воинах: будет много убитых, но всё же русские одолеют. Устное предание, вероятно, лежит и в основе сообщения «Сказания» о том, что Дмитрий перед сражением надел княжеские доспехи на любимого воеводу Михаила Бренка, а сам в одежде простого воина с железной палицей первым ринулся в бой.

Влияние устной народной поэзии на «Сказание» обнаруживается в использовании автором отдельных изобразительных средств, восходящих к приёмам устного народного творчества. Русские воины сравниваются с соколами и кречетами, русские бьют врагов «аки трава от косы постилается». Как отражение фольклорного влияния может расцениваться плач великой княгини Евдокии после прощания с князем, уходящим из Москвы на борьбу с татарами. Хотя автор даёт этот плач в форме молитвы, всё же в нём можно отметить и отражение элементов народного плача-причитания.

Описания русского воинства представляют собой яркие и образные картины. Возможно автор «Сказания» испытал здесь влияние поэтики Галицко-Волынской летописи: «Доспехы же русских сынов, аки вода в вся ветры колыбашеся. Шоломы злаченья на главах их, аки заря утренняя, яловци (флажки) же шеломов их, аки пламя огненное пашется». В описаниях картин природы может быть отмечена определённая лиричность и стремление связать эти описания с настроением событий. Глубоко эмоциональны и не лишены жизненной правдивости отдельные авторские замечания. Рассказывая, например, о прощании с жёнами уходящих из Москвы на битву воинов, автор пишет, что жёны «в слезах въсклицании сердечнем не могуще ни слова изрещи», и добавляет, что «князь же великий сам мало ся удръжа от слёз».

Широко пользовался автор «Сказания» поэтическими образами и средствами «Задонщины». Взаимодействие этих памятников носило обоюдный характер: в поздних списках «Задонщины» встречаются вставки из «Сказания о Мамаевом побоище».

Данный литературный памятник пользовался огромной популярностью. Об этом свидетельствует тот факт, что он многократно переписывался и перерабатывался, вплоть до начала XVIII в., и дошло до нас в 4 редакциях и большом количестве вариантов (более 100).

Это произведение представляло для читателей интерес уже тем, что оно подробно описывало все обстоятельства Куликовской битвы. Однако не только в этом привлекательность «Сказания». Несмотря на значительный налёт риторичности, оно носит ярко выраженный сюжетный характер. Не только само событие, но и судьба отдельных лиц, развитие перипетий сюжета заставляло читателей волноваться и сопереживать описываемому. И в целом ряде редакций памятника сюжетные эпизоды усложняются, увеличиваются в количестве. Всё это делало «Сказание о Мамаевом побоище» не только историко-публицистическим памятником, но и сюжетно-увлекательным произведением.

Таким образом, характерная особенность «Сказания» – наличие художественного вымысла, «речей» персонажей, элементов «психологизма». Это свидетельствует о стремлении автора внести в повествование элемент занимательности, беллетризировать его. В стиле произведения широко представлена книжная риторика, сочетающаяся с поэтическим стилем воинской повести и элементами деловой письменности. Проникнутое патриотическим пафосом, «Сказание» подчёркивало политическое значение Москвы и московского великого князя, объединившего всех русских князей и благодаря этому одержавшего победу.

«Сказание о Мамаевом побоище» не раз подвергалось литературной обработке: драматург начала XIX в. В.А. Озеров на его основе создал патриотическую трагедию «Дмитрий Донской»; писатель XX в. С. Бородин использовал материал повести в романе «Дмитрий Донской». В. Саянов создал поэму «Слово о Мамаевом побоище». В цикле стихов А. Блока «На поле Куликовом» также находим отзвуки этого же произведения.

Новые явления и тенденции в древнерусской литературе II-ой половины XVII века

План:

1. Новые явления в русской литературе II-ой половины XVII века.
2. Бытовые повести XVII века.
 - а) Тема воспитания молодого поколения в бытовых повестях II-ой половины XVII в.
 - б) «Повесть о Фроле Скобееве» как плутовская новелла.
3. Сатира и сатирические повести XVII века.

Литература:

1. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. – М. – Л., 1966. – стр. 150-182.
2. Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. – М., 1977. – стр. 108-142; 198-204; 208-215.
3. Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984. – стр. 35-59.
4. Лихачёв Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – стр. 312-332.
5. Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи. – М., 1990. – стр. 164-260 («Повесть о Горе-Злочастии»).
6. Лихачёв Д.С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // История русского романа. – М. – Л., 1962. – т. I. – стр. 26-39.
7. Кожин В.В. Происхождение романа. – М., 1963. – стр. 189-200.
8. Фёдорова В.П. «Калязинская челобитная» и народные песни // Литература Древней Руси. – М., 1975. – стр. 90-96.
9. Короткая Л.Л. На путях к атеизму: Антицерковная традиция в древнерусской литературе. – Минск, 1971.

Интернет-ресурсы:

10. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 15: XVII век. – 530 с.: <http://www.odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4852>
 - **Повесть о Горе-Злочастии** (Подготовка текста и комментарии Е.И. Ванеевой)
 - **Повесть о Савве Грудцыне** (Подготовка текста и комментарии А.М. Панченко)
 - **Повесть о Фроле Скобееве** (Подготовка текста и комментарии В.П. Бударagina)
 - **Повесть о Карпе Сутулове** (Подготовка текста М.Д. Каган-Тарковской и Н.А. Кобяк, комментарии М. Д. Каган-Тарковской)

1. Новые явления в русской литературе II-ой половины XVII века.

Во II-ой половине XVII в. художественная литература, в итоге длительного многовекового процесса, выделяется, наконец, из общего состава книжности, освободившись от прямой связи с практическим назначением. Литературное развитие сосредоточивается теперь преимущественно в этой специфически

художественной литературе, и потому жанры, игравшие важную роль в общем ходе литературного процесса в предшествующем периоде, – жития, летописи, публицистика, – с этого времени могут рассматриваться уже как факты больше общекультурного, чем специально литературного значения. Конечно, и во II-ой половине XVII в. создаются ещё такие памятники книжности, в которых художественные элементы почти неотделимы от внелитературных, памятники, назначение которых лежит вне задач собственно художественной литературы, но которые, однако, внесли свою – и немалую – долю в развитие литературного стиля (например, старообрядческая литература). Но не этим группам письменных памятников принадлежит уже теперь ведущая роль в создании новых жанров художественной литературы.

Временно отходят в тень и исторические повествовательные жанры, когда-то представлявшие передовую линию литературы. Старые приёмы изображения исторических фактов потеряли свою былую выразительность и превратились в шаблон. Но уже с начала XVII в. внутри исторического повествования шёл глубокий процесс накопления тех новых художественных средств выражения национально-исторической темы, которые с М.В. Ломоносова снова поставят эту тему в художественной литературе на то первое место, какое она занимала уже в литературе времени «Слова о полку Игореве». С другой стороны, именно во II-ой половине XVII в. на основе летописной традиции слагаются такие формы изложения исторических фактов («История» Фёдора Грибоедова, Синописис), которые приведут к научно-историческому стилю В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина и других историков нового времени.

Художественная литература с 40-х гг. XVII в. уделяет большое внимание изображению с помощью сюжетов общественных неурядиц своего времени и основных противоречий предреформенной поры.

Деятельность земских соборов, на которых обсуждались городские восстания и многочисленные челобитные, с предельной откровенностью и реалистичностью изображавшие эти неурядицы, – объясняют расцвет сатирической литературы именно с 1640-х годов. Эта литература становится своеобразной формой протеста средних, по преимуществу, классов против социальной несправедливости в разных её проявлениях, против взяточничества администрации, пристрастного суда, пьянства, невежества и распущенности духовенства, против религиозного формализма и засилья иностранцев. Отталкиваясь от привычных видов книжной и устной художественной литературы и деловой письменности, эта сатира выработала новый жанр пародии.

Попытки порвать с традиционным мировоззрением и с укладом быта, подвергавшимся разносторонней критике, и найти самостоятельный путь в жизни характерны для целых групп русских людей II-ой половины XVII в. Эти порывы к новому начали ощущаться после бурных событий первых лет XVII в., но особенно заметными они становятся к середине века. И в русской литературе с этого времени проблема борьбы двух поколений, двух мировоззрений привлекает к себе большое внимание.

В повестях о Савве Грудцыне и о Фроле Скобееве борьба двух поколений изображается как столкновение традиции, косности со стремлением к свободе самоопределения, к развитию. Повести на ту же тему делают своим героем

восставшего против «отцов» сына, и, хотя этот герой пока ещё терпит поражение, хотя внешне старый уклад жизни с её нормами торжествует, но сочувствие автора оказывается на стороне молодого поколения, лишь в форме жалости к нему. Развёрнутая биография героя, психологические мотивировки его поведения, внимание к любовной тематике – все эти черты повестей II-ой половины XVII в. позволяют видеть именно в них первые опыты русского романа.

Переоценка старого уклада жизни – личной и общественной – в сатире и в повести третьей четверти XVII в. ещё не влечёт за собой утверждения каких-либо положительных идеалов. Прошлое явно не удовлетворяло, но поиски новых путей пока не приводили к определённом решению. В последней трети XVII в. светская повесть и отчасти драма, продолжая критическое направление литературы предшествующих десятилетий, намечают, в духе новых запросов, отдельные черты «положительного героя», в которых уже ощущаются признаки будущих деятелей петровских преобразований.

Основная мысль всей просветительской деятельности Симеона Полоцкого – нельзя жить без «науки» – входит в сознание «блудного сына», когда он, потерпев неудачу, возвращается в родной дом. Иноземные герои переведённых в 70 – 80-е годы повестей в юности едут «для науки» в чужие края, чтобы «без соромоты и укоризны» быть наследниками своих отцов. Предваряя наставления «Юности честного зеркала», эти герои признавали, что учиться следует не только воинской доблести, но и учтивости в обхождении, разумным и «премудрым» речам в обществе.

Свободу в устройстве личной жизни, без оглядки притом на знатность происхождения, отстаивает молодёжь и в жизни, и в литературе, проявляя смелость и инициативность в устройстве своей судьбы (Аннушка из «Повести о Фроле Скобееве»). Однако переходная эпоха оставила свой след на характере этих положительных качеств литературных героев: деловитость и смелость позволяют им иногда, на пути к цели, даже такие средства, как обман, подкуп, шантаж.

Этот «положительный герой» литературы конца XVII в. занят пока устройством своей личной жизни; в сферу общественной деятельности он перенесёт свою энергию уже в следующую эпоху.

Созданные, главным образом, в городской среде, сатирические и бытовые повести II-ой половины XVII в. связаны тесно с фольклором. Но, в отличие от предыдущего периода, когда основные – исторические жанры тяготели преимущественно к героическому эпосу, теперь бытовая тематика повестей украшается мотивами лирической песни, пословицы, прибаутки, сказочных небывлиц. В своеобразном ритме некоторых сатир, несомненно, ощущаются следы устно-поэтического ритма.

Переход к новой тематике определил в этот период и выбор переводных повестей. С 1670-х годов через белорусские и польские переводы доходят до русского читателя западноевропейские литературные памятники. Эти «утешные», «умильные», «любезные» и даже «смехотворные» истории, и жарты показывали читателям занимательные приключения и любовные переживания героев. Изображение действительности чередовалось в них со сказочностью; нравоучительные пояснения почти отсутствовали. Трогательные любовные сцены этих «историй» интересовали сентиментальностью нового вида, заменившей

религиозную чувствительность прежней литературы. Насмешливое отношение к знати и богачам, иллюстрированное забавными новеллами-фацециями, соответствовало сатирическому направлению русской литературы середины XVII в.

Включение в литературную деятельность демократических слоёв населения (мелкого купечества, служилых людей, младшего духовенства, грамотного крестьянства) и интерес читателей этого круга к занимательному чтению вызвали особое отношение к традиционному летописному и хронографическому повествовательному материалу. Старые сюжеты, заимствованные из исторических источников, перерабатываются в сказочно-новеллистическом стиле.

Прибегая к свободному вымыслу, совершенно самостоятельно авторы перерабатывают и целые исторические рассказы, и отдельные намёки, детали их. Не историческая достоверность, а тем менее поучительность сюжета привлекают к себе внимание. Новые авторы и читатели ищут, прежде всего, занимательности повествования, создавая новые композиции около исторических имён и событий более или менее отдалённого прошлого.

Поэтика таких псевдоисторических повестей широко пользуется элементами устного предания, сказками, пословицами, песнями. Ритмичность иногда украшает сказ, приближая его к народной речи. В XVIII в. историко-сентиментальный роман продолжит развитие этого жанра.

Не все читатели шли навстречу этой литературе, порывавшей с религиозно-нравоучительными тенденциями. Уже первые произведения этой «обмирщённой» литературы, появившиеся ещё во второй четверти XVII в. вызвали осудительные отзывы.

Действительно, в то время, когда «обмирщение» жизни и литературы вызывало интерес к светской тематике, читатели не порывали ещё с привычным типом нравоучительного чтения. Главными потребителями легендарно-нравоучительной литературы во II-ой половине XVII в. были консервативные круги, враждебно или, во всяком случае, настороженно относившиеся к «новинам». Но не только старообрядцы продолжали интересоваться легендой и нравоучением, облечённым в повествовательную форму. Неустойчивость политических и социальных устремлений, характерная в это время для всех сословий, сказывалась и в литературе: противоречивые литературные вкусы обнаруживала нередко одна и та же среда.

В последней трети XVII в. острая борьба в области общественно-политической и культурной повлекла за собой более резкое, чем в какой-либо из предыдущих периодов, расслоение авторской и читательской среды. Непримиемые враги отстаивали то с оружием в руках, то в литературных образах своё понимание будущего: и всего государства, и отдельной личности. Лицом к лицу столкнулись читатели, с одной стороны, старообрядческой литературы, которая звала к идеалам «святой Руси» прошлого, с другой – «стихотворных» «московских издевок» и повестей с их жизнеутверждающими настроениями и свободой от средневековых запретов. Если одна сторона отвергала всякое новое учение – равно латинское и греческое, то другая в своей литературе звала к «науке», как к необходимому спутнику в жизни, помогающему найти в ней верное направление. И эта наука – уже не богословие: наиболее передовые слои русского общества ищут теперь в

«книжном учении» реальных знаний о природе и освобождения от авторитарной религиозно-аскетической морали средневековья.

Накануне реформы старая Русь в области идеологии была ещё очень сильна, хотя, в отличие от I-ой половины XVII в., правительство вынуждено было признать необходимость преобразований в области просвещения.

Старообрядческая и примыкавшая к ней легендарно-нравоучительная литература находили не меньший круг читателей, чем «обмирщённая», по-новому стилистически выраженная литература. Впрочем, уход от прошлого и среди читателей этой новой светской литературы не был ещё полным. И в быту, и в литературе уживались рядом противоречивые направления.

Провозглашая принцип – «делу время и потехе час», убеждая любить охоту как украшение жизни, утверждая её эстетическую ценность, царь Алексей допускал гонения на «бесовские игры и пляски», запрещал «смехотворение, празднословие и кощунание», разрешил жечь народные музыкальные инструменты.

В первом русском театре назидательные драматизации библейских сюжетов чередовались с весёлыми интермедиями, где в центре стоит «шутовская персона». Одновременно с любовно-авантюжными романами и «смехотворными» фацециями переводились аскетические легенды «Великого зеркала». Западник Артемон Матвеев, в чьём доме, раньше, чем в царском дворце, открылся театр, в то же время покровительствовал литературной и публицистической деятельности Николая Спафария, воскрешавшего в своих исторических компиляциях политические идеи XV в.

Страстная пропаганда идеалов прошлого, вместе с критикой нового направления в русской жизни, нашла своё наиболее яркое выражение в старообрядческой литературе, которая именно в 1670-1680-е годы достигла высшего подъёма. Участники всех вооружённых выступлений против правительства, старообрядцы в это время развили и деятельную литературную агитацию против «латинствующей» части русского общества. Никогда в дальнейшей истории старообрядчества эта агитация не принимала такого размаха, как в писаниях заключённых в земляную тюрьму руководителей раскола – Аввакума и его друзей. Посадские и сельские попы, монахи, ушедшие в раскол, и грамотеи из городских и крестьянских старообрядцев адресовали свои писания, в первую очередь, к крестьянам, составившим основную массу приверженцев старой веры. Авторы-старообрядцы стремились воскресить общественно-политические и религиозные идеалы XV – XVI вв., звали назад, и всё новое, объединяемое ими под общим именем «латинской прелести», отвергали как греховное. Но даже и в этот уголок старой Руси, отгораживающийся от всяких «новин», проникал дух нового времени. В памятники старообрядческой литературы врвался иногда страстный протест против социального зла – то в сатирическом портрете кого-либо из «князей церкви», то в нападках на боярскую спесь, то в рассуждении о равенстве всех людей. Новое время создавало повышенный интерес к личности, и в литературе появился новый жанр биографии и автобиографии. Внимание к своим поступкам, настроениям, мыслям характерно для жития Аввакума и для лирического рассказа о себе Епифания; в биографию, стремящуюся воссоздать фигуру непоколебимой сторонницы старой веры, превращается повесть о боярыне Морозовой. Обилие реалистических сцен, живой образный язык, метко схваченные портреты

участников событий – всё это составляет чисто литературный элемент в писаниях старообрядцев, сыгравший свою роль в общем ходе развития русской литературы. Исключительное внимание к «природному», т. е. живому русскому языку, – здоровая черта в характере старообрядцев. С помощью этого «природного» языка они в XVII в. перерабатывали старые литературные жанры – жития, послания – и делали их доступными своей неискущённой в книжном красноречии аудитории.

В последней трети XVII в. широкое развитие получает силлабическое стихотворство, в его узаконенной пиитиками форме, сменившей робкие вирши I-ой половины XVII в. Виршевую форму придают теперь писатели самому разнообразному содержанию – от педагогических наставлений до лирических выражений чувств и настроений. Изучение пиитики, введённое в программу Московской академии, знакомило с техникой силлабического стихосложения будущих писателей и готовило круг читателей, ценивших эту форму литературного выражения. Упражнения в силлабическом стихосложении повышали, конечно, литературную технику. Но параллельно, хотя и в более ограниченных размерах, шло развитие национальной системы стихотворной речи, блестящий опыт применения которой в книжной литературе этого времени представляет «Повесть о Горе-Злочастии». Однако до реформы М.В. Ломоносова – В.К. Тредьяковского силлабический принцип стихосложения был в русской литературе преобладающим.

Значительным событием в культурной жизни Москвы было открытие в 1672 г. придворного театра. В прошлом театральные зрелища приравнивались церковными запретами к тем «позорищам и игрищам», за участие в которых духовные лица лишались сана, а на мирян налагалось церковное наказание (эпитимия). Актёр особым чином принимался обратно в церковь, если приносил покаяние. Элементы театрализованного «действия» были издавна известны на Руси в некоторых народных обрядах, но за пределы обрядового ритуала (свадьбы, провод Масленицы и т. д.) они не выходили. Своё особое назначение, далёкое от театральных представлений, имели и драматизации некоторых эпизодов библейской истории в церковном обряде (хождение на осле, омовение ног и т. д.). До XVII в. на Руси знали о подлинных театральных представлениях лишь по рассказам и описаниям путешественников, которые с XV в. знакомились в Западной Европе то с мистериальной драмой, не вызывавшей у них никаких вероисповедальных сомнений, т. к. она исполнялась в церкви, то со светским театром, воспринятым внешне – со стороны сложных замысловатых сценических приспособлений. В I-ой половине XVII в., видимо, через скоморохов, в русском быту стал известен переносный кукольный театр (в котором в 1636 г. уже шло представление «Петрушки»).

Попытка организовать театр в Москве исходила из среды «западников». Может быть, потому именно в Москве обратились за образцом театра непосредственно к Западной Европе, а не на Украину, к середине XVII в. сформировался уже школьный театр, с его серьёзным, даже нравоучительным репертуаром, гораздо более подходившим для подозрительных ко всяким «новинам» москвичей. Пересаженный в Москву, западный театр познакомил русских зрителей с разнообразными пьесами, в которых сплетались традиции различных театральных и литературных направлений, где благочестивые сюжеты чередовались с шутовством, героические эпизоды истории – с трогательными романическими сценами. Несомненно, положительное значение этого первого

русского театра заключалось в том, что был преодолён исконный страх перед театральными зрелищами, поддерживавшийся церковными запретами. От этого страха ведь не был свободен и царь, приказавший устроить в своём дворце новую «потеху»; лишь ссылаясь на византийских императоров, развлекавшихся театральными представлениями, успокоила сомнения Алексея Михайловича. Но репертуар первого московского театра познакомил русского зрителя с пьесами, в художественном отношении далеко не первосортными. Театра Шекспира и Мольера Москва не получила (18 сентября 1668 г. посол Потёмкин со своей свитой смотрел в Париже именно пьесу Мольера «Амфитрион» в постановке самого автора и его труппы).

С переводной с западных языков и украинско-белорусской литературой были знакомы, как сообщают источники, люди разных социальных слоёв. Воспитанники Московской академии (среди которых были дети вельмож и мелких подьячих) усваивали литературные навыки через западные по происхождению пиитики и риторики украинско-белорусскую литературу. Приказные подьячие, обученные латинскому и польскому языкам, становились правительственными переводчиками западных книг самого разнообразного содержания – от сочинений по военному делу до трогательных и весёлых повестей. Мещанские дети учились «комидийному делу» и выступали в качестве первых русских актёров в иноземном репертуаре придворного театра.

Старообрядческие писания и светская литература удовлетворяли, конечно, совершенно различные читательские круги. Но рядом продолжали появляться произведения, не имевшие яркой окраски эпохи, трактовавшие о привычных темах в более или менее традиционных формах. Их читали в это время и те, которые чуждались всего «нового», и те, кто с интересом обратился к новой обмирщённой литературе.

Легендарно-нравоучительные повестушки и сказания, исторические компиляции и повести, созданные в последней трети XVII в., ничем особенным характерным для данного времени не отмечены. Их читали наравне со всей литературой прошлого.

Разнообразие литературных направлений в последней трети XVII в. отвечало и пестроты литературного языка. Занятая вероисповедными вопросами церковно-религиозная литература (богословская, житийная, проповедническая, полемическая), культивировала славянизированную речь, допуская в неё лишь небольшое количество украшений в духе нового литературного стиля. Сильна славянская стихия и в виршевой и драматической литературе, следовавшая западноевропейским и украинско-белорусским образцам. Сюда проникают и элементы, заимствованные из украинского литературного языка, латинизмы и полонизмы. Новые западные лексические и синтаксические латинизмы и полонизмы. Новые западные лексические и синтаксические особенности ощущаются и в языке переводной повести, когда она идёт в русскую литературу через белорусское и украинско-польское посредство, и в переводном театральном репертуаре.

Вся остальная литература в той или иной мере демократизирует свой язык. Читатель из средних слоёв общества, представлявший в это время господствовавший тип любителя «книжного почитания», побуждал авторов

приближать к жизни не только тематику, но и язык литературы. Автор – посадский, служилый – прибежал то к живому языку, то к привычным формам деловой, приказной речи, с её простым синтаксисом, то отражал в литературе фольклорную стихию. Язык литературы, преимущественно повествовательной и сатирической, насыщен образами устной поэзии, сказочные и эпические мотивы входят в самую ткань литературных повестей.

В поисках пути к новому читателю происходит своеобразное переосмысление славянской книжной речи в писаниях старообрядцев. Смело поставленная рядом с бытовым просторечием, она получает новую смысловую и эмоциональную окраску не только в реалистических картинах современной автору жизни, но и в христианских легендах, истолкованных языком повседневной жизни.

Обособление славянизированного языка в определённых литературных жанрах, тенденции к сближению литературного и бытового языка, стремление пополнить словарь запасом новых слов, взятых из украинско-белорусского или западноевропейского литературного обихода, – все эти линии найдут своё дальнейшее развитие в истории литературного языка петровской эпохи.

Таким образом, *новый этап развития древнерусской литературы начинается после церковной реформы Никона в 1653 г. и воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Следствием интенсивного сближения России со странами Западной Европы явилось проникновение в древнерусскую культуру многочисленных элементов культуры европейской. Идёт острая борьба сторонников византийско-греческой и латинско-польской образованности. Начинается процесс дифференциации художественной литературы, её вычленения из письменности исторической и религиозно-дидактической. Постепенно прекращают своё существование летописи, сохраняясь только на периферии («Сибирская летопись»), видоизменяется до неузнаваемости исторические повести, житие становится бытовой повестью и автобиографией («Житие Юлиании Лазаревской» и «Житие протопопа Аввакума»). Появляются бытовые повести с вымышленными сюжетами и героями, развивается демократическая сатира; возникают драма и театр, широкое развитие получает силлабическая поэзия; меняется характер переводной литературы.*

2. Бытовые повести XVII века.

Процесс пробуждения сознания личности находит отражение в появившемся во II-ой половине XVII в. новом жанре – бытовой повести. Его появление связано с новым типом героя, заявившего о себе как в жизни, так и в литературе. В бытовой повести ярко отразились изменения, происшедшие в сознании, морали и быте людей, та борьба «старины» и «новизны» переходной эпохи, которая пронизывала все сферы личной и общественной жизни.

а) Тема воспитания молодого поколения в бытовой повести II-ой половины XVII в.

Одним из выдающихся произведений литературы II-ой половины XVII в. является «Повесть о Горе-Злочастии»*. Центральная тема повести – тема трагической судьбы молодого поколения, старающегося порвать со старыми нормами семейно-бытового уклада, домостроевской моралью.

Вступление к повести придаёт этой теме общечеловеческое обобщённое звучание. Библейский сюжет о грехопадении Адама и Евы трактуется здесь как непокорность, неповиновение первых людей воле создавшего их бога. Источник этого неповиновения – не дьявол-искуситель, как толковала Библия, а сам человек, его сердце, «немыслённое и неуимчивое». Такая трактовка библейского сюжета говорит о новом миропонимании, сложившемся у автора: причина преступления человеком заповеди смирения, покорности – в нём самом, в его характере, а не результат воздействия потусторонних сил.

Основу сюжета повести составляет печальная история жизни Молодца, отвергнувшего родительские наставления и пожелавшего жить по своей воле, «как ему любо». Появление обобщённо-собирающего образа представителя молодого поколения своего времени было явлением весьма примечательным и новаторским: *в литературу на смену исторической личности приходит вымышленный герой, в характере которого типизированы черты целого поколения переходной эпохи.*

Молодец вырос в патриархальной купеческой семье, окружённый неусышными заботами и попечением любящих родителей. Однако он рвётся на свободу из-под родного крова, жаждет жить по своей воле, а не по родительским наставлениям. Постоянная опека родителей не научила Молодца разбираться в людях, понимать жизнь, и он платится за свою доверчивость, за слепую веру в святость уз дружбы. Но Молодец не сдаётся, он не несёт свою повинную голову в родительский дом, он хочет доказать свою правоту, отправляясь в чужую страну, дальнюю, незнакомую. Личный опыт убедил его, что без совета «добрых людей» жить нельзя. И смиренно выслушав их наставления, Молодец начинает новую жизнь («... от великаго разума наживал он живота (добра) болшы старова»).

Причиной дальнейших злоключений героя является его характер. Губит его похвальба своим счастьем и богатством. С этого момента в повести появляется *образ Горя*, которое, как и в народных песнях, *олицетворяет трагическую участь, судьбу, долю человека.* Этот образ *раскрывает также внутреннюю раздвоенность, смятенность души героя, его неуверенность в его силах.*

В советах, которые даёт Молодцу Горе, легко обнаружить тягостные раздумья самого героя над жизнью, над неустойчивостью своего материального положения.

Молодец, отвергавший родительскую власть, не захотевший покориться отцу и матери, вынужден склонить свою гордую голову перед Горем-горинским. «Добрые люди» сочувствуют участи Молодца, советуют ему вернуться под родительский кров и попросить прощения. Однако уже Горе не желает отпускать свою жертву. Оно упорно и неотступно преследует Молодца, издеваясь над всеми его попытками убежать от своей злосчастной доли. Идя с Молодцом «под руку», Горе учит его богато жить – «убити и ограбить». Это и заставляет героя вспомнить «спасённый путь» и уйти в монастырь. Для героя и автора повести монастырь является отнюдь не идеалом праведной жизни, а последней возможностью спастись от своей злосчастной доли.

Автор сочувствует своему герою и в то же время показывает его трагическую обречённость. Молодец расплачивается за свою непокорность. *Трагедия героя состоит в том, что освящённому веками традиционному бытовому укладу он не может противопоставить ничего, кроме своего стремления к свободе.*

В повести резко противопоставлены два типа отношения к жизни, два миропонимания: с одной стороны, родителей и «добрых людей» – большинства, стоящих на страже «домостроевской» общественной и семейной морали; с другой стороны, – Молодца, воплощающего стремление нового поколения к свободной жизни. Соответственно этому, тема повести рисовалась и как тема борьбы двух мировоззрений, двух поколений – «отцов и детей». Автор изображался защитником моральных норм прошлого.

Следует отметить, что наставления родителей и советы «добрых людей» касаются лишь самых общих практических вопросов поведения человека и лишены религиозной дидактики. Они имеют целью не спасение души Молодца, а учат его, как достигнуть житейского благополучия

Судьба Молодца излагается в форме его жития, но повесть уже не имеет ничего общего с традиционной агиографией. Перед нами типично светская бытовая биографическая повесть.

Автор в совершенстве владеет поэтикой фольклора, его образной системой, формами былинного стиха. Образ доброго Молодца, «нагого, босого, лыком подпоясанного» Горя, эпическая картина пира, песенная символика эпизода преследования Горем Молодца – всё это находит прямое соответствие и в эпической народной поэзии, и в лирических песнях о Горе. *Переплетение эпоса и лирики придаёт повести эпический размах, сообщает ей лирическую задушевность.* Как и былины, повесть сложена тоническим стихом без рифм.

«Повесть о Горе-Злочастии» драматична. Одна из замечательных её черт – сочувствие падшему герою. Действительно, повесть с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом даёт образ бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения. Это один из самых невзрачных персонажей, какие когда-либо изображала русская литература. Но ему, конечно, быть представителем нового поколения, новых прогрессивных идей. И вместе с тем, не осуждение неудачливого молодца, не сумевшего жить по житейским правилам окружавшего его общества, а тёплое сочувствие его судьбе выражается в повести. В этом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» явление небывалое, из ряда вон выходящее в древнерусской литературе, всегда суровой в осуждении грешников, всегда прямолинейной в различении добра и зла.

Впервые в русской литературе участием автора пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества, лишённый родительского благословения, остро сознающий своё падение, погрязший в пьянстве и азартной игре, сведший дружбу с пьяницами и игроками, бредущий неведомо куда в «гуньке кабацкой», в уши которого «шумит разбой».

Впервые в русской литературе с такою силою и проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека, с таким драматизмом рисовалась судьба падшего человека. Всё это свидетельствовало о коренных сдвигах в сознании автора, не совместимых со средневековыми представлениями о человеке.

Вместе с тем, как уже было отмечено, «Повесть о Горе-Злочастии» – первое произведение русской литературы, которое так широко решило задачи художественного обобщения. Почти все повествовательные произведения древнерусской литературы посвящены единичным случаям, строго локализованы и определены в историческом прошлом (действие «Слова о полку Игореве»,

летописей, исторических повестей, житий святых и т. д.). Даже в тех случаях, когда в произведение вводится вымышленное лицо, оно окружается роем исторических воспоминаний, создающих иллюзию его реального существования в прошлом.

Историческая достоверность или видимость исторической достоверности – необходимое условие всякого повествовательного произведения древней Руси. Резко разойдясь с многовековой традицией русской литературы, «Повесть о Горе-Злочастии» повествует не о единичном факте, стремясь к созданию обобщающего повествования. Впервые художественное обобщение, создание типического собирательного образа, встало перед литературным произведением как его прямая задача.

Безвестный Молодец повести не носит признаков местных или исторических. В повести нет ни одного собственного имени, ни одного упоминания знакомых русскому человеку городов или рек; нельзя найти ни одного хотя бы косвенного намёка на какие-либо исторические обстоятельства, которые позволили бы определить время действия повести.

Всё в повести обобщено и суммировано, сосредоточено на одном: на судьбе Молодца, его внутренней жизни. Это своеобразная монодрама, в которой окружающие героя лица играют подсобную, эпизодическую роль, оттеняя драматическую судьбу одинокого безвестного человека, лица собирательного, подчёркнуто вымышленного.

Тематически к «Повести о Горе-Злочастии» близка *«Повесть о Савве Грудцыне»**, созданная в 60-70-е гг. XVII в. как эпизод из недавнего прошлого. Повесть начинается с 1606 г. и охватывает осаду русскими войсками Смоленска в 1632 – 1634 гг. Но безымянный автор пишет не об истории России, а о частной жизни русского человека, купеческого сына Саввы Грудцына. Как и в «Повести о Горе-Злочастии», в ней также раскрывается тема взаимоотношений двух поколений, противопоставляются два типа отношений к жизни.

Вся повесть состоит из отдельных эпизодов, составляющих основные вехи биографии Саввы: юность, зрелые годы, старость и смерть. Несмотря на свою полную законченность, все эпизоды тесно связаны между собою единством авторского замысла. Каждый из них раскрывает то определённые черты характера героя повести, то особенности его поведения вне родительского надзора. Сперва изображается ближайшая среда героя – его семья. Черты патриархального купеческого быта характеризуют весь жизненный уклад этой семьи. Здесь вся власть в руках главы семьи – отца. Здесь торговля – дело всей жизни, и когда в годы Смуты внешние обстоятельства мешают ей, отец героя Фома Грудцын оставляет родной для ряда поколений Грудцыных Великий Устюг и переселяется в Казань. Отсюда он отправляется в торговые поездки вниз по Волге то к Соли-Камской, то к Астрахани, то «в Шахову державу». К этому же исподволь он приучает и сына своего, «дабы по смерти его наследник был имению его». Но при деловитости, строгости и сдержанности во взаимоотношениях в семье Грудцыных есть свой декорум нежности: расставания и встречи здесь ознаменовываются тем, что Фома Грудцын обязательно на прощание целует жену и сына. Казалось бы, что в этой среде с хорошо отстоявшимися формами жизни и Савва должен пойти старыми, проторенными путями. Но вот автор показывает своего героя вне родительского дома, в торговом отъезде в далёком Соли-Камском городе Орле. Сперва и здесь

Савва попадает в сферу привычных патриархальных отношений. И в чужом городе ему открыт путь «по отцу»: ему оказывает гостеприимство гостинник города Орла, «памятуя любовь и милость отца его»; его приглашает в свой дом орловский купец Бажен Второй, старый друг отца Саввы; его зовёт к себе на пир воевода, хорошо знавший отца героя, и т. п. Но веяния нового времени выбивают молодого человека из обычной колеи жизни. Он сближается с молодой женою Бажена, и в блуде, и в пьянстве растратил всё, что выручил от отцовских товаров. В огромном запасе традиционных литературных образов и ситуаций автор повести находит материал для описания и объяснения такого необычного поведения юноши. Не в злой воле Саввы причина его неблагоприятных поступков. Это молодая жена Бажена, подобно библейской жене Пентефрия, соблазняет неопытного юношу. Но когда Савва, после изгнания его из дома Бажена, вновь входит в доверие последнего, вторично поселяется в его семье и продолжает связь с его молодой женой, автор иначе, как вмешательством дьявола, не может объяснить поведение своего героя. *Повесть разрабатывает на русском материале фаустовскую тему – тему продажи души дьяволу за мирские блага и наслаждения.* Так появляется в повести «брат названный», т. е. бес, который сыграл определённую роль в судьбе героя.

Неторопливо, в рамках широких и сочных бытовых описаний, развёртывается любовная интрига повести. Весь уклад жизни семьи Бажена и обстановка небольшого торгового города с его шумной «конной площадью» и в то же время с тихим миром его верований и суеверий – всё это тщательно нарисованный фон любовной истории Саввы и молодой жены Бажена. *Впервые в древнерусской литературе можно встретить такое внимание к романтической стороне повествования, впервые изображаются переживания влюблённой души.*

Развязка любовной интриги чисто реалистическая. Слухи о «неисправном житии» Саввы доходят в Казань к его родителям. Они неоднократно пишут ему, умоляя возвратиться домой. Но герой не внял просьбе родителей. Тогда отец принимает решение поехать в Орёл и вернуть домой блудного сына. Так автор обрывает любовную интригу повести. На этом оканчивается юность Саввы и его жизнь в родной ему купеческой среде, устои которой – беспрекословное повиновение родителям и святость семейных уз – он так небрежно нарушает. В этой части повести, таким образом, центральное место отводится любовной интриге и делаются первые попытки изобразить любовные переживания человека.

Рамки повествования затем значительно расширяются. Герой попадает в орбиту больших исторических событий своего времени – русско-польской войны 1632-1634 гг.

В Шуе «брат названный» обучает Савву воинскому артикулу, затем помогает ему в разведке укреплений Смоленска и в поединках с тремя польскими «исполинами». *Подвиги Саввы под Смоленском – кульминационный пункт воинской удачи и славы героя, и автор изображает эти его подвиги в героико-эпическом стиле русских былин и воинских повестей. И только образ беса, неотступно следующего за ним и помогающего ему, носит на себе отпечаток традиционной агиографической манеры письма.*

Следовательно, если в эпизодах, изображающих юность героя, на первый план выдвинута любовная интрига и раскрывается пылкая, увлекающаяся натура

неопытного юноши, то в эпизодах, повествующих о зрелых годах Саввы, на первый план выступают героические черты его характера: мужество, отвага, бесстрашие.

Последние эпизоды повести – это история падения героя: его изгнание из войск боярином Шеиным (конфликт боярина с купеческим сыном ярко характеризует начавшийся во II-ой половине XVII в. процесс формирования новой знати); болезнь как результат общения с дьяволом (описывая болезнь, автор широко использует традиционные демонологические мотивы); исцеление от иконы Казанской божьей матери, изображённое в духе богородичных «чудес», и, наконец, пострижение и смерть в монастыре.

Так, последовательно, из эпизода в эпизод раскрывается художественная биография героя и тема произведения. В нём отразились беспокойство духа молодого поколения, недовольство старым укладом жизни, небрежное отношение к родительскому авторитету и ещё бессильное, но уже ясное стремление строить жизнь по-своему, т.е. настроения, характерные для II-ой половины XVII в. Эти настроения, очевидно, глубоко волновали различные слои населения Русского государства, т. к., кроме «Повести о Савве Грудцыне», можно найти их в уже упомянутой «Повести о Горе-Злочастии», в «стихах умилённых» и позднее в «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого.

Образ Саввы Грудцына – это образ большой обобщающей силы, литературный тип, запечатлевший характерные черты молодого человека переходной эпохи, стремящегося сбросить гнёт вековых традиций, жить в полную меру своих удалых молодецких сил.

Необходимо отметить, что идейно-художественная функция образа беса в произведении близка функции Гора в «Повести о Горе-Злочастии». Он даёт возможность автору повести объяснить причины необыкновенных удач и поражений героя в жизни. Также он выступает воплощением судьбы героя и внутренней смятенности его молодой и порывистой души. При этом образ «названного брата», беса, близок народной сказки.

«Повесть о Савве Грудцыне» своеобразна и нова по своему стилю. В ней сочетаются традиционные книжные приёмы и отдельные мотивы устной народной поэзии.

Особо замечательно произведение в композиционном отношении. Его действие развёртывается на широком полотне, по нескольким сюжетным линиям, каждая из которых в отдельности могла бы быть достаточной для самостоятельного повествовательного произведения: крушение твёрдого уклада жизни в купеческой семье Грудцыных-Усовых; молодая жена и старый муж Бажен; скромная жизнь семьи стрелецкого сотника Шилова; приключения двух «названных братьев» – Савы и беса; война под Смоленском и пр. В связи с этим в повести даётся многократная перемена места действия: здесь и Устюг Великий, и Казань, и Орёл, и Шуя, и Москва, и военный лагерь под Смоленском. Перед читателем проходит необычайно большое для древнерусских литературных произведений число героев, каждый из которых наделён индивидуальными чертами и представляет собою законченный художественный образ. Жизнь главного из них, Саввы Грудцына, изображена от его рождения до смерти во всех важнейших проявлениях живой человеческой личности II-ой половины XVII в. – отношение к семье, религии, любовь, борьба за место в жизни.

Для выражения эмоций своих героев автор повести нашёл новые средства, которые позже, в XVIII в., являются излюбленными в повествовательной литературе. Автор порицает связь Саввы и молодой жены Бажена Второго, для него это «грех», «скверное» или «скарредное дело», и он для определения его не скупится на эпитеты, взятые из запасов древнерусской фразеологии. Но он находит и нежные лирические тона для передачи любовной скорби Саввы во время размолвки его с женой Бажена: «Сердцем же скорбя, – говорит он о Савве, – и неутешно тужаше по жене оной и начат от великие туги красота лица его увядати и плоть его истончаватися». Это впервые в древнерусской литературе автор повести рассказывает о любовной неудаче своего героя. «Некогда же той Савва, – читаем дальше, – изыде един за град на поле, от великого уныния и скорби прогулятися, и идяше един по полю, и никого же пред собою или собою видяше, и ничто ино помышляше, но токмо сетуя и скорбя о разлучении своём от жены оныя». Следует обратить внимание на эту черту стиля повести, позже она будет встречаться неоднократно; в XVIII в. целые толпы влюблённых героев, подобно Савве, будут выходить на лоно природы, чтобы в общении с нею развеять свою любовную тоску и в природе почерпнуть силы для жизни и борьбы.

Мать и отец Саввы неоднократно посылают своему сыну «эпистолии» (письма) – приём для выражения эмоций героев и композиционное средство, на основе которого в XVIII в. пишутся целые повести и романы.

И тема, и стиль «Повести о Савве Грудцыне» далеко уводят её от того жанра, с которым она связана генетически. Поэтому вполне справедливо ряд исследователей (в том числе и акад. Д.С. Лихачёв) рассматривает «Повесть о Савве Грудцыне» в качестве начального этапа становление жанра романа.

Новаторство повести состоит и в её попытке изобразить обыкновенный человеческий характер в обыденной бытовой обстановке, раскрыть сложность и противоречивость характера, показать значение любви в жизни человека.

Таким образом, созданные на грани новой эпохи, «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» отразили настроения времени, когда для московского общества наступила пора критического пересмотра того, чем оно до сих пор жило, когда определялись отношения к старым устоям жизни – за или против них. Повести ставили и в художественно-образной форме решали весьма важные со II-ой половины XVII в. вопросы, прежде всего – об отношениях между родителями и детьми и о правах детей самостоятельно определять свой жизненный путь. В более раннюю эпоху эти вопросы, как общественная проблема, не могли даже возникать. Для Древней Руси здесь всё было ясно: родительская власть была непререкаемым и непоколебимым авторитетом. Она служила основой и связующим началом в семейной и общественной жизни. По отцам судили о детях именно потому, что воля первых формировала характер и направляла поступки последних.

Но ко II-ой половине XVII в. под влиянием ряда внутренних причин, протестов против общественных «настроений», новые понятия коснулись и семьи, этой крепости древнерусского жизненного уклада. Намечавшиеся сдвиги во взаимоотношениях отцов и детей и новой во взглядах молодого поколения на жизнь наиболее яркое выражение в бытовых повестях «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне».

б) «Повесть о Фроле Скобееве» как плутовская новелла.

Наибольшей новизной и независимостью в отношении к древнерусской литературной традиции характеризуется *«Повесть о Фроле Скобееве»**. Это произведение выходит из круга исторической, житийно-демонологической или морально-нравоучительной тематики средневековья в область лёгкого и занимательного рассказа. Хорошо развитая интрига, юмор, элементы психологизма и реалистического бытописания, сатирические тенденции – отличительные черты этих повестей. В соответствии с новизной фабулы и её освещения своеобразен и нов язык повести: элементы славяно-русского языка сочетаются в ней с просторечием, народно-поэтической лексикой и бойкой канцелярской речью московских приказов, в небольшом количестве уснащённой новыми европейскими терминами. Новизна тематическая и стилистическая сближает повесть с жанром сатирической новеллы, вошедшим в оборот среди русских читателей II-ой половины XVII в.; ассоциируется эта новизна и с устными бытовыми и сатирическими сказками.

«Повесть о Фроле Скобееве», рисуя взаимоотношения старшего поколения и молодёжи, ставит и решает тот же вопрос об отцах и детях, который стоит в центре внимания авторов повести о Горе-Злочастии, о Савве Грудцыне, «Комедии притчи о блудном сыне» и ряда других произведений II-ой половины XVII в. Но в отличие от тех из них, где старый уклад жизни торжествует над попытками молодёжи порвать с ним, в «Повесть о Фроле Скобееве» старшее поколение одурачено умным и изворотливым ябедником (ходатай по делам) и вынуждено в конце концов не только примириться с ним, но и принять его в свою семью, причём сочувствие автора всецело на стороне этого плута.

Фролка Скобеев делает девизом своей жизни «фортуну и карьеру». «Или буду полковник, или покойник!» – заявляет он. Ради осуществления этой цели герой не брезгует ничем. Он неразборчив в средствах и пускает в ход подкуп, обман, шантаж. Для него не существует ничего святого, кроме веры в силу денег. Он подкупает совесть мамки, соблазняет дочь богатого стольника Нардина-Нащокина Аннушку, затем похищает её, разумеется, с согласия героини, и вступает с ней в брак. Хитростью и обманом супруги добиваются родительского благословения, потом полного прощения и отпущения своей вины. Отец Аннушки, спесивый и чванливый знатный стольник, в конце концов вынужден признать своим зятем «вора, плута» Фролку Скобеева, сесть с ним за один стол обедать и сделать своим наследником.

Повесть отразила начало процесса слияния бояр-вотчинников и служилого дворянства в единой дворянское сословие, процесс возвышения новой знати из дьяков и подьячих, приход «худородных» на смену «стародавних, честных родов».

Резкому сатирическому осмеянию подвергнуты в повести боярская гордость и спесь: знатный стольник бессилен что-либо предпринять против «захудалого» дворянина и вынужден примириться с ним и признать своим наследником. Всё это даёт основание полагать, что повесть возникла после 1682 г., когда было ликвидировано местничество.

Автор не осуждает своего героя, а любит его находчивостью, ловкостью, пронырливостью, хитростью, радуется его успехам в жизни и отнюдь не считает поступки Фрола постыдными.

Добиваясь поставленной цели, он не надеется ни на бога, ни на дьявола, а только на свою энергию, ум и житейский практицизм. Религиозные мотивы занимают довольно скромное место. Поступки человека определяются не волею божества, беса, а его личными качествами и соотносятся с теми обстоятельствами, в которых этот человек действует.

Примечателен в повести также образ Аннушки. Она заявляет о своих правах выбирать себе суженого, смело нарушает традиции, активно участвует в организации побега из родительского дома; легко соглашается на притворство и обман, чтобы вновь вернуть благосклонность одуроченных отца и матери. Пробуждение инициативы, сознания права на самостоятельное устройство семьи, отсутствие родовой спеси – вот что показал автор в образе Аннушки. Но и здесь, как и в характеристике Скобеева, «новое» в жизни женщины проявляется ещё в грубой форме. Героиня ни разу не вспоминает об огорчённых родителях, соглашается разыграть перед их посланцем притворную болезнь, которая заставила стариков переживать. Приехав по приглашению родителей с мужем к ним в дом, Аннушка по обычаю «пала пред ногами» их, но нигде автор не упомянул о том, что она хоть на минуту пожалела о доставленном им огорчении. Уверенная в своей правоте, она поступала по воле мужа даже тогда, когда он учил её обманывать родителей. Этот «вор, плут, ябедник», как именуют Скобеева старики, неотделим теперь от её жизни, и потому чуждой становится ей и печаль родителей, в основе которой лежит их спесь, гордость своей родовитостью.

Таким образом, судьба героев повести отражает характерные общественные и бытовые явления конца XVII в.: зарождение новой знати и разрушение традиционного бытового уклада.

Воля, настойчивость, здравый смысл – вот те положительные качества, в которых нельзя отказать Скобееву; но аморальность, цинизм его поведения, жизненный практицизм в соединении с неразборчивостью в средствах – сближают его с определённой частью людей переходного времени. Сама русская действительность конца XVII в. и петровского времени давал материал для создания образов дельцов, подобных Скобееву (судьба «полудержавного властелина» Алексашки Меньшикова, графа Разумовского и др.).

Автор «Повести о Фроле Скобееве», очевидно, подъячий, мечтающий, подобно своему герою, выйти «в люди», достигнуть прочного материального положения. Об этом свидетельствует стиль повести, пересыпанный канцеляризмами: «иметь место жительства», «возьмёт обязательное любление к оной Аннушке», и т. п. Эти обороты перемежаются с архаическими выражениями книжного стиля и просторечиями, особенно в речах героев, а также варваризмами, широко хлынувшими в это время в литературный и разговорный язык («квартира», «корета», «банкет», «персона», «реестр», «публикация» и т. п.).

Композиционно повесть распадается на две приблизительно равные по размеру части. Рубеж между ними – женитьба героя: после женитьбы Фролу предстояло ещё умилостивить тестя и получить приданое.

В первой части мало жанровых сценок и ещё меньше описаний, здесь всё подчинено стремительно развивающемуся сюжету. Это апофеоз приключения, которое представлено в виде весёлой и не всегда пристойной игры. Сближение Фрола Скобеева с Аннушкой происходит как своего рода святочная забава, а сам

герой изображается в первой части в качестве ряженого: в «девическом уборе» проникает он на святках в деревенские хоромы Нардина-Нащокина; в кучерском наряде, сидя на козлах чужой кареты, увозит Аннушку из родительского дома.

Во второй части повести сюжет развивается медленнее, он «заторможен» диалогами и статическими положениями. Любовные истории, как правило, завершаются в литературе женитьбой. Автор «Повести о Фроле Скобееве» не ограничился этим привычным финалом – он продолжил повествование, переведя его в другой план. Во второй части автор демонстрирует недюжинное искусство в разработке характеров. Действительно, если в первой, динамичной части его интересовал сюжет, то теперь – занимает психология персонажей. Первая часть – калейдоскоп событий, а во второй художественной доминантой становятся не поступки, но переживания героев.

Об этом свидетельствует индивидуализация прямой речи, её сознательное отмежевание от речи рассказчика. «Повесть о Фроле Скобееве» – первое в русской литературе произведение, в котором автор отделил по форме и языку высказывания персонажей от своих собственных. Из реплик героев читатель узнавал не только об их действиях и намерениях – он узнавал также об их душевном состоянии. Родители Аннушки, посылая зятю икону в дорогом окладе, приказывают слуге: «А плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не промотал». Нардин-Нащокин говорит жене: «Как друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ея кормит, и сам как собака голоден. Надобно послать какова запасцу на 6 лошадях». Фрол с Аннушкой наконец-то званы в родительский дом, и Нардин-Нащокин так встречает богоданного зятя: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же! Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?». В этих репликах – обида на Аннушку и на Фрола, извечная родительская любовь и забота, старческое брюзжанье, гнев, бессильный и показной, потому что отцовская душа уже смирилась с позором и готова простить. В авторском тексте о переживаниях действующих лиц часто умалчивается: читателю достаточно их разговоров.

Контрастное построение «Повести о Фроле Скобееве» – это сознательный и умело использованный приём. В данном случае контрастность вовсе не равнозначна противоречивости, художественной неумелости. Создавая контрастную композицию, автор показал, что он способен решать различные задачи – и строить динамичный сюжет, и изображать психологию человека.

В 1785-1786 гг. «Повесть о Фроле Скобееве» была переделана в рассказ «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным». В этой переделке ещё более усилен плутовской элемент. Сальников, повторяющий образ Скобеева, обманом присваивает себе самые крупные вотчины тестя, и дочь приходит в восторг от той ловкости, с какой её муж обокрал отца. Несмотря на то, что и романические эпизоды, в духе времени, развиты здесь гораздо больше, чем в «Повести о Фроле Скобееве» (введён и «маленький божок любви», и «колчан» с «золотыми стрелами», и рассуждения о любви, как о «верховой властительнице», и пр.), весь рассказ остаётся в сущности такой же плутовской новеллой, как и его оригинал XVII в.

3. Сатира и сатирические повести XVII века.

Сатира II-ой половины XVII в. представляет явление качественно новое в общем ходе литературного развития Древней Руси. Отдельные сатирические эпизоды встречаются, конечно, и в литературе предшествующего времени – у летописцев, у Даниила Заточника, в публицистических жанрах, в полемических произведениях. Но сатира, как литературный жанр, впервые появляется в посадской среде в период обострения её враждебного отношения ко многим сторонам общественного строя Русского государства. Оппозиция лишь в исключительных случаях выливалась в форму народных восстаний: соотношение реальных сил и отсутствие организации мешало открытой борьбе с правящими верхами. Нарастание сопротивления власти со стороны простого народа сказалось и в увеличившемся количестве судебных дел по «слову и делу государеву», в которых открывался индивидуальный или групповой протест против феодальной эксплуатации.

Уже по самому своему содержанию и резко антиправительственному настроению сатира XVII в. была чем-то вроде подпольной литературы, которую вряд ли удавалось распространять открыто. Списки ходили по рукам, но не заносились в ту авторитетную книгу, которую русский читатель, воспитанный словами «о почитании книжном», привык бережно хранить. В этом, вероятно, одна из причин плохой сохранности этой своеобразной литературы. Устойчивость её художественной формы, обнаруживающей нередко большое литературное мастерство, позволяет думать, что в своё время сатирический жанр был достаточно выработан в каком-то определённом кругу авторов, отвечая назревшей потребности. Тем немногим, что от этого жанра сбереглось – и то по большей части в поздних списках XVIII в., – не исчерпывалось, разумеется, всё наличие сатирических произведений XVII в.

Тематика сатир XVII в. разнообразна, но при этом она неизменно касается наиболее уязвимых мест феодально-крепостнического строя. Резкая сатирическая направленность против фактов широкого общественного значения характеризует эту литературу. Сатиры XVII в. берут типичные явления, а не мелкие случайные факты, и этим объясняется стойкость интереса к ним читателей. Как литературный жанр, эта сатира выделяется формой пародии, которую она использует чаще всего. Связь с книжностью предшествующих веков в сатире XVII в. осуществляется мастерским пародированием хорошо знакомых читателю литературных и нелитературных форм.

В обстановке всё возрастающего недовольства общественным строем, в Русском государстве II-ой половины XVII в. не только стихийно поднимались народные восстания, но и делались попытки законным путём – челобитными на царское имя, выступлениями на земских соборах – бороться с проявлениями общего неустройства.

Все эти челобитные с большим мастерством описывают несчастья жалобщиков. Их повествования, воспроизводящие, в рамках обязательных формул канцелярской речи, быт, иногда с характерными его подробностями, знакомят читателя с просторечием, которым авторы челобитных пользуются иногда с настоящим литературным умением. Искусство владеть пером для практических целей – для писания всевозможных документов – во II-ой половине XVII в. было достаточно распространено даже среди посадской и сельской бедноты. Здесь была

группа профессионалов, которые имели особое разрешение властей «кормиться письмом».

В обязанность церковных дьячков входило писать челобитные, «крепости», «записи» и другие документы уездным крестьянам. Как предполагают учёные, эти профессионалы – посадские и сельские грамотеи – принимали участие в создании той своеобразной литературы, которая во II-ой половине XVII в. не только тематикой, но и её литературным оформлением сближается с челобитными, грамотами и другими документами, характеризующими неустройства в Русском государстве этого времени. Профессиональные навыки ощущаются вполне отчётливо у авторов этих сатирических произведений: они владеют и деловым языком документов, и церковным языком, причём весьма хорошо осведомлены в богослужебной литературе. Авторы сатир XVII в. обнаруживают свою тесную связь и с устной поэзией. Все эти данные позволяют сделать вывод, что свои литературные навыки посадская и сельская интеллигенция применяла не только в области официального делопроизводства.

Таким образом, русская действительность «бунташного» XVII столетия и была той почвой, на которой возникла сатира. Социальная острота, антифеодалная направленность литературной сатиры сближали её с народной устно-поэтической сатирой, которая служила тем неиссякаемым источником, откуда черпала она свои художественно-изобразительные средства.

Сатирическому обличению, как уже было отмечено, подвергались существенные стороны жизни феодально-крепостнического общества. *В сатирических повестях обличается:*

- 1) *несправедливый и продажный суд;*
- 2) *безнравственная жизнь монашества и духовенства, их лицемерие, ханжество и корыстолюбие;*
- 3) *«государственная система» спаивания народа через «царев кабак».*

Действительно, судебные порядки Русского государства подсказали содержание одного из самых популярных памятников сатирической литературы XVII в. – «*Повести о Шемякином суде*». В ней объектом сатирического обличения выступает судья Шемяка, взяточник и крючкотвор. Прельщённый возможностью богатого «посула», он казуистически толкует законы. Формально обвинив ответчика, бедного крестьянина, судья применяет к нему ту возмездную форму наказания, которая предусматривалась Уложением (свод законов) 1649 г. Шемяка не допустил никаких отступлений от юридических норм, но своим решением поставил «истцов» – богатого крестьянина, попа и горожанина – в такое положение, что они вынуждены откупаться от «убогого», чтобы тот не требовал выполнения постановления суда.

Решение суда ставит в смешное положение и богатого крестьянина, наказанного за свою жадность, и попа, оказывающегося в положении обманутого мужа.

Над миром жадности, корысти, судебного произвола торжествует бедняк. Благодаря уму и находчивости бедный крестьянин добивается оправдания на суде: положив за пазуху завернутый в платок камень, он показывал его судье при разбирательстве каждого иска. Если бы решение судьи было не в его пользу, то, несомненно, камень полетел бы в голову Шемяки. Поэтому, когда судья узнаёт, что

вместо богатого посула бедняк держал за пазухой камень, он начал «бога хвалити, что по нём судил».

Так бедняк торжествует над сильными мира сего, «правда» торжествует над «кривдой» благодаря ошибке лихоимного судьи.

Художественный строй повести определяется русской сатирической народной сказкой о неправедном судье и волшебной сказкой о «мудрых отгадчиках» – быстрота развития действия, неправдоподобное нагнетание преступлений, которые совершает «убогий», комизм положения, в котором оказываются судья и истцы. Внешне беспристрастный тон повествования в форме «судебной отписки» заостряет сатирическое звучание повести.

Большое место в сатирической литературе XVII в. занимает антиклерикальная тема. Критическое отношение к духовенству вызывалось не только формальным отношением его к религии, но и низким уровнем нравственности и невежеством многих его представителей. Авторитет официальной церкви к XVII в. был подорван в значительной мере внутренним разложением и упадком нравов среди духовенства. Сатирическая повесть II-ой половины XVII в. отозвалась и на эти темы. Корыстолюбие, жадность, невежество духовенства разоблачаются в «Сказании о попе Савве», написанной рифмованными виршами.

Одним из самых больных вопросов церковного устройства во II-ой половине XVII в. был унаследованный от предшествующих веков и к этой поре особенно обострившийся вопрос о низком – умственном и нравственном – уровне духовенства. Жалобы архиепископа Геннадия, ещё в конце XV в. отмечавшего, как мало грамотны попы, неуклонно повторяются в это время. По давно заведённому порядку крестьянское и посадское население посылало по своему выбору ставленников (кандидатов на церковные должности), которых и посвящали в духовный сан. С середины XVII в. особенно громко раздаются предупреждения высшей церковной власти, чтобы ставленники присылались «искусны и грамоте учены, а не здорщики, и не косторы, и не бражники, и не ярыжники. А молодых ставленников (моложе 30 лет в попы и 25 – в дьяконы) и воров и бражников к нам не присылать». Однако предупреждения не действовали, и жалобы на распущенность и безграмотность ставленников раздавались по-прежнему. Московские попы извлекали доход, готовя этих еле грамотных ставленников к посвящению, производившемся для всей патриаршей области только в Москве. За плату, доводившую ставленника до полного разорения, его обучали двум-тремя молитвам, которые он читал в присутствии епископа и получал посвящение. Безграмотные попы пьянствовали, «волочились по приказам», занимаясь сутяжничеством, вымогали деньги у пришлых сельских ставленников, доведя свою распущенность до того, что иногда даже церковная власть бывала вынуждена прибегнуть к карательным мерам: для таких попов, как и вообще для провинившихся церковнослужителей, на патриаршем дворе была своеобразная тюрьма, где, сидя на цепи, они сеяли муку для патриаршей «хлебни» (пекарни).

«Сказание о попе Савве и о великой его славе» рисует корыстного московского попа, который обирает ставленников, присланных в Москву ставиться в духовный сан. Вместо того, чтобы учить их, он заставляет их «топить баню», «капусту поливать», доставать ему «винца», и «до тех мест (пор)» их «держит, как они деньги все издержут». Этот поп «в церковь ни ногой»; он «по приказам волочитца», «по

площеди рыщет, ставленников ищет». Попадья предупреждает его, что за ябеды ему не сдобровать. Снится попу сон, что ангелы отбирают у него кошню денег, а просыпается поп уже «в патриаршей хлебне», на «цепи», «муку сея», как полагалось провинившимся попам.

Вся повестушка даёт реалистическую картину быта попа из подмосковной слободы Кадашево, в приходе которого все «богатые мужики». Литературно она оформлена рифмованной прозой, пародирующей частично народную песню, частично церковный акафист. Отрицательное отношение к корыстным попам было в XVII в. настолько распространено в народной среде, что пословицы высмеивали поповскую жадность, пьянство и глупость («Попам да клопам жить хорошо», «Не грози попу церковью, он от неё сыт бывает», «Хорошо попам да поповичам, дураками их зовут, да пирогами им дают» и т. п.). Где-нибудь в посаде, может быть в той самой слободе Кадашево, где подвизается поп Савва, могло сложиться и сказание о нём.

Монастырское пьянство в живой и образной картине показано в *«Калязинской челобитной»*, где, в сущности, речь идёт о том же, о чём писали в своих официальных донесениях и надзиратели за монастырским хозяйством.

За пьянство и распущенность упрекали духовенство даже епископские грамоты, в которых можно найти бытовые картинки: «Игумены, чёрные и белые попы и дьяконы хмельным питием до пьянства упиваются, о церкви божей и о детях своих духовных не радеют, и всякое безчиние во всяких людях чинится: сделать заказ крепкий, чтоб игумены, чёрные и белые попы и дьяконы и старцы и черницы на кабаки пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не валялись бы...». Церковное начальство, как видно, протестовало лишь против пьянства «в миру», молчаливо соглашаясь на скрытое в монастырях безобразие. О них говорят челобитные царских надзирателей, наблюдавших за хозяйством дворцовых монастырей, а иногда и сами монахи жалуются на своё монастырское начальство. В этих челобитных содержится выразительное описание разгула монахов. На архимандрита Вяземского монастыря, например, били челом монахи, что он «всегда пьёт, ездя по гостям, и в своей келье в день и в ночь, и напився пьян, нас бьёт напрасно своими руками и в чепь всегда сажает безвинно и бранит неподобными словами всячески... Приехав из гостей пьяной или напився в своей келье, приход в церковь; во время божественного пения стоит на своём месте немирно, иных бьёт и тем чинит церкви мятеж ... Да он же, архимандрит Феодосий, посылает во Ильинский девичь монастырь ко игуменье крупы гречневые и овсяные и муку оржаную и пшеничную, и масло конопляное и коровье, и яйца и рыбу, вино и пиво и солод и овёс и хмель почаству. И отослав и сам ездит в тот Ильинский девичь монастырь ко игуменье почаству же и приезжает после вечерни поздно и в ночном часу пьян ...». Обилие подобных челобитных показывает, что особых результатов они не добивались.

Автор пародии-челобитной наполнил обычную схему судебных челобитных описанием так умело схваченных моментов монастырской жизни, показал такие красочные типы, что «Калязинская челобитная» осталась надолго лучшим реалистическим изображением монастырского разгула.

Монахи удалились от мирской суеты вовсе не для того, чтобы, умерщвляя свою плоть, предаваться молитве и покаянию. За стенами монастыря скрывается

сытая и полная пьяного разгула жизнь. Объектом сатирического обличения повесть избирает один из крупнейших монастырей Руси – Калязинский мужской монастырь, что позволяет автору раскрыть типичные черты жизни русского монашества XVII в.

В форме слёзной челобитной жалуются монахи архиепископу тверскому и кашинскому Симеону на своего нового архимандрита – настоятеля монастыря Гавриила. Используя форму делового документа, повесть показывает несоответствие жизненной практики монашества требованиям монастырского устава. Нормой жизни иноков стало пьянство, чревоугодие и разврат, а не пост и молитва. Поэтому и возмущены монахи новым архимандритом, который круто меняет заведённые ранее «порядки» и требует строго соблюдения устава. Они жалуются, что новый архимандрит не даёт им покоя, «велит нам скоро в церковь ходить и нас, богомольцов твоих томить; а мы, богомольцы твои, круг ведра без порток, в одних свитках, в кельях сидим, не поспеть нам ночью в девять ковшей келейного правила исправить и взвар с пивом в ведра испорознить, чтобы сверху до дна сдуть пенку ...». Возмущены монахи и тем, что Гавриил начал строго блюсти их нравственность. «По его же архимандритову приказу у монастырских ворот поставлен с шелепом кривой Фалалей, нас, богомольцев твоих, за ворота не пускает, в слободы ходить не велит – скотья двора посмотреть, чтобы телят в стан загнать, и кур в подпол посадить, коровницам благословенья подать».

Челобитная подчёркивает, что основной статьёй монастырского дохода является винокурение и пивоварение, а запрет Гавриила только чинит поруху монастырской казне.

Обличается и формальное благочестие монахов, которые недовольны тем, что их заставляют ходить в церковь и творить молитвы. Они жалуются, что архимандрит «казны не бережёт, ладану и свеч много жжёт, и тем, он, архимандрит, церковь запыллил, кадилы закоптил, а нам, богомольцам твоим, выело очи, засадило горлы». Сами же монахи готовы вовсе не ходить в церковь: «... ризы и книги в сушило вынесем, церковь замкнём, а печать в лубок загнём».

Не прошёл сатирик и мимо социальной розни, которая характерна была для монастырской братии: с одной стороны, клирошане, низшая братия, а с другой – правящие верхи во главе с архимандритом.

Жестокий, жадный и корыстолюбивый архимандрит является также объектом сатирического обличения. Именно его ненавидят клирошане за те притеснения, которые он им чинит. Он вводит в монастыре систему телесных наказаний изуверски заставляя монахов под «шелепами каноны орать». «Он, архимандрит, просторно живёт, нашей братье в праздники и в будни на шею большие чепи кладёт, да об нас же батоги приломал и шелепы прирвал». Жадный архимандрит морит монастырскую братию голодом, ставя на стол «репу пареную, да редьку вяленую, кисель с брагом, кашу посконную, шти мартовские и в братины квас наливают».

В челобитной звучит требование немедленной замены архимандрита человеком, гораздым «лёжа вино да пиво пить, а в церковь не ходить», а также прямая угроза восстать против своих притеснителей.

За внешним балагурством пьяных монахов в повести скрыта народная неприязнь к монастырям, ненависть к церковным феодалам. Основным средством сатирического обличения является язвительная ирония, скрытая в слёзной жалобе челобитчиков.

Характерной особенностью стиля челобитной является его афористичность: насмешка часто выражена в форме народных рифмованных прибауток. Например, «А нам ... и так не сытно: репа да хрен, да чёрный чашник Ефрем»; «Мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрём» и т.п. Эти прибаутки обнаруживают у автора «Калязинской челобитной» «лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своём лукавстве» (В.Г. Белинский).

Не прошла сатирическая повесть II-ой половины XVII в. и мимо темы критики «государственной системы» спаивания народа через «царев кабак». Этой теме посвящена повесть «Праздник кабацких ярыжсек», или «Служба кабаку». В ней, пародируя церковную службу – «малую» и «великую» вечерни и житие мученика, автор изображает судьбу постепенно пропивающегося пьяницы, причём по той изобретательности, какую автор обнаруживает, подбирая бранные эпитеты кабаку, совершенно очевидно, что вся сила его негодования направлялась именно на организаторов этого учреждения русского государства. Привычные эпитеты, подчёркивающие греховность пьянства («греху учитель», «душевному дому разорение, ... сатане собеседниче, дьяволу спутниче, душам губителю» и т. д.), теряются среди перепевов одного основного мотива: кабак – людям великое разорение. Песнопения пеэряют эпитетами, варьирующими эту мысль: кабак – «несытая утроба, от всего добра отводитель, домовная пустота, неблагодарная нищета, богатства истощитель, нагота и босота, голое сиротство, мирским людям обнищание и одолжение и всего добра лишение» и т. п.; от кабака – все преступления и пороки: он «злодеем пристанище, воровству и грабежу наставниче, приезжим гостем досада великая». Даже состояние пьяницы с похмелья вошло в эпитеты кабака: он «с похмелья великая стонота, очам отемнение, уму омрачение, рукам трясание ...». В этих эпитетах сказалась вся народная ненависть к кабаку, к его устроителям, не обращавшим внимания на просьбы свести кабаки, к целовальникам, грабившим там народ, чтобы заслужить царскую милость прибылью. В них видна и картина полного разорения пьющего, которого по приказу начальства, целовальник старался «не отводить от кабака», давая ему в долг «не по животом и промыслом».

Разбросанные по отдельным частям «Службы кабаку» биографические эпизоды дают все вместе – законченный образ человека, загубленного кабаком. «Во многие дни собираемо богатство во един час всё погиге», когда он стал привычным посетителем кабака. Здесь он «очистился до нага»; то ему «перстни на руке мешают, ногавицы тяжело носить, портки» и он их «на пиво меняет ... всякому у себя велит пити, а на завтреи и самому будет просити»; то, пропив одежду, пьяница «рукоделие заложил», и, наконец, «около кабака часто ходити извыкл ...». Теперь пьяница «пропився в раздраные ризы облечётся. На кабак поити не с чем, даром не дают, заложить нечего». Дома у него печальная картина нищенства: «... на ветр живот свой развеяша ... дом потешен, голоду и холоду изнавешан, робята пищать, ести хотять, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся». Родные отступаются от пьяницы, жена жалуется: «Всегда муж той пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чужую сторону спознали». Свою вину перед семьёй сознаёт и сам пьяница: «С блудницами расточих всё имение своё ... родители мене отвергошася ... много было имения, из дому всё выносил, и на тебе (кабак) всё пропил, и к жене прибрёл и наг и бос, борже спать повалился, а в ноши пробудился

и слышах жену и детей, злословящих мя: ты пьёшь и бражничаешь, а мы с голоду помираем»).

В крайне реалистических тонах рисуется этот пьяница, потерявший уже всякое чувство собственного достоинства: «Для ковша душу свою топиш, пьющему потакаешь, льстиш...». Пьяница умоляет целовальника поверить ему в долг: «Валяюся с похмелья, жадает ми душа пити ... умилно к целовалнику вопию: помилуй мя похмельнаго, как будет хотя вдвое возми, не умори мене напрасно». Не получив ничего, пьяница готов идти на воровство.

Вся пародия построена на параллели – мученик за веру, раздающий богатство бедным, и пьяница, нищающий в кабаке. Параллель завершается житием пьяницы, искусно пародирующим устоявшуюся форму церковного жития. Все подвиги благочестия заменяются картинками безобразного поведения пьяницы и его родителей. Обычная житийная канва – происхождение от благочестивых родителей, ранние подвиги святого, его послушание, раздача бедным имущества, мученическая жизнь в бедности – заменяется в такой последовательности описанными этапами биографии пьяницы. Вместо благочестивых – у него родители «неподобны и безумны»; сам он в детстве не послушен, как святые, «а изволи по своей воли ходити»; от родителей он уходит не на подвиги благочестия, а «нача ходити на вечера и на вино многое»; имение он раздаёт не бедным, а расточает в кабаке. Параллель выдержана до конца, где вместо картины смерти праведника показан пьяница, которого из тюрьмы «ко злой смерти» ведут.

Пародирование церковных песнопений проведено с большим умением, и оригиналы отдельных частей «Службы кабаку» узнаются без труда. Иногда автор близко повторяет начало церковной песни, продолжая свободно развивать затем свою тему. В большинстве случаев автор выбирал для пародирования наиболее употребительные песнопения, надеясь таким образом легче вызвать у своих читателей подходящие ассоциации. Часослов, Минея служебная, Трефологий подсказывали ему образцы.

Хорошее знание порядка церковной службы, последовательности отдельных частей её и самого текста песнопений наводит на предположение, что автор знал церковную службу по своей профессии. Вместе с тем ритмическая речь, фольклорные пословицы, живой образный язык выдают в нём человека, не оторвавшегося от народной среды. Скорее всего, им был один из младших церковнослужителей, посещавших кабаки наравне с мирянами. Кабацкий быт он знает основательно и с особенным вниманием вспоминает пьянствующее духовенство, которое несёт в кабаки не только своё, но и церковное имущество: «поп и дьякон – скуфьи и шапки, однорядки и служебники; черницы – рясы, клобуки и свитки и все вещи келейныя; дьячки – книги и переводы, и чернилы и всякое платье и бумажники ..., пономари – воск и свечи»; «сорокоустные деньги» тоже пропивают попы и в то же время «помышляют, коего бы мертвеца с зубов одрать», как бы «у мужиков во братчинах напиться», а затем «от попадей жюрбы убежать».

Таким образом, явившись результатом роста классового самосознания демократических городских слоёв населения, сатира свидетельствовала об утрате церковью былого авторитета во всех сферах человеческой жизни.

Сатира затронула существенные стороны феодально-крепостнического общества, и её развитие шло рука об руку с развитием народной сатиры. Общая

идейная направленность, отсутствие отвлечённого морализирования сближало литературную сатиру с сатирой народной, что способствовало переходу сатирических повестей в фольклор.

Опираясь на опыт народной сатиры, литературная сатира часто использовала формы деловой письменности («судное дело», судебная отписка, челобитная), церковной литературы (церковная служба, житие). Основными средствами сатирического обличения являлась пародия, преувеличение, иносказание.

Реалистическое изображение действительности характеризует сатиру. Общественно значимая тема её берётся непосредственно из быта. В безымянных героях сатирических повестей давалось широкое художественное обобщение. Правда, герои ещё лишены индивидуальных черт, это лишь собирательные образы той социальной среды, которую они представляют. Но они были показаны в будничной повседневной обстановке, их внутренний мир раскрывался впервые в сатирических характерах. Реалистична и манера изложения, широко использующего бытовой язык, деловые формулы, пословицы и поговорки. Герои, срисованные с жизни, говорят своим повседневным языком, с присущей ему образностью, с умелым соблюдением интонаций, выражающих настроение говорящего.

Огромным достижением демократической сатиры явилось изображение, впервые в древнерусской литературе, быта обездоленных людей, «наготы и босоты» во всём её неприкрашенном убожестве.

Обличая беспорядки феодально-крепостнического строя, демократическая сатира не могла, однако, указать пути их устранения.

Демократическая сатира XVII в. сделала огромный шаг на пути сближения литературы с жизнью и заложила основы сатирического направления, которое развивалось в XVIII в. и достигло небывалых вершин в XIX в.

Появление и развитие русской поэзии

План:

1. Становление и развитие русской книжной поэзии.
2. Поэтическое наследие С. Полоцкого и его своеобразие.
3. Литературная деятельность последователей С. Полоцкого – С. Медведева и К. Истомина.

Литература:

1. Панченко А.М. Истоки русской поэзии // Русская силлабическая поэзия XVII – XVIII вв. – Л., 1970. – стр. 5-34.
2. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. – М., 1973. – стр. 3-77; 103-166.
3. Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. – Владимир, 1981. – стр. 73-121.
4. Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982. – стр. 7-45.
5. Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982. – стр. 203-258.
6. Гребенюк В.П. «Рифмологион» Симеона Полоцкого (История создания, структура, идеи) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982. – стр. 259-308.

Интернет-ресурсы:

7. Кусков В.В. Появление и развитие поэзии // Кусков В.В. История древнерусской литературы, 2015: https://studme.org/37093/literatura/istoriya_drevnerusskoj_literatury
8. Проблема барокко в русской литературе. Становление и развитие русской книжной поэзии. – Текст: электронный // Myfilology.ru – информационный филологический ресурс: [сайт]. – URL: https://myfilology.ru//russian_literature/russkaya-literatura-xi-xvii-vekov/problema-barokko-v-russkoj-literature-standovlenie-i-razvitie-russkoj-knizhnoj-poezii/

1. Становление и развитие русской книжной поэзии.

Одним из важных факторов истории русской литературы XVII в. было появление и развитие книжной поэзии.

Её возникновение относится к первой трети XVII в. и связано с усилением роли городов в культурной жизни страны и стремлением передовых слоёв русского общества освоить достижения европейской культуры, а также, по мнению А.М. Панченко, ослаблением роли фольклора. Русский речевой стих опирается, с одной стороны, на декламационный стих скоморохов, а с другой – использует опыт украинско-польской силлабической поэзии.

В период борьбы русского народа с польской интервенцией, в связи с усилением в литературе эмоционально-публицистического элемента, появляются

первые попытки дать образцы стихотворной речи. В «Сказании» Авраамия Палицына часто встречается рифмованная организация повествовательной речи. Рифмованными виршами завершается «Летописная книга», приписываемая Катыреву-Ростовскому. Как отмечает Л.И. Тимофеев, стих в этих произведениях целиком основан на средствах речевой выразительности и не обращается к каким-либо элементам музыкальности. Однако речевая структура стиха давала некоторую возможность передать внутреннее состояние человека, его индивидуальные переживания. Стих ещё не был упорядочен в ритмическом отношении: количество слогов в строке свободно менялось, на чередование ударений внимание не обращалось, рифма употреблялась преимущественно глагольная. Эти так называемые досиллабические вирши начинают приобретать всё большую популярность.

Но наряду с досиллабическими виршами уже в первой трети XVII в. появляются силлабические стихи. Они утверждаются преимущественно в жанре послания. Так, в 1622 г. князь С.И. Шаховской «Послание к некоему другу...» завершает 36 рифмованными неравносложными строками.

Поп Иван Наседка заканчивает свой полемический трактат «Изложение на люторы» силлабическими стихами. Обличения пишет виршами князь И.А. Хворостинин. В конце своей жизни он создаст полемический стихотворный трактат, направленный против еретиков, – «Предисловие изложено двоестрочным согласием, краестиховие по буквам» в 1000 стихотворных строк.

В I-ой половине XVII в. появляются сборники посланий, написанные силлабическим стихом. Один из таких сборников включает стихотворения «справщиков» Печатного двора с довольно разнообразной тематикой. Силлабические книжные песни создаются в начале 50-х годов XVII в. поэтами никоновской школы. Среди этих поэтов выделяется Герман, проявивший особую виртуозность в разработке акростиха, который можно читать справа налево и наоборот, снизу вверх и сверху вниз. Силлабические вирши начинают использоваться в описании гербов, в надписях на иконах, лубочных картинках. Однако эти вирши ещё не создали в русской литературе традиции силлабической поэзии: история её начинается литературной деятельностью Симеона Полоцкого.

2. Поэтическое наследие С. Полоцкого и его своеобразие.

Талантливый проповедник, учёный полемист и богослов, переводчик и педагог, Симеон Полоцкий в историю русской литературы вошёл, прежде всего, как основоположник русской силлабической поэзии. С самого начала своей литературной деятельности Симеон Полоцкий примкнул к направлению, которое в его время было господствующим в украинской и польской виршевой поэзии – барокко. Его стихи – наиболее яркое и полноценное выражение барокко в русской литературе XVII в., в которых налицо все характерные признаки этого стиля: аллегоризм, интерес к греко-римской мифологии, большое развитие стилистических «украшений», имеющих чисто орнаментальное назначение, нарочито затруднённая речь в результате необычной расстановки слов и т. п. Строгий ревнитель чистоты усвоенного им литературного стиля, Симеон Полоцкий тщательно следил, в особенности первые годы своей литературной деятельности, за тем, чтобы стихи его соответствовали всем нормам этого стиля. Он вошёл в историю русской

силлабической поэзии как классик силлабического стиха, канонизатор строгой точности в счёте слогов, обязательной цезуры в одиннадцати и тринадцатисложном стихе, преимущественно женской рифмы и «переноса». Также следует отметить, что его стих был тесно связан с тем рафинированным книжным «славенским языком», который им сознательно противопоставлялся языку разговорному.

Его поэтическое наследие очень велико. Подсчитано, что он оставил, по крайней мере, пятьдесят тысяч стихотворных строк. Нет, кажется, жанра, в котором Симеон Полоцкий не пытался бы написать стихотворение. Такая плодовитость отражала основную творческую установку поэта. Как человек европейской ориентации, он невысоко ставил древнерусскую литературу. Он считал, что его задача – создать в России новую словесную культуру.

Для неё нужны были потребители, способные её оценить и воспринять. Хорошо понимая, что таких потребителей ещё предстоит воспитать, Симеон Полоцкий стремился «насытить» быт царского двора и столичной аристократии силлабическими виршами. В праздничные дни публично исполнялись его стихотворения в жанрах «декламации» и диалога, причём чтецами выступали и сам автор, и специально обученные «отроки». Публично исполнялись также «приветства» – панегирики. Симеон Полоцкий старался использовать каждый мало-мальски подходящий случай, когда казалось уместным произнести речь в стихах. Они звучали на царских парадных обедах, в боярских хоромах и в церкви в дни храмовых праздников.

Незадолго до своей смерти, в 1678 г. Симеон все свои стихи, сложенные в различное время, объединил в два обширных сборника – «Рифмологион» и «Вертоград (сад) многоцветный». Оба сборника представляют первостепенный интерес для характеристики Симеона Полоцкого как поэта.

В состав его первого сборника вошли панегирические вирши (800 стихотворений), написанные им на разные случаи жизни: по поводу различных событий из жизни преимущественно царской семьи и приближённых ко двору лиц – «Приветство» царю Алексею Михайловичу «о вселении его благополучном в дом ... в селе Коломенском новосозданный», «Ко государю царю приветство по новом браце» и т. п. Все эти стихотворения Симеона Полоцкого, приветственные, поздравительные, хвалебные, относятся к разряду *поэзии панегирической*. Центральное место в составе «Рифмологиона» занимают его так называемые «книжицы приветственные» – циклы стихотворений, объединённых единством темы и композиционного замысла. Их пять: три «приветственные» в прямом смысле этого слова и две траурные.

В особенности эффектна вторая по времени «книжица приветственная» Симеона Полоцкого – «Орёл российский». Она была поднесена поэтом царю Алексею Михайловичу и сыну его великому князю Алексею Алексеевичу в день нового года 1 сентября 1667 г., когда царевич был объявлен наследником престола.

«Орёл российский» – сложное литературное сооружение, построенное по всем правилам «барочной» литературной архитектоники. На фоне звёздного неба ярко блистает своими сорока восьмью лучами солнце, движущееся по зодиаку; в каждый его луч вписаны добродетели царя Алексея Михайловича. На фоне солнца – венценосный двуглавый орёл со скипетром и державою в когтях. Сам текст

панегирика написан в форме столпа – колонны, опирающейся на основание прозаического текста.

Одно из наиболее эффектных мест «Орла российского – панегирик (похвальное слово), составленный одиннадцатисложными силлабическими стихами. Весь он состоит из равномерно чередующихся риторических обращений и вопросов, украшенных разного рода сравнений, уподоблений, метафор, характерных своим типично «барочным» гиперболизмом. Подобно солнцу, «во Российском небе» сияет царь Алексей Михайлович и «пресветло» освещает весь мир лучами своих «доброт». Пресветлое имя его славится в самых отдалённых странах, где златовласый Титан пускает своих коней, где престол Нептуна, где Эол повелевает. Своим правдолюбием и «изгнанием лести» он превосходит Александра Великого, Тита, римского императора, Соломона. Блаженны те, которые служат ему, потому что милость его безмерна: ни Ганг, ни Пактол не приносят столько золотого песку, ни обильная роса столько влаги, сколько оказывает «доброт» царь Алексей. Свет его в семь раз светлее лучей Феба.

Далее следует изображение солнца, которое испускает, как уже было отмечено, сорок восемь лучей, где в каждом луче вписана одна из присущих царю Алексею Михайловичу добродетелей: «правдолюбие», «правосудство», «щедродаяние», «словопостоянство», «добронравие», «уветливость» и т. п.

Второе солнце, которым может гордиться Орёл российский, – его сын, царевич Алексей, который вместе с отцом составляет единое целое.

Далее следует рисунок зодиака и стихотворное объяснение каждого из его знаков: овна, тельца, близнецов, рака, льва и пр. В аллегорическом толковании поэта каждый знак зодиака знаменует собою одно из тех качеств, приобрести которое должен царевич по примеру своего отца: смирение, труд «учения», правосудие, любовь к ближним и своему народу. Рисуя царевичу образ идеального монарха, поэт намекал в отдельных случаях, осторожно, не выходя за рамки панегирика, на необходимость разрешения многочисленных политических задач.

Затем следуют стихи, написанные в виде сердца, в которых автор выражает лучшие пожелания всему царскому семейству. Далее следует акrostих и пять посвящённых Алексею Михайловичу анаграмм. В заключении выступают музы и говорят, что скорее перо остановится, чем они перестанут хвалить царя. Заканчивается «Орёл российский» ещё одним стихотворным восхвалением и криптограммой, в которой автор искусно зашифровал своё имя.

Историко-литературное значение и этого панегирика Симеона Полоцкого и других его панегирических стихотворений, вошедших в «Рифмологион», не подлежит сомнению. В истории русской поэзии они положили начало традиции, следы которой отчётливо заметны даже у поэтов-одописцев II-ой половины XVIII в. Не избежал воздействия этой традиции даже такой мастер, как М.В. Ломоносов. Многие из его поэтических гиперболов – сравнение России с небом, царя с орлом или солнцем и т. п. – восходят именно к той поэтической фразеологии, основоположником которой в русской «хвалебной», панегирической поэзии был Симеон Полоцкий.

В лице Симеона Полоцкого русская культура XVII в. приобрела не только первого поэта-панегириста, но и первого поэта-просветителя. Плодом этой просветительской деятельности и явился второй монументальный сборник его

стихотворений – «Вертоград многоцветный» (1678) – своего рода поэтическая энциклопедия, в которой стихотворения расположены в алфавитном порядке названий. В состав этого сборника вошло около 2957 виршей самых разнообразных жанров. Не менее разнообразен он и в тематическом отношении.

«Вертоград многоцветный» носит иной характер, нежели «Рифмологион». Это действительно поэтическая энциклопедия, в которой поэт хотел дать читателю широчайший свод знаний – прежде всего по истории, античной и средневековой западноевропейской. Здесь соседствуют мифологические сюжеты и исторические анекдоты о Цезаре и Августе, Александре Македонском, Диогене, Юстиниане и Карле Великом. Во многих стихотворениях использована «Естественная история» Плиния Старшего. «Вертоград» даёт сведения о вымышленных и экзотических животных – птице-фениксе, плачущем крокодиле, страусе, о драгоценных камнях и пр. Также здесь можно найти изложение космогонических воззрений, экскурсии в область христианской символики.

Немало стихотворений дидактических, содержащих в себе то или иное нравоучение. Так, в стихотворении «Гражданство» С. Полоцкий говорит о необходимости каждому человеку, в том числе и правителю, строго блюсти установленные законы. Основой общества поэт считает труд, и первейшая обязанность человека – трудиться на благо общества. Впервые намечена поэтом тема, которая займёт видное место в русской классицистической литературе – тема противопоставления идеальному правителю, просвещённому монарху тирана, жестокого, своевольного, немилостивого и несправедливого.

Философский вопрос о смысле жизни поднимает Симеон Полоцкий в стихотворении «Достоинство». Истинное блаженство поэт видит не в погоне за почестями, чинами, знатностью, а в возможности человека заниматься любимым делом.

Встречаются изредка и стихотворения шуточные, всё содержание которых сводится к какому-нибудь анекдоту или забавному каламбуру. Можно найти в «Вертограде многоцветном» стихотворения, которые условно можно отнести к социальной сатире, – условно потому, что сатира эта ещё очень абстрактна и отражает современную автору действительность преимущественно сквозь призму известных ему литературных образцов этого рода поэзии. Сюда относятся стихотворения, направленные против невежд, пьянства, ростовщичества, стихотворные размышления автора о невыгодах женитьбы для человека, желающего посвятить себя научной деятельности, о трудностях для вдовы сохранять верность покойному мужу и т. п. («Невежда», «Чародейство» и мн. др.)

Наиболее значимые стихотворения из разряда обличительных – «Монах» и «Купецтво». Первое стихотворение направлено против пьянства и чревоугодия монахов, а второе – представляет собою не лишённый колоритности очерк старинных русских торговых обычаев и купеческих нравов с подробным перечислением всех тех мошеннических способов, к которым прибегают купцы, когда хотят обмануть своих покупателей. Сатира «Монах» строится на противопоставлении идеала и действительности: в начале поэт говорит о том, каким должен быть настоящий монах, а затем переходит к обличению. Сатирические зарисовки пьянства, чревоугодия, нравственной распущенности монахов даны довольно ярко. Симеон Полоцкий спешит подчеркнуть, что в его сатире речь идёт

не о всех монахах, а только о «бесчинных», которых он и обличает «с плачем». Цель его сатиры нравоучительно-дидактическая – способствовать исправлению нравов, и в заключение поэт обращается к «бесчинным» инокам с призывом перестать «сия зла творити».

Эта моралистическая дидактика, стремление исправить пороки общества и тем самым укрепить его основы отличает дворянско-просветительскую сатиру С. Полоцкого от демократической сатирической повести, где обличение носит социально острый, более конкретный характер.

«Вертоград многоцветный» – сборник, преследующий, как уже было отмечено, преимущественно научно-популяризаторские и дидактические цели: стихотворения в стиле «Орла российского» сюда не вошли. Но специфические «барочные» черты свойственны и этому сборнику: аллегоризм и его спутники – вычурные сравнения и уподобления и здесь нашли своё место. Также он отражает и несколько основополагающих мотивов барокко – прежде всего идею о «пестроте» мира, о переменчивости сущего, а также тягу к сенсационности, присущую барокко. Поэтому Симеона Полоцкого сфинкс и саламандра, феникс и сирена, пеликан и кентавр, магнит и янтарь сами по себе не интересуют. Интересна только их умопостигаемая сущность, только скрытое в них Слово, – ибо Слово, по его глубокому убеждению, – главный элемент культуры.

С точки зрения Симеона Полоцкого, поэт – это «второй бог»: подобно тому, как бог Словом строит мир, поэт словом своим извлекает из небытия людей, события, мысли. Он представляет себе мир в виде книги или алфавита, а элементы мира – как части книги, её листы, строки, слова, литеры:

Мир сей преукрашенный – книга есть велика,
еже словом написана всячески владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают,
яже чудна писмена в себе заключают.
Первый же лист есть небо, на нём же светила,
яко писмена; божия крепость положила.
Вторый лист огонь стихийный под небом высоко,
в нём яко писание силу да зрит око.
Третий лист преширокий аер можно звати,
на нём дождь, снег, облаки и птицы читати.
Четвёртый лист – сонм водный в ней ся обретают,
в том животных множество удобь ся читает.
Последний лист есть земля с древесы, с травами,
с крушцы и животными, яко с писменами...

Слово воспринималось как инструмент преобразования мира, как средство создания новой европейской культуры. Поэтому просветительские планы Симеона Полоцкого были, прежде всего, планами гуманитария. Эти планы пытались воплотить в 80-х гг. его ученики и последователи Сильвестр Медведев и Карион Истомина.

3. Литературная деятельность последователей С. Полоцкого – С. Медведева и К. Истомина.

Современники Сильвестра Медведева (1641-1691) характеризовали его как «человека великого ума и остроты учёной». Его поэтическое наследие невелико.

Писать стихи он начал лишь после смерти С. Полоцкого: при жизни учителя С. Медведев, видимо, не решался состязаться с ним на этом поприще. Впервые публично в роли поэта он выступил в 1680 г. В этом году, вскоре после смерти С. Полоцкого, царь Фёдор Алексеевич, желая почтить память своего бывшего учителя приличной эпитафией, соответствовавшей его заслугам, приказал С. Медведеву составить её в стихах. Так появился его «Эпитафион» Симеону Полоцкому. Для него он написал четырнадцать кратких эпитафий, но ни одна из них царю не понравилась. В последней редакции его труд принял вид обширного стихотворения, первая из двенадцати строф которого начиналась следующими строками:

Зряй, человеце, сей гроб, сердцем умилися.

О смерти учителя славна прослезися...

В «Эпитафионе» С. Медведев прославляет заслуги С. Полоцкого, пекущегося о пользе ближнего, перечисляет его труды. На этот раз царь одобрил творение Сильвестра.

Его перу принадлежат и панегирические стихотворения, посвящённые царю Фёдору Алексеевичу («Приветство брачное» и «Плач и утешение» по поводу кончины Фёдора), и царевне Софье («Подпись к портрету царевны Софьи»).

В 1681 г. С. Медведев составил «Благожелательное приветствование» царю по случаю рождения царевича Ильи Фёдоровича, но поднести его не успел: царевич скончался. В 1682 г. он переделал его в «Приветство брачное» (по случаю второго бракосочетания царя Фёдора), которое Сильвестр 18 февраля, три дня после торжества, собственноручно и поднёс царю. Когда 27 апреля 1682 г. царь Фёдор скоропостижно умер, С. Медведев почтил его память длинной элегией под заглавием «Плач и утешение».

Из стихотворений поэта, написанных им после 1682 г., наиболее замечательны стихотворное «Вручение» проекта Академии, поднесённое царевне Софье 21 января 1685 г. и «Подпись» к её портрету с латинским стихотворным переводом. Первое стихотворение представляет собою просьбу утвердить проект Академии; автор выражает уверенность, что царевна исполнит эту просьбу, и прославляет её мудрость. Второе стихотворение – типичный образец «барочной» панегирической лирики: тут Софья сравнивается и с Семирамидой, и с Елизаветой Британской, и с мудрой царицей Пульхерией; прославляется её «премудрость», сияющая в «царском лице», её «честь», блистающая «в очесех и в устех», и пр.

Стихи С. Медведева мало оригинальны. Установлено, что почти все они представляют собою более или менее искусный монтаж частью из стихотворений С. Полоцкого, частью из стихотворений, ранее им самим написанных. Так, например, «Благожелательное приветствование» всё целиком составлено из стихов, взятых им из «Рифмологиона» Симеона Полоцкого; «Приветство брачное» переделано из «Благожелательного приветствования» с добавлением ряда стихов, заимствованных у своего учителя; «Вручение» проекта Академии включает в себе, помимо стихов того же Симеона Полоцкого, ряд стихов и из ранее написанного С. Медведевым «Приветства брачного» и т. д.

Сохранившиеся черновики поэта свидетельствуют о том, что он много и упорно работал над своими стихами. И, тем не менее, у него нередко хромают стихотворные размеры; рифмующиеся слова отягчаются (как, впрочем, и у С. Полоцкого), неправильными ударениями (славы – главы, деницу – двоицу и т.п.);

часто встречаются неточные рифмы (премудрости – обрести, концерты – бессмертны, супостаты – успевати и пр.). Искусство стихотворства, очевидно, нелегко давалось С. Медведеву. Наблюдая за тем, как перерабатывал он стихи Симеона Полоцкого, нетрудно заметить одну характерную для него тенденцию: поэт более или менее вытравлял из стихов своего учителя аллегорические уподобления, мифологические подробности, снижая вычурность его стилистики. Эстетическая функция этих стилистических «украшений» Симеона Полоцкого, видимо, была не вполне ясна для С. Медведева.

Более талантливым и плодовитым учеником С. Полоцкого был Карион Истомина (? – 1717).

Первым по времени стихотворным произведением К. Истомина была целая книга приветственных стихов царевне Софье Алексеевне, поднесённая в 1681 г. (книга не дошла до нас). Через год, 12 ноября 1682 г., он поднёс царевне свой второй сборник стихотворений. Сборник состоит из небольшого вступления и шестнадцати стихотворений, составленных одиннадцатисложными силлабическими стихами. По своему содержанию все эти стихотворения представляют собою просьбу об учреждении в Москве учебного заведения, в котором преподавались «свободные» науки; поэт здесь подробно говорит о значении просвещения, восхваляет ум Софьи, напоминает ей о заботах отца её и брата образовать своих подданных и просит, чтобы она умолила братьев своих Иоанна и Петра утвердить в Москве полный курс «наук совершенных».

Поэтическое наследие К. Истомина очень велико. Он писал в самых разнообразных жанрах; наряду со стихами приветственными, поздравительными, панегирическими сохранились его стихотворные акафисты, молебны, молитвы, надписи к иконам, надгробные эпитафии. Пробовал себя даже в жанре героической поэмы, попытавшись тринадцатисложными стихами описать второй Крымский поход князя В.В. Голицына (1689). Особенно ему удавалась медитативная лирика – стихотворные размышления о суете земной жизни, о душе человека, о смерти. Поэт он был плодовитый. Кроме отдельных стихотворений, в рукописях хранятся целые сборники его стихов: книга «Вразумление» (1683), сборник стихотворений в честь богородицы и святых под заглавием «Книга Стамна духоносная или Ведры...» (1690), стихотворная биография Иисуса Христа (1693) и др.

Из числа этих сборников по содержанию наиболее интересен первый, посвящённый одиннадцатилетнему царю Петру Алексеевичу, – «Вразумление». Сборник состоит из девяти стихотворений. Начинается он стихотворным обращением к царю с обычным пожеланием здоровья и долголетия. Все стихотворения сборника по содержанию связаны между собою: все они представляют «вразумление» Петру Алексеевичу, которое ему даёт устами автора сам бог. Так, например, в первом стихотворении бог увещевает юного монарха вручить ему своё сердце, принять «мудрость света», чтобы быть полезным людям; во втором даёт совет быть помощником брата Иоанна в управлении государством; в третьем обещает дать Петру мудрость, плодами которой он впоследствии воспользуется; в пятом указывается на то, что, будучи вместе с братом Иоанном поставлен царём, должен давать людям суд правый; в шестом внушается, что он должен наставлять на путь правый своих подданных; в восьмом ему обещается награда от бога, если он будет любить его и т.д.

Особо должны быть отмечены заслуги К. Истомина в деле пропаганды стихотворной культуры. Автор нескольких учебных руководств, он охотно пользовался стихами как орудием популяризации тех или иных научных сведений. Показательны в этом отношении два его учебника: «Малый букварь», выдержавший в 1684 г. два издания, «Большой букварь», изданный в 1696 г. В «Букваре» каждая буква сопровождалась небольшим нравоучительным стихотворением, составленным с таким расчётом, чтобы в нём упоминались названия всех тех изображений, которыми украсил «Букварь» известный гравёр Леонтий Бунин. Так, например, буква *ж* в «Букваре» Кариона Истомина сопровождается стихотворением, в котором упоминаются все приложенные к ней «образы»: жених, жена, жезл, житница, жёлудь, журавль, жребий, жила, жаба ...

Стихами была написана и книга «Полис», которая представляет собой род энциклопедии. В краткой стихотворной форме здесь дана характеристика двенадцати наук, расположенных в таком порядке: грамматика, синтаксис, пиитика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, философия, астрология, теология, музыка, медицина. За науками следует характеристика четырёх времён года, четырёх частей горизонта, четырёх частей света (Европы, Азии, Африки и Америки). Заканчивается сочинение К. Истомина описанием церковных таинств и благодарностью богу. «Полис», таким образом, по мысли автора, должен был служить для учащихся введением к сумме всех человеческих знаний, пропедевтическим курсом, излагающим систему всех наук.

К числу стихотворных произведений Кариона Истомина, также педагогического характера, относится его «Домострой». Адресованный в первой части к детям-школьникам, «Домострой» излагает правила поведения их, учит как относиться к старшим, предупреждая о наказании за нарушение правил.

Таким образом, благодаря деятельности Симеона Полоцкого и его ближайших учеников и последователей силлабический стих начинает широко применяться в литературе. Возникает новый поэтический род – лирика, появление которой – яркое свидетельство начала дифференциации личности. Принципы силлабического стихосложения, разработанные во II-ой половине XVII в., получили дальнейшее развитие в творчестве поэтов-силлабиков первой трети XVIII столетия: Петра Буслаева, Феофана Прокоповича.

Однако силлабический стих не вытеснил полностью досиллабического, который даже пережил его и закрепился в позднейшем раешном стихе, в то время как на смену силлабике пришла силлабо-тоническая система русского стихосложения, разработанная В.К. Тредиаковским и М.В. Ломоносовым.

Начало русского театра и драматургии

Литература:

1. Асеев Б.Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. – М., 1977.
2. Всеволодский-Гернгросс В.Н. История русского драматического театра. – М., 1977. – т. I: От истоков до конца XVIII века.
3. Софронова Л.А. Поэтика славянского театра XVII – первая половина XVIII века: Польша, Украина, Россия. – М., 1981.

Интернет-ресурсы:

4. Архангельская А.В. Ранняя русская драматургия: <https://portal-slovo.ru/philology/37363.php>
5. Появление театра и драматургии в России в XVII в. // Ранняя русская драматургия (XVII – первой половины XVIII века). Первые пьесы русского театра – М.: Наука, 1972: https://imwerden.de/pdf/rannaya_russkaya_dramaturgiya_tom1_pervye_piesy_1972__ocr.pdf
 - **Артаксерксово действие**, стр. 461-468
 - **Иудифь**, стр. 469-476

В последней трети XVII столетия возникает первый в России придворный театр, появление которого дало толчок становлению и развитию нового рода литературы – драмы.

Инициатива создания принадлежала главе Посольского приказа Артемон Матвееву. Этот выдающийся государственный деятель был образованнейшим человеком своего времени и страстным пропагандистом светской литературы и искусства. Царь Алексей Михайлович поддержал его инициативу, и весной 1672 г. началась подготовка к организации первого придворного театра. Артемон Матвеев начал переговоры с пастором Немецкой слободы Иоганном Грегори, предлагая ему набрать труппу актёров и начать их обучение. Но Иоганн Грегори стал не только первым режиссёром-постановщиком, а и драматургом. Его перу принадлежит пьеса на библейский сюжет «*Артаксерксово действие*»*.

Открытие театра и первое представление состоялось 17 октября 1672 г. в Преображенском. Царь был доволен невиданным зрелищем; в продолжение десяти часов он внимательно следил за ходом спектакля. Успех первого представления решил судьбу театра при дворе Алексея Михайловича. Он стал существовать на правах постоянного придворного учреждения. Преображенский театр считался летним. 22 января 1673 г. в Кремлёвских палатах над дворцовой аптекой был открыт и зимний театр.

Первое время спектакли шли на немецком языке. Этот недостаток вскоре был устранён организацией русской труппы, набранной из детей мещан и подьячих и отправленной в Немецкую слободу к пастору Иоганну Грегори «для учения комедийного действия». Женщин в труппе не было, и женские роли исполнялись мужчинами. Начало в этой первой русской театральной школе относится, по видимому, уже к сентябрю 1672 г. Занятия в школе шли не круглый год, а только в те периоды, когда готовилась к постановке очередная пьеса.

До 1675 г. во главе театра и открытой при нём театральной школы стоял Иоганн Грегори. 16 февраля 1675 г. он умер, и руководство театральным делом перешло к его ближайшему сотруднику и помощнику Юрию Гивнеру, а с конца 1675 г. – к Степану Чижинскому, бывшему учителю латинского языка в Киевской коллегии.

«Комедии» (термин «комедия» тогда употреблялся в значении драматического произведения, пьесы вообще) ставились до конца царствования Алексея Михайловича. После смерти царя – 29 января 1676 г. – положение театра резко изменилось. С воцарением Фёдора Алексеевича постановки прекратились. Не разделявший театральные увлечения своего отца, он приказал комедийные палаты над аптекарским приказом очистить, а в селе Преображенском – «наряд комедийный, платье и что есть какова строенья» припрятать впредь до дальнейшего о них указа. Театр прекратил своё существование.

Репертуар театра Алексея Михайловича состоял из пьес преимущественно на сюжеты, заимствованные из библейских книг. В день открытия представлений в Преображенском, как уже было отмечено, была поставлена пьеса «Артаксерксово действо» (по книге «Есфирь»). Этот библейский сюжет был выбран для первого представления не случайно: история Есфири отчасти напоминала историю избрания царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной в невесты царю и, следовательно, должна была вызвать к себе живейший интерес при дворе. Вслед за «Артаксерксовым действом» шли «Комедия о Товии младшем» (1673), «Иудифь» (1674), «Комедия об Адаме и Еве» (1675), «Малая прохладная комедия об Иосифе» (1675), «Комедия о Давыде с Голиафом» (1676). Наряду с пьесами на библейские и житийные сюжеты в репертуар театра вошли и пьесы на исторические сюжеты. Большим успехом пользовалась историческая драма о Тамерлане и Баязете – «Темир-Аксаково действо». Реже ставились пьесы на античные сюжеты – не дошедшая до нас «Комедия о Бахусе с Венусом» и балет «Орфей», о котором сохранились самые общие сведения.

С самого начала зарождения русской драматургии пьесы разделились по жанрам:

- 1) «жалостные» или «жалобные» (с трагической развязкой, что соответствовало трагедии);
- 2) «прохладные» (доставляющие удовольствие, с благополучной развязкой, что соответствовало драме);
- 3) «потешные» или «радостные» (т. е. весёлые пьесы, что соответствовало комедии).

Особенности русской драматургии:

- 1) пьесы больше тяготели к эпическому повествованию, нежели к сценическо-драматическому действию;
- 2) тесное переплетение трагического и комического, рядом с высокой патетикой давались комические фарсовые сцены;
- 3) параллельно с трагическими героями действовали комические «дурачки» персонажи;
- 4) прослеживается связь изображаемого на сцене с современной (придворной) жизнью;

- 5) обязательным элементом пьесы являлась интермедия, которая ставила своей целью развлечь зрителя, внести комическую разрядку в общий серьёзный тон основного действия.

Все эти особенности драматургии можно проследить на комедии *«Иудифь»**. Пьеса представляет собой инсценировку библейского сюжета. В ней прославляется героический самоотверженный подвиг красавицы Иудифи, которая, обольстив своей красотой ассирийского полководца Олоферна, отрубает ему голову и тем самым спасает свой родной город Вефулию от врага.

Пьеса состоит из 7 актов и 29 сцен, однако главная героиня появляется лишь в четвёртом действии. Высокая торжественная патетика архаической книжной речи характеризует героический образ Иудифи и Олоферна.

Рядом с трагическими героями и их высокой патетикой действуют «дурачки» персонажи: служанка Иудифи Абра и ассирийский воин Сусахим. Они находятся во власти низменных человеческих чувств: трусости, страха за свою жизнь. Фарсовыми приёмами, нарочито сниженной просторечной разговорной интонацией речи в пьесе раскрывается комизм их положения.

В пьесе действуют 63 персонажа. Они делятся на положительных и отрицательных, их характеры статичны.

В предисловии к пьесе *«Иудифь»* подчёркивался политический смысл произведения: торжество Иудифи над ассирийцами и их полководцем Олоферном – символ грядущего торжества русского царя над своими врагами – «безбожными турками». В ней отразились представления о переменчивости жизни, характерные для литературы переходной эпохи.

Пьесы, ставившиеся на придворной сцене, показывали прошлое, воскрешали его. Артаксеркс, который, как говорилось в «комедии», уже две тысячи лет в гроб заключён, в первом своём монологе трижды произносил слово «ныне». Он, как и другие «воскрешённые» персонажи, «ныне» жил на сцене, «ныне» говорил и двигался, казнил и миловал, тужил и радовался. Для современного зрителя в «оживлении» давно умершего государя не было бы ничего удивительного: это обыкновенная сценическая условность. Но для царя Алексея Михайловича и его приближённых, не получивших западноевропейского театрального воспитания, «воскрешение прошлого» на сцене было подлинным переворотом в их представлениях об искусстве. Оказалось, что о прошлом можно не только рассказывать, повествовать. Прошлое можно показать, оживить, изобразить как настоящее. Театр создавал художественную иллюзию действительности, как бы «отключал» зрителя от реальности и переносил его в особый мир – мир искусства, мир ожившей истории.

Итак, театр создавал художественную иллюзию жизни. Но какая жизнь предстала перед глазами русского зрителя, каких людей он видел на сцене? Хотя это были «воскрешённые» люди минувшего, они удивительным образом были похожи на тех, кто находился в «комедийной храмине». Герои пьес находились в постоянном движении, они поражали своей активностью и энергией. Они призывали «поспешать», «не мешкать», «скоро творить», «не губить время». Эти герои не были созерцателями, они хорошо «ведали своё дело», «подымали труды», презирали ленивых. Их жизнь была заполнена до отказа. «Воскрешённая история» изображалась как калейдоскоп событий, как бесконечная цепь поступков.

«Деятельный человек» ранней русской драматургии соответствовал тому стилю поведения, который сложился накануне и особенно в период петровских преобразований. В это время рушился старинный идеал «благообразия», «благолепия» и «благочиния». Если в средние века предписывалось поступать тихо и «косно», а не «с тяжким и зверообразным рвением», то теперь энергичность стала положительным качеством. Именно во II-ой половине XVII в. слово *косность* приобрело отрицательный смысловой оттенок.

Сама жизнь, которую наблюдали на сцене зрители придворного театра, менее всего располагала к спокойствию. Это была пёстрая, переменчивая жизнь, в которой переходы от горя к радости, от веселья к слезам, от надежды к отчаянью и наоборот совершались быстро и внезапно. Герои пьес жаловались на переменчивое, проклятое, предательское счастье – Фортуны, колесо которой одних возвышает, а других ниспровергает. «Воскрешённый мир» состоял из противоречий и противоположностей.

Новая государева «потеха» была не только развлечением («комедия человека увеселити может и всю кручину человеческую в радость превратить»), но и школой, в которой «многие благие научения ... выразумети мочно ... чтобы всего злодейства отстать и ко всему благому приставать». Театр был «зерцалом», в котором зритель узнавал и познавал самого себя.

Таким образом, появление драматургии в русской литературе 70-х годов XVII в. было связано с формированием придворной культуры. Её открытия и достижения были использованы театром начала XVIII в.

Появление придворного театра способствовало развитию школьной драматургии. Жанр школьной драмы был хорошо известен воспитанникам Киево-Могилянской академии, где он использовался в нравственно-воспитательных целях.

Одной из самых популярных пьес, которая предназначалась для школьного театра была «Комедия притчи о блудном сыне» Семёона Полоцкого. Она, вероятно, разыгрывалась для назидательного представления выпускниками Московской школы.

Большую роль в развитии школьной драматургии сыграл и Дмитрий Ростовский (1651-1709). Для учащихся духовных школ Ростова, Ярославля им были написаны «Рождественская драма», «Успенская драма» и «Грешник кающийся».

Школьная драма стоит в преддверии классицистической драматургии: логически последовательное развитие действия, чёткость композиции, деление персонажей на положительные и отрицательные, дидактизм, стремление к логически обобщённому изображению явлений действительности – вот те элементы классицистической драматургии, которые начинают складываться в школьном театре.

«Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде»: опыт сравнительно-типологического анализа

Из всех памятников средневекового героического эпоса ближе всего к «Слову» находится «Песнь о Роланде».

Эпоха феодальной раздробленности была для русского народа особенно трагичной в связи с нависшей над Русью половецкой опасностью, что в этих условиях неудачный поход новгород-северского князя стал для автора «Слова» поводом к созданию поэтического шедевра, воплотившего заветные чаяния русского народа.

И основная мысль «Песни о Роланде», возникшей и оформившейся в течение IX – XII вв. в единое, целостное произведение, отражала заветные стремления лучших людей тогдашней Франции.

Обобщение важнейшей гражданской темы возникает в «Слове» на основе конкретного исторического факта – похода Игоря Святославича, начавшегося 23 апреля 1185 года и вскоре бесславно завершившегося поражением войска и пленением князей-военачальников.

Точно так же «Песнь о Роланде» поэтически воспроизводит подлинные события VIII века. Карл Великий в 778 году совершил поход на Испанию, захваченную маврами, но вынужден был вскоре возвратиться за Пиринеи. Баски и мавры напали в Ронсевальском ущелье на арьергард его войска, перебили отступавших франков и в числе прочих предали смерти Хруотланда, маркграфа Бретани. Неприятная, но не особенно значительная неудача экспедиционного корпуса франков переосмыслиется легендой в грандиозную битву христианского войска с неверными, в сражение, решившее судьбы всего христианского мира.

И в «Слове о полку Игореве» и в «Песне о Роланде» авторы произведения выступают современниками событий, они постоянно обращаются к своим читателям-слушателям, переживают вместе с героями, скорбят и радуются.

Призыв к единству также роднит оба произведения: в «Слове» это выражается и через картины русской земли, полной городов и сёл, многолюдной и обширной, а в «Песни» герои постоянно обращаются мыслями к «милой Франции», общей для всех родине.

Тяжкие последствия отсутствия единства изображены в «Слове» и через трагический образ Игоря, действующего по феодальной формуле «мы себе, а ты себе».

В «Песни» источником трагедии становится неукротимый нрав, несдержанность и безрассудство гордого Роланда. Князь Игорь отправляется в поход, заранее обречённый на неудачу, ибо основное для него – достижение личной славы, хотя нельзя упускать из виду, что за честолюбием, жадной славы Игоря стоит всё же намерение обезопасить степные границы Руси, коль скоро в эпоху феодальной раздробленности он нападает не на слабейших соседей (а из истории известно, что перед этим он принимал прямо-таки яростное участие в междоусобицах), но идёт походом на «поганых». Роланду гордыня не позволяет вовремя призвать на помощь Карла. Тысячи русских воинов навсегда остаются на поле битвы, двадцать тысяч франков гибнут в Ронсевальском ущелье. Тягостно сокрушение пленного Игоря, горько и раскаяние Роланда под конец битвы.

Сочувствие и осуждение, порицание и восхищение, скорбь и гордость – сложное сочетание этих чувств испытывают авторы «Слова» и «Песни», когда ведут рассказ о главных героях своих творений.

И всё же любовь к родине, мысль о необходимости не «розно», а вместе с другими русскими князьями, всенародно отстаивать целостность и независимость русских земель становятся итоговыми для Игоря – героя «Слова», как, впрочем, и для исторического князя-прототипа, осознавшего необходимость единства в борьбе с половцами. И Роланд полон патриотических чувств. Франция – его душевное моление, символ его веры. Её благо, её честь – превыше всего. Даже когда горячность отваги затемняет разум героя, его глубинным, скрытым мотивом действия остаётся служба родине.

Авторы «Слова» и «Песни» не ограничивают критику феодального своеволия, сосредоточивая внимание лишь на ошибках и личных недостатках Игоря и Роланда. Причина катастроф рассматривается ими более глубоко и обстоятельно, они подвергают анализу и беспощадно осуждают систему феодальных отношений, при которых родство, кровная обида, интересы клана могут стать выше интересов государственных, более того: могут поставить под угрозу существование единого государства. Вспомним, сколько темперамента и боли вызывают у автора «Слова» воспоминания о злых деяниях родоначальников феодальной смуты на Руси – Олега Гориславича и Всеслава Полоцкого.

Злосчастная судьба князей этих должна, по мысли автора, показать их беспокойным потомкам необходимость согласованных действий против внешнего врага. Всеслав Полоцкий безусловно осуждается автором, но некоторые качества вызывают и авторское сочувствие, поскольку он «вещий», «неприкаянный» и не лишён воинской доблести.

В известном смысле аналогом этих персонажей оказывается в «Песни» Ганелон. Характерна художественная объективность в его изображении, а следовательно, и идеи, за ним стоящей. Он не имеет изъянов ни физических, ни нравственных, держит себя с достоинством и удалю перед Марсилием и Карлом. Но обстоятельства ведут Ганелона к предательству, и вина его прежде всего в забвении долга вассала, не пожелавшего исходить в своих поступках из интересов сюзерена Карла, а стало быть, по автору, из общегосударственных интересов. Потому и суд над Ганелоном – это, прежде, всего суд над феодальным своеволием.

В обоих случаях позиции авторов очень близки. В изображении автора «Слова» князья-вотчинники предстают как бы перед судом истории и обвинительным приговором читателей караются.

Более расходятся по значимости религиозные мотивы в «Слове» и «Песни». Разумеется, князья-феодалы нарушают божью волю – так полагает автор. И противниками храбрых русичей выступают «поганые». Но всё же сама по себе идея религиозной борьбы звучит в «Слове» куда более приглушённо, нежели в «Песне». Божья благодать, божья сила, божьи знамения – всё это как непрменный элемент религиозного сознания времени присутствует в «Слове», но борьба с половцами – это не столько битва христиан с язычниками, сколько борьба за освобождение.

В отличие от «Слова» в «Песни о Роланде» мечта об окончательном устранении угрозы со стороны арабского нашествия трансформировалась в великую битву со всемирным войском неверных, возглавляемым эмиром Балиганом, в

военное столкновение двух религий, из которого христиане выходят полными победителями. Идея религиозной борьбы с маврами обуславливает введение в «Песнь» мотивов, знамений, прямых призывов выступить именно против неверных. Душу храбрейшего из рыцарей принимают ангелы, архангел Гавриил, посредник между богом и людьми, берёт у Роланда перчатку как залог верности его новому сюзеру – богу. (В известном смысле последним эпизодам соответствуют в «Слове» божьи знамения, указывающие Игорю путь из плена).

Сопоставление двух гениальных творений русского и французского героического эпоса можно продолжить, сравнивая образы Всеволода и Оливье, Ярославны и Альды, Карла и Святослава.

Всеволод – родной брат Игоря, Оливье – побратим Роланда и брат его невесты. Наделённые могучей силой, преданные, благородные, дышащие воинским пылом, эти характеры, безусловно, родственны друг другу. Особенно относится это к их поведению в грозных и несчастливых битвах: мужество, благородство, самоотверженность по-настоящему сближают Оливье и Всеволода. Правда, Оливье более благоразумен и способен не соглашаться со своим названным братом, ибо понятия рыцарской чести как вассальной верности ближе его сердцу.

Поэтический образ Ярославны, верной жены, олицетворяющей скорбящую русскую землю, занимает очень большое эмоционально-смысловое место в художественной системе «Слова». Образ этот играет существенную роль и в движении событий «Слова» – недаром же после проникновенного плача Ярославны совершается бегство Игоря из плена. Любящая и страдающая женщина способна силой любви воскресить надежды пленённого супруга.

Единственный, но далеко не центральный образ женщины в «Песни» – Альда. По сути дела, любовная тема, получившая развитие в позднейших поэмах цикла шансон де жест (песни о деяниях), в «Песни о Роланде» даже не намечена. Чувства героини прямолинейно обозначены добровольной смертью избранницы Роланда, не сумевшей и не пожелавшей пережить любимого хотя бы и для того, чтобы связать свою судьбу с судьбою другого отважного рыцаря, предложенного ей в мужья великим Карлом. Альда – героиня без слов, и о переживаниях её можно догадываться лишь по немногим авторским замечаниям.

Идея союза князей не переходит у автора «Слова» в идею единовластия: для этого не было ещё реальной исторической основы. Но, вспоминая пору недавнего могущества Киевской Руси, автор хочет видеть в хозяине киевского престола Святославе – могучего вождя, под чьим общим водительством сплотятся все другие властители русских земель. И этот образ великого князя, старого сокола, наделённого удачью и силой молодецкой, мудреца, чьё сердце обливается кровью и страдает за всех русичей, получился у автора выразительным, масштабным и трогательным.

Образ Карла в «Песни», выполняющий, в сущности, ту же функцию объединителя, верховного сюзерена всех франкских сеньоров, как бы затенен динамикой происходящих событий, он во многих отношениях скорее символ, вокруг которого идёт борьба идей, нежели полнокровное действующее лицо. (Правда, в последней части поэмы, вероятно, добавленной в позднейшие времена, роль Карла – противника Балигана, оказывается более значительной.)

Карл неровен в своём отношении к вассалам, известная неуверенность в своей власти очевидна, когда речь заходит о суде над Ганелоном; власть императора только укрепляется, от единоправия он ещё достаточно далёк.

Плач Карла над трупом Роланда, интонационно и по смыслу исполненный скорбных преувеличений и жалоб, напоминает нам «золотое слово, со слезами смешанное» князя Святослава.

Сопоставим выдержки из обоих произведений на уровне соответствий. Приведём несколько примеров. Вот Карл – непобедимый воитель:

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял,
Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни.
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилиий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлена славит
Но не уйдёт он от господней кары.

(Пер. Ю. Корнеева)

А вот Святослав – победитель язычников:

А давно ли мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Он был грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил –
Устрашил их сильными полками,
Перебил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги.
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересёк.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал и упал – собака –
В Киеве, у княжьих теремов.

(Пер. Н.А. Заболоцкого)

В обоих произведениях авторы преувеличивают и воинскую доблесть, и успехи, и силу власти короля и князя. И в «Песни», и в «Слове» мощь, сила властителей составляют предмет гордости авторов, сторонников сильного, сплочённого государства, изжившего феодальные распри, единого перед лицом неверных, «поганых», перед угрозой посягательств на родную страну.

Описаниям сражений Роланда и битва Игоря предшествуют грозные знамения природы, предвещающие поражение и гибель или пленение героев. Вот примеры из текста:

в «Песни о Роланде»:

Ужасен бой, и сеча жестока.
Разят Роланд и Оливье врага...
... Но тяжки и потери христиан.
Не видеть им ни брата, ни отца,
Ни короля, который ждёт в горах.
Над Францией меж тем гремит гроза,
Бушует буря, свищет ураган,
Льёт ливень, хлещет град крупней яйца.
И молнии сверкают в небесах.
И – то не ложь – колеблется земля.
От Ксантена и до нормандских скал,
От Безансона и по Уиссон
Нет города, где стены не трещат,
Где в полдень не царит полночный мрак.
Блестят одни зарницы в облаках.
Кто это видит, тех объемлет страх.
Все говорят: «Настал конец векам,
День страшного господнего суда».
Ошиблись люди, не дано им знать,
Что это по Роланду скорбь и плач.
(Пер. Ю.Корнеева)

В «Слове о полку Игореве»:

Игорь-князь во злат-стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несётся, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, какполовец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Приморье,
Корсуню на всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!
... Ночь пришла, и кровавые зори
Воздвигает бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О русская земля!

Ты уже за холмом.

(Пер. Н.А. Заболоцкого)

Скорбь, жалость и боль перед неминуемой, наступающей уже трагедией, живое сочувствие без надежды на спасение сближают позиции французского и русского песнопевцев.

Далее, за холмом и степями, русская земля, но и над ней слышится клик Дива, знамение гибели Игорева полка. Тёмные тучи заволокли солнце, синими зарницами и молниями полыхает небо – это знак, предвещающий начало трудной многодневной битвы, где затупятся русские сабли и преломятся копыя.

Столь же ужасен и безнадежен бой, который ведут воины Роланда, тяжелы их потери, и сами бойцы не вернутся более в милую Францию. И вся природа будто бы бунтует, не в силах изменить горестный конец битвы. Буря и ливень, град и молнии, и те же зарницы, мрак воцаряется в полдень, и колеблется французская земля.

Можно заметить, что образная система, интонация и, главное, идейно-эмоциональная позиция авторов чрезвычайно близки.

Святослав видит вещий сон:

В Киеве далёком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
– С вечера до нынешнего дня, –
Молвил князь, поникнув головою, –
На кровати тисовой меня
Покрыли чёрной пеленою
Черпали мне спелое вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька и, предвещая горе,
Серый ворон в сеноке кричал
И летел, шумя, на сине-море.
И бояре князю отвечали:
– Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ли два любимых чада
Поднялись над полем незнакомым –
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины.

(Пер. Н.А. Заболоцкого)

А вот что говорится в «Песне» о первом сне Карла:

День миновал, на землю ночь спустилась.
Могучий император сон увидел:

У входа он стоит в ущелье Сизы,
Зажал копьё из ясеня в деснице;
Но за копьё граф Ганелон схватился,
Потряс его и дёрнул что есть силы,
Взвились обломки древка к небу вихрем...
А Карл всё спит, не может пробудиться.
Потом ему привиделось во сне,
Что он в капелле ахенской своей.
Рвёт правое плечо ему медведь.
Вдруг мчится леопард с вершин Арденн.
На Карла прынул он, разинув зев,
Но из дворца проворный пёс приспел.
От короля он отогнал зверей...
...Старик Немон конь о конь с Карлом скачет.
Он молвит королю: «Что вы печальны?»
Король ему в ответ: «Вопрос ваш празден.
Я так скорблю, что не могу не плакать,
Граф Ганелон погубит войско наше.
Мне нынче в ночь явил виденье ангел:
Сломал копьё мне Ганелон-предатель,
Он в арьергард определил Роланда.
В чужой земле племянник мой оставлен.
Беда, коли умрёт: ему нет равных».

(Пер. Ю. Корнеева)

И Карлу, и Святославу всё во сне видится трагическая судьба племянника и любимых чад. В обоих случаях сон-известие облекается в аллегорические и символические картины, которые придают несчастью общегосударственный, общенародный смысл. Златоверхий терем Святослава без конька и сломанное предателем копьё Карла – свидетельства горестного поражения не только Игоря и Роланда, но всеобщей, всенародной утраты. Серые вороны, медведи и леопарды, предвестники и носители зла, в обоих случаях являют нам близость «Слова» и «Песни» к народной поэтической традиции.

Святослав – в страхе, Карл – в печали. Ближние бояре и пэры делят горе своих князей и сюзеренов, они, по автору, едины со своими властителями, ибо выражают подлинно государственный подход к судьбам страны.

Итак, «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» принадлежат к памятникам средневековой культуры. Несмотря на то, что они принадлежат разным национальным культурам, – «Слово» – русский эпос, а «Песнь» – французский, – во многом они весьма близки.

Во-первых, это жанровое сходство: оба произведения являются героическими эпопеями.

Во-вторых, это сюжетно-тематическое сходство. Темы этих произведений – защита Родины, патриотизм, героизм во славу Родины, преодоление феодальной раздробленности. Темы эти, как можно заметить, живейшее отражение самых важных вопросов средневековья.

Сходны образы Игоря и Роланда. Оба монументальны, смелы, иногда до безрассудства. Женские образы обоих произведений тоже во многом близки: Альда и Ярославна – два прекраснейших образца женской любви и верности.

Однако сопоставление помогает не только выявить сходство этих литературных памятников, но и определить их различия. Данные различия связаны в основном с национальными особенностями культуры франков и восточных славян. «Слово» более поэтично, более лирично, образы его красочны, в некоторой степени, психологичны, метафоры и эпитеты – основные поэтические средства. «Песнь о Роланде» в основном ограничивается эпитетами в описании военных, батальных сцен, которым вообще посвящена большая часть «Песни». Природа в древнерусском памятнике более активна и конкретна по сравнению с природой во французском произведении.

«Повесть о Петре и Февронии» в контексте средневековой литературы

Одним из самых популярных памятников древнерусской литературы является «Повесть о Петре и Февронии». Муромское сочинение о Петре и Февронии получило название «жития» и, как «житие», нередко вносилось в различного рода сборники житийного характера. Но житийного в нём, за исключением нескольких эпизодов, приведённых для характеристики Февронии и отчасти Петра, ничего нет. Это было очевидно и для древнерусского читателя. Культ Петра и Февронии как местных муромских святых вполне сложился уже к середине XV века, так как известно, что Пахомий Серб в это время составил им канон. В 1547 г. на московском церковном соборе Пётр и Феврония канонизируются, а несколько позже официально признаются общерусскими святыми. В 1552 г. во время похода на Казань Иван Грозный заезжает в Муром на поклонение «сродникам своим», Петру и Февронии. И, несмотря на все эти факты, повесть о Петре и Февронии не попадает в Четьи-Минеи Макария. Её сказочный характер, тема любви и супружеской верности, очевидно, смущал составителя свода житийных произведений, в ряде случаев обнаруживавшего значительную терпимость к фантастическому.

Действительно, в сюжете сказания были объединены два широко распространённых в европейском и, в частности, русском эпосе мотива – мотив борьбы со змием и мотив вещи пряхи, мудрой крестьянской девушки, загадывающей (или отгадывающей) загадки и своей сказочно хитростью побеждающей князя. Ф.И. Буслаев сравнил сюжет сказания с песнями древней Эдды о битве Зигурда со змеем Фафниром и о союзе этого героя с вещью девою Валькириею (1, 364). В содержании этих песен есть ряд общих черт со сказанием о Петре и Февронии. Зигурд напал на следы змия – Фафнира, выкопал на дороге, по которой змей ходил к воде, яму и засел в ней. Когда Фафнир переползал яму, Зигурд вонзил ему в сердце свой меч, найденный им по указанию одного великана на Змеевом Камне (соответствует «керемидам» сказания о Петре и Февронии). Змий Эдды, подобно змию-двойнику князя Павла, очеловечен. Пробуждённая Зигурдом от чудесного сна Валькирия приветствует его словами, смысл которых, как и смысл дальнейших вещей изречений и мудрых советов Валькирии, близок кругу понятий сказания о Петре и Февронии. Оканчивается эта песня Эдды следующим заключением: «Зигурд сказал: нет на свете женщины разумнее тебя, и, клянусь, я хочу, чтоб ты была моею! Потому что ты пришлась мне по мыслям! Она отвечала: и я хочу, чтоб ты был моим, и никто другой, хотя бы мне пришлось выбирать между всеми людьми! И утвердили они это между собой клятвою».

Наличие в песнях Эдды двух мотивов – мотива змееборства и мотива союза с мудрой девою; прекрасные образы: героя – человека смелого сильного, не уступающего в духовном отношении героине – натуре внутренне одарённой, хранительнице древней мудрости; самый характер чувства, связывающего героев, и, наконец, ряд совпадений в моральных сентенциях песней Эдды и сказания о Петре и Февронии, – всё это свидетельствует о сходстве этих произведений. Но Ф.И. Буслаев очень осторожен в своих выводах. «В общих чертах, – говорит он, – Муромская легенда содержит те же главнейшие мотивы, что и песни древней Эдды о битве Зигурда со змеем и о союзе этого героя с вещью девою. Без всякого сомнения, сходство это основывается на общих источниках, из которых, само собою

разумеется, совершенно независимо друг от друга были почерпнуты древние предания и в песнях Эдды и в нашей легенде».

Не удовлетворяясь объяснением сходства между песнями Эдды и сказанием о Петре и Февронии «доисторическим сродством преданий», А.Н. Веселовский поставил своей целью «перенести вопрос на более реальную почву исторических отношений» (1, 365). По его мнению, повесть о Петре и Февронии близка и к другому памятнику средневековой литературы – к немецкому или скандинавскому сказанию, подобного и родственного саге о Рагнаре Лодброке, сюжет которой представляет собою объединение тех же двух мотивов – змеборства и союза с мудрой девой.

Юноша Рагнар убивает змея, охранявшего терем дочери ярла Торы, и в награду женится на ней. После её смерти Рагнар решил не брать другой жены, отказался от управления царством и сделался викингом. Однажды со своими кораблями он пристал к берегам Норвегии и послал своих людей на берег печь хлебы. В крестьянской избе его посланцы увидели девушку необыкновенной красоты, по имени Краку. Рагнар просит Краку прийти к нему, так как он хочет на ней жениться; но, испытывая её мудрость, предлагает ей явиться одетою и не одетою, не сытою и не голодною, не в одиночку и так, чтоб ни один человек её не сопровождал. Крака удачно разрешает эту задачу, и Рагнар на ней женится.

По мнению А.Н. Веселовского, сходство между сагой о Рагнаре Лодброке и сказанием о Петре и Февронии бросается в глаза «не только в общем мотиве, но и в эпизодах, в их последовательности... И сага и легенда представляют соединение двух эпизодов, совершенно различных по содержанию и связанных лишь единством главного действующего лица...». Это соединение в обоих произведениях двух мотивов – змеборчества и союза с мудрой девой, стоящих в одной и той же последовательности при отсутствии логической связи, заставляет исследователя настаивать на тесной связи между данными памятниками. Её объяснение он находит в зависимости русского сказания от сказаний, родственных саге о Рагнаре.

Д.С. Лихачёв в «Великом наследии» проводит параллель между «Повестью о Петре и Февронии» и кельтским «Сказанием о Тристане и Изольде» (2, 164). Во французском памятнике рассказ также начинается с победы героя (Тристана) над драконом; излечивает его героиня (Изольда). Конец русской повести напоминает «Сказание о Тристане и Изольде» – любовь героев оказывается сильнее смерти (из могилы Тристана вырастает куст терновника, соединяющий её с могилой Изольды).

Однако, сюжетное совпадение «Повести о Петре и Февронии» со «Сказанием о Тристане и Изольде» ещё больше подчёркивает различия между ними в трактовке героев. Русский памятник, в отличие от французского – это не только рассказ о любви, о всепобеждающей страсти героев, а ещё о верной супружеской жизни, причём основным мотивом этой повести является ум героини, её умение перехитрить своих собеседников, – черта, сближающая Февронию с летописной Ольгой из «Повести временных лет».

В исследованиях Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского и Д.С. Лихачёва доказана и народно-поэтическая основа сказания о Петре и Февронии. Но их внимание было направлено прежде всего на установление связей сказания о Петре и Февронии с древнейшими западноевропейскими произведениями на тот же сюжет. Поэтому и итоги их исследований обнаруживают родство русского сказания с

западноевропейскими народно-поэтическими произведениями, главным образом, в его основных мотивах и сюжетной схеме. А, между тем, близость сказания к народной поэзии ощутима и во второстепенных его мотивах, загадках и изречениях. Так, в частности, интересные параллели к первой части сказания о Петре и Февронии даёт сопоставление его с известной на западе сказкой о двух братьях. В этой сказке также имеется мотив змеборчества, причём в его изложении есть некоторые подробности, встречающиеся и в русском сказании. (3, 68). Перед битвой со змеем один из героев сказки находит в церкви на горе меч настолько тяжёлый, что не может его поднять. Он видит на алтаре один или несколько кубков; здесь же лежит бумага, на которой написано: «Тот, кто выпьет кубок, станет сильнейшим человеком в мире и сможет владеть мечом». Герой выпивает кубок, берёт меч и этим мечом убивает змея. Этот эпизод явно напоминает нахождение Агрикова меча князем Петром. В некоторых вариантах сказки борьба со змеем, как и в сказании о Петре и Февронии, происходит в доме, и братья называются Петром и Павлом. Ещё больше совпадений с народными сказками имеет вторая часть сказания о Петре и Февронии, причём ближе всего к сказанию стоят русские сказки о мудрой девице. Мудрую деву русской сказки, дочь крестьянина, жених или сваты, внезапно вошедшие в избу, обычно находят за пряжей, моющей полы или пекущей блины «в одной рубашке», «неодетой», «голой». Она встречает их словами: «Плохо, когда у двора нет ушей, а у избы очей», или: «Не дай, господь, тупой глаз и безухо окно» и т. д. Объяснение даётся такое же, как и в сказании о Петре и Февронии: собака дому – уши, ребёнок на окне – глаза. На вопрос пришедших о родных девушка обычно отвечает: «мать ушла взаймы плакать», а отец и братья: «на поли, взад – пет ходят» (пашут) или: «ушли старым молодое обманывать (сеять: зерно старое, а молодое вырастет)». Она так же, как Феврония, ловко отклоняет невыполнимые задания: «Несите девице, говорит царь, этот золотник шёлку, пусть она мне соткёт ширинку». «Дала им девица красного дерева с шитню иголку: Доспеет царь мне чивчю (шпульку для ниток) да бердо (часть станка), я ему сотку». Или: «Губернатор говорит: Когда твоя дочь мудра, на тебе ниточку шёлковую, чтобы она из неё соткала мне полотенце. Взьяла девушка вичку из виника и даёт отцу: На, батюшка, отдай губернатору, чтобы он нашёл мастера, который бы состроил всю снасть красенную, которою надобно полотенце ткать». Как и в сказании о Петре и Февронии, девушка уходит от царя, унося с собою «просимое», т.е. самого царя, предварительно напоив его. Известен русскому фольклору и мотив «соблазнения в лодке»; он, между прочим, связан с именем Ольги, княгини киевской, и вкратце вошёл в её житие, помещённое в Степенной книге.

Наличие некоторых из этих мотивов, загадок и иносказаний в фольклоре славянских народов (главным образом – сербов) и Италии делает невозможным предположение о переходе их в русскую сказку из сказания: это – странствующие мотивы. Некоторые подробности сказания о Петре и Февронии могли сложиться только в связи с русским бытом и русским фольклором. Таково врачебное средство героини: «Она же, взем сосудец мал, почерпе кисляжды своя, и дуну на ня, и рече: да учредят князю вашему баню, да помазует сим по телу своему, идеже суть струпы и язвы... и будет здрав». Точно так же только на русской почве и вернее всего – на территории Муромского или Рязанского княжеств, население которых издавна занималось бортничеством и вело торговлю мёдом и воском с болгарами и

«Персидою», могло сложиться иносказание Февронии о её брате: «Брат же мой поиде чрез ноги в нави зрети» (брат ушёл сквозь ноги смерти в глаза смотреть).

Сказочные циклы о змееборце и мудрой деве своими корнями уходят в эпос древней Греции и в народную поэзию Ирана и Индии. Миф о Персее, а позже легенды о Георгии и Фёдоре Тироне – обработки мотива о змееборчестве. Об известности же в древней Греции сказания о мудрой деве свидетельствуют произведения Плутарха и Свида, которые хорошо знают поэтический приём, лежащий в основе этого сказания, – препирательство замысловатыми задачами и загадками.

Странствующие сказочные мотивы к началу XV в., очевидно, ещё в устной традиции объединились в законченное сказание и в народной памяти были приурочены к Мурому и его князьям Павлу и Петру и княгине Февронии. Некоторые исследователи приписывают литературную обработку этой повести в XVI в. монаху Еразму, именем которого надписан один из списков повести.

Автор повести пошёл ещё дальше, чем это сделала устная традиция, по пути национального приурочения странствующих мотивов. Он развил их применительно к специфическим условиям древней Руси и обставил подробностями древнерусского княжеского быта. Князь и княгиня, по повести, обедают за разными столами, они плывут на различных кораблях и каждый из них имеет своих бояр. Неравный в сословном отношении брак Петра и Февронии (старый сказочный мотив: царь – князь – пан и крестьянская девушка) изображён в повести на фоне социальной жизни города северо-восточной Руси с сильной боярской знатью. Бояре, недовольные крестьянским происхождением Февронии, сначала изгоняют княжескую семью, а затем, напуганные наступившими междоусобиями, вновь возвращают её. Но является ли это отражением характерной для раннего времени северо-восточной Руси борьбы князя с сильным местным боярством, или же это антибоярская тенденция современника Ивана Грозного, – трудно установить. За счёт авторства литературно образованного книжника следует отнести включение в повесть ряда житийных мотивов. Таково, прежде всего, чудо Февронии «о деревьях»: проходя по берегу Оки во время изгнания из Мурома, Феврония увидела два воткнутых поваром деревца, на которых висели котлы. Благословив деревца, она сказала: «Да будут сия деревца на утро велика древия, имуще ветвия и листия. Еже и бысть». Аналогичный этому мотив – мотив распускающегося или зацветающего сухого дерева известен в ряде житийных произведений, апокрифические евангелия передают историю лозы, которая расцвела в руках Иосифа и указала на него, как на мужа Марии. Возможно, что этот мотив идёт от рассказа о процветшем жезле Аарона Библии. Но он известен и греческой мифологии: по свидетельству Павзания, в Греции любопытным показывали оливу, которая выросла из дубинки Геркулеса. Ещё ближе к житийным мотивам стоят чудо Февронии «о хлебных крохах» и трогательно рассказанный рассказ о смерти Петра и Февронии.

В последующие столетия повесть о Петре и Февронии неоднократно перерабатывалась. Её поздние редакции (XVIII в.) характеризуются уже новыми особенностями повествовательного стиля, выработанными на протяжении XVII в. и в Петровскую эпоху.

Библиография:

1. Лихачёв Д.С. Великое наследие. М., 1975.
2. Дмитриева Р.П. Древнерусская повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов // Русская литература, 1974. – №4.
3. Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.

Словарь

Акафист – род хвалебного церковного песнопения.

Акростих – стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют какое-нибудь слово или фразу.

Аллюзия (от лат. *allusio* – намёк) – стилистическая фигура, намёк посредством сходнозвучающего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения.

Амплификация – стилистический приём, когда мысль высказывается в развёрнутом описательном обороте с обильными эпитетами, метафорами, сравнениями и т. п.

Анаграмма – слово или словосочетание, образованное перестановкой букв другого слова или словосочетания. Используется при создании псевдонимов, встречаются в загадках, шарадах.

Аналогия – сходство в каком-нибудь отношении между явлениями, предметами, понятиями.

Апокриф – легендарно-религиозные повествования, которые тематически близки к каноническим ветхозаветным и новозаветным книгам, но резко расходятся с ними в трактовке событий и характера персонажей.

Архимандрит – настоятель мужского монастыря.

Бортник – человек, собиравший в лесу дикий мёд.

Бражник (устар.) – пьяница, гуляка.

Догмат – основное положение в религиозном учении, принимаемое слепо на веру и не подлежащее критике.

Ересь – у верующих: отклонение от норм господствующей религии, противоречащее церковным догматам.

Жарты – комические и сатирические рассказы, изложенные рифмованными неровнослужными стихами.

Житие – идеализированный рассказ о жизни и подвигах святого.

Житие-мартирий – повествование о святом мученике.

Заточник – тот, кто заточён, заключён.

Инвектива (от позднелат. *investiva oratio* – бранная речь) – разновидность сатиры, гневное письменное или устное обвинение, памфлет.

Казуистика – 1) подведение частных случаев под общую догму как приём средневековой схоластики и богословия; 2) изворотливость в защите ложных, сомнительных положений (прилаг. *казуистический*).

Каламбур – шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов.

Канон – церковное песнопение в похвалу святого.

Коллизия (от лат. *collisio* – столкновение) – столкновение противоположных сил, стремлений, интересов, взглядов.

Компиляция – соединение результатов чужих исследований, мыслей, без самостоятельной обработки источников, а также сама работа, составленная таким методом.

Контаминация – возникновение нового выражения или формы путём объединения элементов двух выражений и форм, чем-нибудь сходных.

Криптография – условное тайное письмо (первоначально в древних рукописях).

Лествица – поучения о самоусовершенствовании монахов.

Лубок – липовая доска, на которой гравировалась картинка для печатания, а также картинка такого изготовления.

Мамка (устар.) – кормилица, нянька.

Насад – боевое судно.

Ортодоксальный – последовательный, неуклонно придерживающийся основ какого-нибудь учения, мировоззрения.

Отрок – 1) младший член княжеской дружины; 2) слуга.

Паволока – нарядная тонкая ткань.

Палея – сборник, излагавший и толковавший текст Ветхого завета.

Панегирик – в старину: ораторская речь хвалебного содержания.

Паремийник – сборник отрывков из различных книг Библии.

Паренесис – свод наставлений для людей, принявших христианство.

Патерик – сборник коротких рассказов, по большей части о монахах, прославившихся своим благочестием или аскетизмом.

Патристика – термин, обозначающий совокупность теологических (т. е. религиозных), философских и политико-социологических доктрин христианских мыслителей II – VIII вв.

Подвизаться (высок.) – действовать, работать в той или иной области.

Постриг – обряд принятия монашества (сопровождающийся подрезыванием волос).

Сентенция – нравоучительное изречение.

Скоморох – в древней Руси: певец-музыкант, бродячий комедиант.

Смерд – в Древней Руси: крестьянин-земледелец.

Спорадически (книж.) – непостоянный, случайный, являющийся иногда, от случая к случаю.

Стольник – придворная должность, смотритель за царским столом.

Стратиг (греч.) – стратег; здесь: начальник или смотритель.

Стратилат (греч.) – полководец.

Сыта – медовый напиток.

Тиун – управляющий хозяйством князя.

Тризна – обряд поминания умерших у славян-язычников.

Фацеция (от лат. *facetia*) – жанр короткого смешного рассказа типа анекдота; возник в западноевропейской литературе XII – XIII вв., популярен в эпоху Возрождения; в России – в XVII – XVIII вв.

Хроника или хронограф – произведения историографии, излагающие всемирную историю.

Целовальник – 1) в России XV – XVII вв.: должностное лицо по сбору податей и по некоторым судебно-полицейским делам; 2) продавец в питейном заведении, кабаке (стар.).

Эсхатология – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

Ябеда – ходатай по мелким судебным делам.

Ярыжник (стар.) – беспутный человек, пьяница.

Синхронистическая таблица

Историко-культурные события	Литературный процесс на Руси IX – X вв.	Литературный процесс в Европе
<p>Создание славянской азбуки Кириллом и Мефодием (863)</p> <p>Объединение князем Олегом восточных славян в раннефеодальное государство – Киевскую Русь с центром в Киеве (II-ая половина IX в.)</p> <p>Появление скандинавских отрядов в Киевской Руси (конец IX в.)</p> <p>Договор киевского Олега с Византией (911)</p> <p>Нашествие печенегов на Русь (915)</p> <p>Поход князя Игоря на печенегов (920-926)</p> <p>Договор князя Игоря с Византией (944)</p> <p>Смерть князя Игоря (945)</p> <p>Княжение в Киеве Ольги (945 – 964)</p> <p>Возникновение в Болгарии богомилства и его литературы (60-е годы)</p> <p>Княжение Святослава в Киеве (964 – 972)</p>		<p><i>Кирилл</i> (826 – 869) и <i>Мефодий</i> (820 – 885): перевод Библии, Кормчей, «Прогласс к Евангелию», «Канон Дмитрию Солунскому» (др. болг.)</p> <p><i>Черноризец Храбр</i>: «О письменах» (конец IX в.) (болг.)</p> <p><i>Климент Охридский</i> (ок. 840 – 916): слова, поучения, переводы (болг.)</p> <p><i>Ансельм Схоластик</i>: «Видение» (ок. 940) (лаг.)</p> <p><i>Лиутпранд Кремонский</i> (ок. 920 – 972): «Воздаяние» (лат.)</p> <p><i>Рудаки</i> (ок. 860 – 941): лирика (перс.-тадж.)</p> <p><i>Константин Порфирогенет</i> (905 – 959): «Об обычаях при византийском дворе» (греч.)</p> <p><i>Константин Преславский</i>: «Служба Мефодию», «Учительное Евангелие», «Азбучная молитва» (болг.)</p> <p><i>Иоанн экзарх болгарский</i>: «Небеса», «Шестоднев» (болг.)</p> <p><i>Козма Пресвитер</i>: «Беседа на новоявившуюся ересь Богомила» (болг.)</p> <p>Первые памятники латинской письменности в Польше (хроники, жития и др.)</p> <p>«Житие св. Людмила», «Житие св. Вацлава» (чеш.)</p> <p><i>Фирдоуси</i> (ок. 935 – ок. 1020): «Шах-наме» (перс.);</p>

<p>Разгром князем Святославом Хазарии (965)</p> <p>Принятие христианства в Польше (966)</p> <p>Княжение Владимира Святославича в Киеве (980 – 1015)</p> <p>Принятие христианства на Руси (988)</p> <p>Междоусобная война сыновей Владимира Святославича (1015 – 1024)</p> <p>Княжение Ярослава Мудрого в Киеве (1019 – 1054)</p> <p>Канонизация князей-мучеников Бориса и Глеба (1026)</p> <p>Постройка Софийского собора в Киеве (1037)</p> <p>Разделение христианской церк - ви на Восточную (православ - ную) и Западную (католичес - кую) (1054)</p> <p>Нападение половцев на Русь (1068)</p> <p>Княжение в Киеве Всеволода I Ярославича (1078 – 1093)</p>	<p style="text-align: center;">XI век</p> <p>Киевские глаголические листки (X – XI вв.)</p> <p>Туровское Евангелие</p> <p>Чудовская Псалтирь</p> <p><i>Иларион</i>, митрополит: «Слово о Законе и Благодати»</p> <p>Становление летописания в Киеве (30 – 50-е годы)</p> <p>Остромирово Евангелие (1056 – 1057)</p> <p>Изборник Святослава (первый, 1073)</p> <p>Изборник Святослава (второй, 1076)</p> <p><i>Феодосий Печерский</i>: «Слово о латинской вере» и др. произве -</p> <p>дения ораторской прозы (70 – 80-е годы)</p> <p><i>Нестор</i>, монах: «Чтение о житии Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского» (кон. XI в.)</p> <p><i>Пересвды</i>: «Хроники» Георгия Амартола и Иоанна Малалы, «Синайский патерик», «Исто - рия Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Хронографическая Александрия», «Повесть об Акире Премудром», «Физио - лог», «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (XI – XII вв.)</p>	<p><i>Симеон Новый Богослов</i> (949 – 1022): богословские сочинения, поэзия (греч.)</p> <p><i>Ибн-Сина</i> (Авиценна) (980 – 1037): «Канон врачебной науки», «Книга исцеления», «Книга указаний и наставлений» (араб.)</p> <p>«Житие св. Алексея» (ок. 1040) (фр.)</p> <p>«Песнь о Роланде» (ок. 1065) (фр.)</p> <p>Развитие житийной литературы на латыни в Венгрии («Житие св. Иштвана» и др.)</p> <p><i>Михаил Пселл</i> (1018 – ок. 1097): «Хронография» (греч.)</p> <p><i>Ансельм Кентерберийский</i> (1033 – 1109): «Книга размышлений и молитвословий», «Монологиян» (лат)</p> <p><i>Козьма Пражский</i> (1045 – 1125): «Хроника Богемии» (лат.)</p> <p><i>Омар Хайам</i> (1048 – 1131): лирика (перс.)</p> <p>«Дигенис Акрит», ранняя версия (греч.)</p>
--	---	---

<p>Любечский княжеский съезд (1097)</p> <p>Поход русских князей на половцев (1111)</p> <p>Княжение Владимира Мономаха в Киеве (1113 – 1125)</p> <p>Основание Сорбонны (1120?)</p> <p>Княжение Юрия Долгорукого в Киеве (1155 – 1157)</p> <p>Первое упоминание о Москве (1147)</p> <p>Княжение Святослава Всеволодовича в Киеве (1180 – 1194)</p> <p>Поход русских князей на половецкого хана Кобяка (1183)</p> <p>Поход новгород-северского князя Игоря на половцев (1185)</p> <p>Провозглашение Чингисхана «Великим ханом» (1206)</p> <p>Битва на реке Калке (1223)</p> <p>Образование Литовского государства (1224)</p> <p>Нашествие монголо-татар на Русь (1237 – 1240)</p>	<p style="text-align: center;">XII век</p> <p><i>Даниил</i>, игумен: «Хождение» (1106 – 1108)</p> <p>«Повесть временных лет» (1113 – 1118)</p> <p><i>Владимир Мономах</i> (1053 – 1125): «Поучение» (ок. 1117)</p> <p><i>Климент Смолятич</i> (ум. после 1164): послания и поучения</p> <p><i>Кирилл Туровский</i> (1130 – 1183): торжественные слова, поучения, молитвы</p> <p>«Слово о полку Игореве» (конец XII в.: 1185, 1185 – 1187, 1196 – ?)</p> <p><i>Даниил Заточник</i>: «Моление» и «Слово»</p> <p><i>Переводы</i>: сборник изречений «Пчела», «Христианская топография» Козмы Индикоплова (XII – XIII вв.)</p> <p style="text-align: center;">XIII век</p> <p><i>Добрыня Ядрейкович</i>: «Хождение» (1200 – 1204)</p> <p>«Повесть о битве на реке Калке» (1223 – 1228)</p> <p>«Киево-Печерский патерик» (1-ая треть XIII в.)</p> <p>«Слово о погибели Русской земли» (1238 – 1246)</p> <p>«Повесть об осаде Владимира» «Повесть об осаде Киева»</p> <p>«Повесть о житии Александра Невского» (1263 – 1280)</p> <p><i>Сергий Владимирский</i> (ум. 1275): слова и проповеди</p> <p><i>Переводы</i>: «Сказание об Индийском царстве», «Слово о 12-ти снах царя Шахаши», «Физиолог» (XIII – XIV вв.)</p>	<p>«Песнь о моём Сиде» (ок. 1140) (исп.)</p> <p><i>Кретьен де Труа</i> (ок. 1130 – 1191): «Ланселот», «Персеваль» (фр.)</p> <p><i>Низами</i> (1140? – 1209): «Хосров и Ширин», «Лейла и Меджнун» (80-е годы) (перс.)</p> <p><i>Саксон Грамматик</i> (ок. 1150 – ок. 1200): «История датчан» (лат.)</p> <p><i>Шота Руставели</i>: «Витязь в тигровой шкуре» (кон. XII – нач. XIII вв.) (груз.)</p> <p>«Песнь о Нибелунгах» (кон. XII – нач. XIII вв.) (нем.)</p> <p>Возникновение эпических песен у болгар, сербов, хорватов (кон. XII – нач. XIII вв.)</p> <p><i>Готфрид Страсбургский</i>: «Тристан» (1210) (нем.)</p> <p>Первые французские рыцарские романы в прозе</p> <p><i>Винченций из Бове</i> (ум. ок. 1264): «Великое зеркало» (лат.)</p> <p><i>Саади</i> (ум. 1292): «Гулистан» (1257), «Бустан» (1258) (перс.)</p> <p><i>Фома Аквинский</i> (ок. 1225 – 1274): «Сумма теологии» (лат.)</p>
--	---	--

<p>Победа Александра Невского над шведами на Неве (1240)</p> <p>Битва на Чудском озере (1242)</p> <p>Образование Золотой Орды (1243)</p>	<p>«Повесть о Михаиле Тверском» (1319 – 1320)</p> <p>«Повесть о Шевкале»</p> <p><i>Стефан Новгородец</i>: «Хожение» (1348 – 1349)</p> <p>«Сказание о Довмонте»</p> <p>«Повесть о разорении Рязани Батыем»</p> <p>Лаврентьевская летопись (1377)</p> <p><i>Агрефений</i>: «Хожение» (70-е годы)</p> <p><i>Киприан</i>: «Житие митрополита Петра» (80-е годы)</p> <p>«Задонщина» (80-е – нач. 90-х годов)</p> <p><i>Епифаний Премудрый</i> (ум. 1420): «Житие Стефана Пермского» (после 1396)</p> <p>Летописание в Твери, Смолен -ске, Новгороде и Пскове (кон. XIV в.)</p>	<p>Завершение сложения цикла «Романа о Ренаре» (фр.)</p> <p><i>Жан де Мен</i> (ок. 1240 – ок. 1305): «Роман о Розе» (фр.)</p> <p>«Богородица» – первый памятник на польском языке</p> <p><i>Данте Алигьери</i> (1265 – 1321): «Комедия» (1307 – 1321) (ит.)</p> <p><i>Франческо Петрарка</i> (1304 – 1374): «Буколики» (1346), «Книга песен» (1366) и др. (ит.)</p> <p><i>Джованни Боккаччо</i> (1313 – 1375): «Декамерон» (1348 – 1351) (ит.)</p> <p><i>Жан Фруассар</i> (1337 – ок. 1414): «Хроники» (фр.)</p> <p><i>Джеффри Чосер</i> (1340 – 1400): «Кентерберийские рассказы» (1387) (англ.)</p> <p>Появление баллад о Робин Гуде (англ.)</p> <p><i>Лопес де Айала</i> (1332 – 1407): «Поэма о придворной жизни» (1385 – 1403), «Хроники» (исп.)</p> <p><i>Кристина Пизанская</i> (1364 – 1431): «Послание богу любви» (1399), «Сказ о Розе» (1400) (фр.)</p> <p>«Тысяча и одна ночь» (каирская ред.)</p>
<p>Великое княжение Александра Невского (1259 – 1263)</p> <p>Великое княжение Ивана Калиты в Москве (1328 – 1341)</p> <p>Основание университета в Праге (1348)</p> <p>Великое княжение Дмитрия Донского в Москве (1359 – 1389)</p> <p>Основание университета в Кракове (1364)</p> <p>Куликовская битва (1380)</p> <p>Сожжение Москвы Тохтамышем (1382)</p> <p>Разгром Золотой Орды Тимуром (1395)</p> <p>Нашествие Едигея на Москву (1408)</p> <p>Открытие университета в Барселоне (1430)</p> <p>Умер Андрей Рублёв (1430)</p> <p>Суд над Жанной д'Арк (1431)</p>	<p>XIV век</p> <p>«Сказание о Довмонте»</p> <p>«Повесть о разорении Рязани Батыем»</p> <p>Лаврентьевская летопись (1377)</p> <p><i>Агрефений</i>: «Хожение» (70-е годы)</p> <p><i>Киприан</i>: «Житие митрополита Петра» (80-е годы)</p> <p>«Задонщина» (80-е – нач. 90-х годов)</p> <p><i>Епифаний Премудрый</i> (ум. 1420): «Житие Стефана Пермского» (после 1396)</p> <p>Летописание в Твери, Смолен -ске, Новгороде и Пскове (кон. XIV в.)</p>	<p><i>Данте Алигьери</i> (1265 – 1321): «Комедия» (1307 – 1321) (ит.)</p> <p><i>Франческо Петрарка</i> (1304 – 1374): «Буколики» (1346), «Книга песен» (1366) и др. (ит.)</p> <p><i>Джованни Боккаччо</i> (1313 – 1375): «Декамерон» (1348 – 1351) (ит.)</p> <p><i>Жан Фруассар</i> (1337 – ок. 1414): «Хроники» (фр.)</p> <p><i>Джеффри Чосер</i> (1340 – 1400): «Кентерберийские рассказы» (1387) (англ.)</p> <p>Появление баллад о Робин Гуде (англ.)</p> <p><i>Лопес де Айала</i> (1332 – 1407): «Поэма о придворной жизни» (1385 – 1403), «Хроники» (исп.)</p> <p><i>Кристина Пизанская</i> (1364 – 1431): «Послание богу любви» (1399), «Сказ о Розе» (1400) (фр.)</p> <p>«Тысяча и одна ночь» (каирская ред.)</p>
<p>Нашествие Едигея на Москву (1408)</p> <p>Открытие университета в Барселоне (1430)</p> <p>Умер Андрей Рублёв (1430)</p> <p>Суд над Жанной д'Арк (1431)</p>	<p>XV век</p> <p>«Повесть о Темир-Аксаке» (1402 – 1408)</p> <p><i>Епифаний Премудрый</i>: «Житие Сергия Радонежского» (1417 – 1418)</p> <p>«Слово о житии Дмитрия Донского»</p> <p><i>Зосима</i>: «Хожение» (1419 – 1422)</p> <p>«Сказание о Мамаевом побои -ще»</p> <p>«Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву»</p> <p>Ипатьевская летопись (1-ая четверть XV в.)</p> <p>«Сказание об Иоанне Новго -</p>	<p><i>Кристина Пизанская</i>: «Сказ о Жанне д'Арк» (1429) (фр.)</p> <p><i>Лоренцо Валла</i> (1407 – 1457): «О наслаждении» (лат.)</p> <p><i>Энрике де Вильена</i> (1384 – 1434): «Поэтическое искусство» (1433) (исп.)</p> <p><i>Николай Кузанский</i> (1401 – 1464): богословские трактаты (лат.)</p>

<p>Великое княжение Василия II Тёмного в Москве (1425 – 1462)</p> <p>Взятие турками Константинополя (1453)</p> <p>Великое княжение Ивана III в Москве (1462 – 1505)</p> <p>Конец ордынского ига на Руси (1480)</p> <p>Открытие Колумбом Америки (1492)</p> <p>Открытие Ваской де Гама морского пути в Индию (1497 – 1498)</p> <p>Великое княжение Василия III (1505 – 1533)</p> <p>Венчание Ивана IV Васильевича на царство (1547)</p> <p>Взятие Казани</p> <p>Ливонская война (1558 – 1583)</p> <p>Начало книгопечатания на Руси (1564)</p> <p>Опричнина (1565 – 1572)</p> <p>Варфоломеевская ночь (1572)</p>	<p>родском»</p> <p>«Хождение гостя Василия» (1465 – 1466)</p> <p><i>Афанасий Никитин</i>: «Хождение за три моря» (1468 – 1475)</p> <p><i>Пахомий Серб</i> (ум. после 1484): жития, похвальные слова, службы</p> <p>«Сказание о Вавилоне»,</p> <p>«Сказание о Дракуле»</p> <p>«Повесть о Басарге»</p> <p><i>Переводы</i>: «Сербская Александрия», «Гроянские сказания», «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Прения Живота и Смерти»</p> <p style="text-align: center;">XVI век</p> <p><i>Нил Сорский</i> (ок. 1433 – 1508): проповеди, послания, «Духовная грамота»</p> <p><i>Иосиф Волоцкий</i> (1439/40 – 1515): послания, «Устав», «Просветитель»</p> <p><i>Филофей</i>: «Послание на звездочетцев» (1523 – 1524)</p> <p>«Сказания о князьях владимирских» (1527)</p> <p><i>Вассиан Патрикеев</i> (ум. после 1531): публицистика</p> <p><i>Иван Пересветов</i>: публицистические сочинения, «Сказание о Магмет-салтане» (30 – 40-е годы)</p> <p><i>Ермолай-Еразм</i>: публицистика, «Повесть о Петре и Февронии» (40 – 60-е годы)</p> <p>«Домострой»</p> <p>Никоновская летопись</p> <p>Великие минеи четии митрополита Макария</p> <p><i>Максим Грек</i> (ок. 1475 – 1556): переводы, публицистические сочинения</p> <p><i>Иван Фёдоров</i> (ок. 1515 – 1583): «Апостол» (1564), «Казанская история» (1564 – 1566), «Острожская Библия» (1580 – 1581)</p>	<p><i>Леон Баттиста Альберти</i> (1404 – 1472): «О семье» (1433 – 1434), «О зодчестве» (1485) (ит.)</p> <p><i>Франсуа Вийон</i> (1431? – после 1463): «Малое завещание» (1456), «Боль – шое завещание» (1461) (фр.)</p> <p><i>Анджело Полициано</i> (1454 – 1494): латинский перевод «Илиады» (ит.)</p> <p><i>Лоренцо Медичи</i> (1449 – 1492): «Пир», «Соколиная охота» (ит.)</p> <p><i>Томас Мэлори</i> (ок. 1417 – 1471): «Смерть Артура» (изд. 1485) (англ.)</p> <p><i>Себастьян Брандт</i> (1457 – 1521): «Корабль дураков»</p> <p><i>Эразм Роттердамский</i> (ок. 1466 – 1536): «Похвала глупости» (1511) (лат.), «Занимательная книжка о Тиле Эйленштегеле» (1515) (нем.)</p> <p><i>Томас Мор</i> (1478 – 1535): «Утопия» (1516) (лат.)</p> <p><i>Франциск Скорина</i> (ок. 1486 – 1540): перевод Библии (1517 – 1519) (белорус.)</p> <p><i>Мартин Лютер</i> (1483 – 1546): перевод Библии на немецкий язык, «Гезизь» (1517)</p> <p><i>Никколо Макиавели</i> (1469 – 1527): «Государь» (1532) (ит.)</p> <p><i>Лудовико Ариосто</i> (1474 – 1533): «Неистовый Орlando» (1532) (ит.)</p> <p><i>Франсуа Рабле</i> (1494 – 1553): «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532 – 1534) (фр.)</p> <p><i>Пьер Ронсар</i> (1524 – 1585): «Оды» (1550 – 1556), «Гимны» (1555 – 1556) (фр.)</p> <p><i>Мартин Бельский</i> (ок. 1495 – 1575): «Хроника» (1551) (польск.)</p>
--	---	--

<p>Царствование Бориса Годунова (1598 – 1605)</p> <p>Царствование Лжедмитрия I (1605 – 1606)</p> <p>Восстание Ивана Болотникова (1606 – 1607)</p> <p>Царствование Василия Шуйского (1606 – 1610)</p> <p>Польско-шведская интервенция (1609 – 1618)</p> <p>Освобождение Москвы от интервентов ополчением Минина и Пожарского (1612)</p> <p>Царствование Михаила Фёдоровича Романова (1613 – 1645)</p> <p>Основание Киево-Могилянской академии (1632)</p>	<p><i>Иван IV Грозный</i> (1530 – 1584): послания <i>Курбский А.М.</i> (1528 – 1583): «История о великом князе Московском» (1573), послания Ивану IV Грозному «Хожение» Трифона Коробейникова (кон. XVI – нач. XVII вв.)</p> <p style="text-align: center;">XVII век</p> <p><i>Терентий</i>, протопол: «Повесть о видении некоему мужу духовну» (1606)</p> <p>«Новая история о преславном российском царстве» (1610 – 1611)</p> <p>«Повесть о преставлении М.В. Скопин-Шуйского» (1610 – 1620)</p> <p>«Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612)</p> <p><i>Авраамий Палицын</i> (ок. 1550 – 1626): «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» (1612 – 1620)</p> <p>«Повесть об Юлиании Лазаревской» (20 – 30-е годы) <i>С.И. Шаховской</i>: «Летописная книга» (20 – 30-е годы)</p> <p>Поэтическая «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» (1641 – 1642)</p> <p>«Повесть о Горе-Злочастии»</p> <p>«Уложение» царя Алексея Михайловича (1649)</p> <p>«Повесть о Ерше Ершовиче»</p>	<p><i>Камюэнс</i> (ок. 1525 – ок. 1580): «Лузиады» (1572) (порт.) «Книга о Фаусте» (1587) (нем.) <i>Мишель Монтень</i> (1533 – 1592): «Опытъ» (1588) (фр.) <i>Кристофер Марло</i> (1564 – 1593): «Гамерлан», «Фауст» (1588) (англ.) <i>Вильям Шекспир</i> (1564 – 1616): «Укрошение строптивой» (1593), «Сон в летнюю ночь» (1595), «Юлий Цезарь» (1599) (англ.) <i>Торквато Тассо</i> (1554 – 1595): «Освобождённый Иерусалим» (1580), «Завоёванный Иерусалим» (1593) (ит.) <i>Лопе де Вега</i> (1562 – 1635): «Учитель танцев» (1594) (исп.) <i>Вильям Шекспир</i>: «Гамлет» (1601), «Отелло» (1604), «Король Лир», «Макбет» (1605), Зимняя сказка» (1610), «Буря» (1612) (англ.) <i>Томазо Кампанелла</i> (1568 – 1639): «Город солнца» (1602), «Поэтика» (1606) (ит.) <i>Мигель Сервантес</i> (1547 – 1616): «Дон Кихот» (1605 – 1615) (исп.) <i>Лопе де Вега</i>: «Великий князь Московский» (1606), «Собака на сене», «Фуэнте Овехуна» (1613) (исп.) <i>Галилео Галилей</i> (1564 – 1642): «Звёздный вестник» (1610) (ит.) <i>Мартин Опци</i> (1597 – 1689): «Книга о немецком стихотворстве» (1624), «Юдифь» (нем.) <i>Френсис Бэкон</i> (1561 – 1626): «Великое восстановление наук» (1620), «Опытъ» (1625) (англ.) <i>Рене Декарт</i> (1596 – 1650): «Правила для руководства ума» (ок. 1628), «Рассуждение о методе» (1637) (фр.)</p>
---	--	---

Русско-польская война (1632 – 1634)	«Повесть о Марфе и Марии»	<i>Педро Кальдерон</i> (1600 – 1681): «Жизнь есть сон» (1631) (исп.)
Основание французской академии (1634)	«Повесть о семи мудрецах»	<i>Пьер Корнель</i> (1606 – 1684): «Сид» (1637), «Гораций» (1640) (фр.)
Буржуазная революция в Англии (1640 – 1660)	«Повесть о Савве Грудцыне»	<i>Ян Амос Коменский</i> (1592 – 1670): «Великая дидактика» (1638), «Мир в картинках» (1658) (чеш.)
Царствование Алексея Михайловича (1645 – 1676)	<i>Котошихин Г.К.</i> (ум. 1667): «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666)	<i>Поль Скаррон</i> (1610 – 1660): «Вергилий наизнанку» (1649 – 1652) (фр.)
Восстание в Новгороде и Пскове (1650)	<i>Авакум</i> , протопоп (1620 – 1682): «Книга бесед», «Житие», «Книга обличений», послания (60 – 70-е годы)	<i>Жан-Батист Мольер</i> (1622 – 1673): «Школа мужей» (1661), «Школа жён» (1662), «Гартюф» (1664 – 1669), «Мизантроп» (1666), Мещанин во дворянстве» (1670), «Проделки Ска-пена» (1671), «Учёные женщины» (1672), «Мнимый больной» (1673) (фр.)
Патриаршество Никона (1652 – 1658)	«Артаксерсово действо» (1672)	<i>Франсуа Ларошфуко</i> (1613 – 1680): «Мемуары» (1662), «Максимы» (1665) (фр.)
Присоединение Украины к России (1654)	<i>Симеон Полоцкий</i> (1629 – 1680): «Комедия притчи о блудном сыне» (1675), «Вертоград многоцветный» (1678), «Рифмологикон» (1679), «Псалтирь рифмованная» (1680)	<i>Жан Лафонтен</i> (1621 – 1695): «Сказ-ки» (1665 – 1685), «Басни» (1668) (фр.)
Раскол русской церкви (рефор-ма Никона – 1653)	<i>Николай Спафарий</i> : «Описание Китая» (1675 – 1678)	<i>Николя Буало</i> (1636 – 1711): «Сати-ры» (1666), «Поэтическое искусство» (1674) (фр.)
Крестьянская война под руководством Степана Разина (1670 – 1671)	«Повесть о Тверском Отроче монастыре»	<i>Жан Расин</i> (1639 – 1699): «Андрома-ха» (1667), «Федра» (1677) (фр.)
Театр пастора Иоганна Грегори (1672 – 1676)	«Повесть о Шемякином суде»	<i>Джон Мильтон</i> (1608 – 1674): «Поте-рянный рай» (1667) (англ.)
Царствование Фёдора Алексеевича Романова (1676 – 1682)	«Калязинская челобитная»	<i>Ганс Гриммельсгаузен</i> (ок. 1622 – 1676): «Похождения Симплиция Симплиссимуса» (1669) (нем.)
Русско-турецкая война (1676 – 1681)	«Повесть о Карпе Сутулове»	<i>Мари де Лафайет</i> (1634 – 1693): «Принцесса Клевская» (1678) (фр.)
Стрелецкий бунт (1682)	«Повесть о Фроле Скобеев»	
	<i>Дмитрий Ростовский</i> (1651 – 1709): «Минеи четгии» (1689 – 1705), «Грешник кающийся», «Успенская драма» «Рождественская драма»	
	<i>Карион Истомин</i> (ум. 1717): «Букварь» (1694 – 1696)	
	<i>Переводы</i> : «Повесть о Бове королевиче», «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о Петре Златых Ключей»,	

<p>Правление царицы Софьи (1682 – 1689)</p> <p>Основание Славяно-Греко-Латинской академии (1685)</p> <p>Правление Петра I (1689 – 1725)</p> <p>Взятие Азова (1696)</p>	<p>«Повесть о Брунцвике», «Повесть о царице и львице», «Римские деяния», «Фацеции», «Великое зеркало»</p>	<p><i>Франсуа Фенелон</i> (1651 – 1715): «О воспитании девиц» (1684), «Приключения Телемака» (1699) (фр.)</p> <p><i>Жан Лабрюйер</i> (1645 – 1696): «Характеры и нравы этого века» (1688) (фр.)</p> <p><i>Джон Локк</i> (1632 – 1704): «Опыт о человеческом разуме» (1690) (англ.)</p> <p><i>Шарль Перро</i> (1628 – 1703): «Сказки моей матушки Гусыни» (1697) (фр.)</p>
--	---	---